

АЛЕК Д'АСТИ

16+

ГОСПОЖА
ОРИНГЕР

ЦИКЛ "КРАСНАЯ ПЫЛЬ"

Алек Д'Асти
Госпожа Орингер
Серия «Галактика «Огненная
Бабочка»», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64765566

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97500-2

Аннотация

Однажды госпожа Нотбек очнулась на полу своей спальни, с трудом вспомнила собственное имя и решила – пора что-то менять. Или ломать. Или заканчивать. Да, скорее заканчивать.

Однажды командующий Орингер увидел на инфостекле анфас и профиль госпожи Нотбек, улыбнулся, сунул инфостекло за пазуху, задраил шлюзы и рявкнул: «Взлетаем!»

Содержание

Часть первая. Белый стан	4
Глава 1. Орингер	4
Глава 2. А-ри-тэ	15
Глава 3. Молоко	24
Глава 4. Дом и плен	30
Глава 5. Тихий угол	42
Глава 6. Пол и слякоть	56
Глава 7. Нежное дитя	66
Часть вторая. Снег и деготь	73
Глава 1. Сэмиэль	73
Глава 2. Рафи	82
Глава 3. Акта	92
Глава 4. Джозефинн	105
Глава 5. Норманн	120
Глава 6. Элис	135
Глава 7. Интриги, смятение и беспорядки	144
Глава 8. Орингеры	160

Алек Д'Асти

Госпожа Орингер

Часть первая. Белый стан

Глава 1. Орингер

Он был какой-то отвратный, будто жирный. Снег.

Командующий Борх Орингер приподнял носком ботинка очередной снежный ком и поморщился. Ком дрогнул и плавно скользнул вниз, оставляя после себя широкую мокрую полосу. Тоже отвратную.

Впрочем, запах влажной, прогретой солнцем земли был хорош. В этом году весна здесь, на Лисьей планете, разыгралась не на шутку. Горные ручьи оставались еще остро-ледяными, но макушки огромных деревьев на равнине уже окропились свежими алыми почками. Оттаяли холмы, опушки... и разнообразные дерьмовые личности, вроде владельца Лисьей, Сайласа Нотбека. И мало того, что они оттаяли, так ещё и обострились. Психически.

Борх тяжело вздохнул, в который раз попытавшись примерить на себя округлое, благостное слово «опекун», но получилось так себе. Особенно, если вспомнить, что опекать ему

поручили не кого-нибудь, а старшую дочь Сайласа – Аритэ. Вернее, не просто «Аритэ», а целую «Алемар Ноэми Аритэ Нотбек» – аристократку в каком-то там поколении, дамочку тридцати трех лет, архитекторшу, оружейницу, профессионалку экспертного уровня... и наркоманку. Тоже самого что ни на есть экспертного. Уровня. Или *дна?*..

«Досье № 3214/57. Высокородная госпожа Нотбек.

Клаустрофобия, панические атаки, боязнь толпы, наркотическая зависимость, бессонница, головные боли неясной этиологии (возможно, невротического характера).

Состав преступления: третьего числа второго месяца госпожа Нотбек совершила нападение на кортеж негодянта Аллиэнна <...> с угрозой для жизни и здоровья вышеуказанного негодянта и его сопровождающих. Материальный ущерб составил <...> Ввиду неправомерного применения госпожой Нотбек режущей боевой сети (красного спектра), Совет межпланетного Содружества постановил: определить госпоже Нотбек наказание в виде ссылки на Серую планету, сроком на десять лет, с назначением ей опекунов из числа изъявивших такое желание высокородных граждан или командующих».

Борх очень кстати жил именно на Серой, но подобного желания изъявлять не собирался. Совсем не собирался, хотя с Аритэ был давно знаком – помнил ее еще девицей. Хмурой,

молчаливой, с косой до пояса. Борх ни чуточки не собирался, но зачем-то просмотрел досье № 3214/57, и... и топтался сейчас здесь, на Лисьей – слушал, как хлюпает под ногами талый снег, рассматривал окрестности, предвкушал встречу.

Прямо перед ним, посреди заснеженного пустыря, возвышалась полусфера стеклянного купола. Она заслоняла вид на город и горела ослепительным гляncем, награждая сетчатку слепыми белыми пятнами. Десяток серебристых дронов – наблюдателей Совета – жужжали над купольной макушкой, непрерывно сканируя окрестности. Чуть в стороне пыхтел огромный космический перевозчик Борха, продувая раскаленные синие сопла и натопив уже полный овраг мутноватой весенней воды.

– Любуешься, солдафон? – ехидно раздалось из-за плеча.

Борх закатил глаза и медленно повернулся на звук.

Белоснежное пальто Сайласа резануло глаза и без того утомленные куполом.

Орингер внимательно рассмотрел переносицу Нотбека, мысленно прикинув силу удара, которая могла бы отправить этого кучерявого хлыща в нокдаун, но не вырубить окончательно, вздохнул: «Как-нибудь в другой раз...» – и басовито уточнил:

– Я загрузил всего один ларь со шмотками. Слишком жиденький багаж для высокородной выпендренницы из семьи архитекторов и барахольщиков.

– Ан-ти-ква-ров! – сжав зубы, свистяще поправил его

Сайлас. – Антикваров и архитекторов Нотбеков!

– Угу, антикваров, – состроив серьезную мину, пробухтел Борх. – Винтаж-говняж и все такое.

Он отодвинул задохнувшегося от такого невежества Нотбека в сторону и направился к куполу – Аритэ была где-то внутри этой сияющей одиночной камеры для высокородных господ.

Входной шлюз бесшумно скользнул вверх. Широкий спуск вывел Орингера на огромную открытую площадку – круглую, будто арену, со всех сторон окруженную этажами-галереями. Купол с угрюмой маковой сердцевинкой раскинулся на высоте, а жилая часть оказалась утопленным под землю бункером.

От стен к Борху протянулись зелёные лучи сканеров системы безопасности, скользнули по запястьям невозмутимого Орингера, осветили закрепленный у него за плечом длинный прут-шокер и задумчиво замерли. Купол переварил информацию и вдруг вспыхнул пунцово-красным, будто опылив собственные внутренности тончайшей алой взвесью: галереи, стены, спуск.

Орингер нахмурился: «Тревога? С чего это? Ему не понравился мой прут или...» – он огляделся, шаркнул по упругому покрытию ногой – звук волной прокатился в стороны – и раздраженно гаркнул:

– Ну ты припудрилась там, Нотбекша? Я жду!

Возмутительно громкий выкрик отразился от купола и

рассыпался по галереям неприятным разноголосым эхо.

Борх напрягся, почуяв неладное. Вдоль позвоночника, сверху вниз, его прострелила тонкая ледяная искорка, скапываясь к копчику вояки и щекотно отдавая в сторону сверхчувствительных седалищных нервов, а уж им-то Орингер привык доверять на все сто.

Красное марево давило на голову, воздух стал плотнее, гуще. Пол сделался горячим, как панель управления грузового корабля после длительного перегона.

Борх сделал несколько шагов назад и в сторону, к стене, медленно снял со спины прут, осмотрелся и принялся – озон и теплый мед, с легкими нотками подпаленной шерстяной ткани.

Сипловатый голос Аритэ раздался сразу со всех сторон: – Выход правее, Борх. Поторопись.

Широкий проем спуска озарился мощными зелеными огнями, разгоняя алую муторную дымку, но Борх лишь азартно прищурился: «Мне? Выйти? Ну уж нет! Дамы вперед», – повесил прут обратно на плечо, мотнул гривастой головой и вышел на середину зала, ровно под маковый зрачок наверху.

Спасительные зеленые огни погасли. Следом за ними утихла и алая пелена, расступаясь в стороны, бледнея. Пространство вновь обрело четкость, наполняясь юрким прохладным воздухом.

Дверь напротив Борха плавно отъехала в сторону, выпуская на арену невысокую молодую даму все в том же огнен-

но-красном. Ее атласная рубашка была полурасстегнута, а просторные штаны развевались на округлых бедрах шуршащим полотном. Уголки глаз Аритэ подернулись тонкой сеточкой лопнувших капилляров, от висков ко лбу и скулам разлетелись нездоровые сизые тени, золотистые волосы повисли у подбородка блеклой волной... толстый слой алой помады плотно покрывал губы, размывая их очертания, словно пачкая.

Аритэ бесшумно дошла до Орингера, остановилась в нескольких шагах и с неудовольствием на него уставилась.

Борх в ответ хорошенько рассмотрел ее, поморщился и разочарованно протянул:

– А где ще-о-оки? Румянец? Косички прикольные куда девались? Ты же пухлая была?

– Была, – прохрипела Нотбек.

Борх вновь окинул ее беззастенчивым взглядом с ног до головы, поразмыслил немного и решил проявить галантность:

– Ничего такой костюмчик. Прямо и в пир, и в мир.

– Это пижама, – отшила его Аритэ.

– Охренеть, как вы зажрались! – Борх передумал проявлять галантность. – В золоте-шелках спать! Короче, давай без этих тупых церемоний, не первый год знакомы. Тряпки твои я уже загрузил, можно...

Первый щелчок был совсем тихим, нежным, вкрадчивым. Второй сопровождался секундой низкого, утробного гу-

ла. Из-под рубашки Аритэ, прямо по белокожему декольте, скользнула пунцовая цепочка из мелких звеньев, оглаживая ямочку между ключиц, поднимаясь вверх, по ходу сонной артерии, трогая простую сережку в мочке уха. Следом из треугольного выреза поднялись сверкающие зеркальными гранями лепестки багряного боевого костюма, выстраиваясь плотной мозаикой, с хрустом прикрывая шею, скулы, все тело хозяйки под просторной пижамой. Широкие браслеты на запястьях Нотбек обросли разновеликими шипами, кисти рук словно в мгновение обмакнули в черное, на пальцах вспыхнули красным длинные пластины и когти-держатели. Аритэ оказалась вооружена. И полностью готова к атаке.

Борх покачал головой: «Видать, Сайлас тайком ее снабдил, чтобы насолить мне. Говнюк», – с любопытством осмотрел парящие вокруг Аритэ темные чешуйки-осколки шлейфа, дернул подбородком и негромко попросил:

– Продемонстрируешь?

Аритэ резко подняла руки вверх и с оглушительным ревом вспыхнула, прорастая огненной кроной зарниц. Толстые красные ветки боевой сети метнулись с ее пальцев в стороны, очень ровно скашивая и оплавливая витые перильца галерей, с аппетитным похрустыванием пересчитали округлые бра на стенах и дернулись к куполу, выкраивая из маковой сердцевины увесистый кус. На упругий пол со скрипом и грохотом обрушились мелкие раскаленные осколки и крупный обломок каркаса, разбрызгивая по залу тонкие острые былинки.

Дерево алых зарниц умерило свою яркость, с нечеловеческим стоном развалилось на две половинки, еще какое-то время отчаянно цепляясь ветвями, оплывило упругий пол и погасло. Купол закрипел, уронил со своей поруганной стеклянной макушки еще несколько обломков и притих.

Аритэ осмотрелась и брезгливо отшатнулась назад, прочь от расплавленного влажными пятнами пола. На нижней галерее за ее спиной покачнулась секция перил и, с треском накренившись, повисла на одном креплении. Радостное весеннее солнце быстро освоилось на новом месте жительства, освещая сияющий битым стеклом пол.

Борх отмер, оглядел купол, себя, перчаткой стряхнул с правого плеча горку осколков, покосился на притихшую, задумчивую, багряно-красную Аритэ, прыснул, а потом и во все расхохотался в голос, продолжая отряхиваться и сверкать на свою потенциальную подопечную глазами.

Аритэ наградила его в ответ тяжелым взглядом исподлобья, выпустила еще одну тонкую красную змейку, растягивая ее между когтистыми пальцами, словно толстую пряжу, вздохнула и сжала кулаки, погасив сеть окончательно.

Орингер кое-как угомонился, фыркнул и темпераментно спросил:

– Что ты вообще тут делаешь? С таким арсеналом? Шугани этих идиотов снаружи, выбирай любой транспорт, ну кроме моего, конечно, и свободна!

– Отец будет недоволен, – чуть слышно прошептала

Аритэ, понурившись.

Борх одновременно хохотнул и закашлялся, подошел к ней неприлично близко, наклонился, буравя черными глазами, и посетовал:

– Папочка недоволен? Ой, какая жалость! Наверное, придется послать его в зад... или еще куда подальше, м? Как думаешь?

– Я такой лексикой не владею, – отказалась Аритэ.

– Зря, – отрезал Борх. – Потому и стоишь сейчас тут, посреди дерьма и разрухи. В пижамах-помадах, как последняя фря. Все, я пошел. Угроза моим жизни и здоровью в договор об опекунстве не входила. Это папаша тебя костюмчиком-то осчастливил? Угу, все ясно. Надеюсь, Сайлас там недалеко убежал. Сейчас мы новое дело замутим – «об избиении ку-черявого хлыща» называется. Пока! И это... харе ширяться, вижу ведь, что плывешь. Исхудала. Смотреть страшно – ни кожи, ни рожи и попка с кулачок!

Багряный костюм яростно защелкал, как будто выламывая что-то в глубине себя, отцепился от неподвижной Аритэ, поднялся темной поблескивающей тучей и застыл. Орингер, задрав голову, осмотрел получившийся из боевого костюма помпон и, приподняв бровь, поинтересовался:

– Чего-о-о это оно задумало? Жрать хочет, что ли?

– Нет, – тихо ответила Аритэ, обхватила себя руками и совершенно неожиданно выдала. – Командующий Орингер, прошу у вас предоставить мне убежище. Прошу разрешения

остаться на вашей территории, под вашей защитой, сдав вам на хранение моего питомца, – она быстро показала рукой на пушистый помпон и снова съежилась, – и заключенную в нем красную боевую сеть. Обязуюсь выполнять все ваши требования, ни при каких обстоятельствах не нарушать устав вашего поселения и постараюсь не стеснять вас и ваших сотрудников своим таким нежелательным для них присутствием, покидая выделенную мне комнату как можно реже. Прощу...

– Стой, стой! – опомнился Борх, обеспокоенно заглянув в ее отрешенное, неподвижное лицо. – Без церемоний, ну! Что? Ломает тебя? Отходняк? Все будет, Рита. Только костюмчик твой я запрю. Он опасный, а у меня народу в стане знаешь сколько? О, теперь в два раза больше – недавно еще беженцы с Тухлой речки подвалили, толпой. И сразу говорю – наркоты не будет, выдам синие флаконы для чистки крови. Согласна? Ты в тапках, что ли? В носках? Так, до выхода я тебя несу, обхвати за шею. Давай, а то все ноги порежешь...

* * *

– Аритэ, что ты вытворяешь?! Нет! – Сайлас в панике подскочил к дочери, уже ступившей на подножку перевозчика, потянулся, чтобы схватить ее за руку, и тут же с шумом приложился спиной о черный матовый корпус.

Нависший над ним Орингер ощерился и зарокотал:

– Только рискни, гад! Я ее забираю! И чтоб духу твоего на Серой... убери лапы, сволота! Или на хрен!

Не раздумывая, командующий схватил высокородного архитектора за шкуру и отшвырнул в сторону.

Черный шлюз закрылся, отгораживая Аритэ, Борха и запертый в спецконтейнере багряный помпон от ноздреватых сугробов, затопленного овражка и Сайласа. Мощные движки перевозчика с грохотом проснулись и загудели, вспыхнув синими огнями.

Серебристые дроны Совета внесли последние слова командующего Орингера в протокол и зашуршали, готовясь сопроводить его до указанного в договоре пункта назначения – Серой планеты.

Глава 2. А-ри-тэ

Горячо. Почему ей было так горячо?..

Наркотик. Кайф. Ломка. Знакомый алгоритм.

Гудящая ядовитая дурь захватила снулую тушку... дурь – голодная, злая, жестокая госпожа непослушной рабыни Аритэ... дурь, оглушительно громко заявляющая свои права. Пронзительно. До дребезжащего звона в ушах, закатившихся глаз и вздыбленного хрустящим горбом позвоночника. Вокруг – лишь видения, размытые силуэты, выпрыгнувшие из далекого прошлого давящие стенки шкафа и тяжелые запахи.

Тесно. И снова жарко. Горячо.

«Имя... имя? Как меня зовут? Где я? Не помню... ничего не помню...»

Синий флакон перед глазами поплыл, моргнул острыми бликами, раздвоился, метнулся закрученным калейдоскопом, насыщая снулую тушку мутной желчью, обжигая горло, сдавливая сердце и легкие. Выламывая, втаптывая, убивая. Выкалывая нервы синими стрелами, распиная сухой бабочкой под стеклом. Жар, боль, страх, шум. И вдруг, словно из ниоткуда, спокойный женский голос:

– Приоткрой окно, Борх. Хм, какая странная реакция. Видимо, это у нее рефлекторно или...

И убийственно грохочущий бас:

– Заканчивай, а?! Может еще черепушку ей вскрыешь, чтоб зал показов тут зафигарить? Сделай что-нибудь, Лаура! Помоги ей! Ты – медик или кто?! Давай!

– Прежде всего я твоя старшая родственница, так что не ори и веди себя примерно, мой мальчик. Угомонись.

Жар, атакованное плавающей волной нутро, выгнутые кости... и снова рычащие вопли Орингера:

– Колбасит и колбасит! Я ее в госпиталь, а эти, эскулапы хреновы...

– Ти-хо, Борх. Звуки тревожат ее.

– Все по схеме у них! Метаболические, чистка, анестетики шпарят, а ей только хуже!

Снулую тушку расплавили огненной дугой, со скрежетом вывернули спиралью и снова дернули в полукруг.

– Борх, замолчи. Ты мне мешаешь. Конвульсивные... тихо, тш-ш-ш, еще чуть-чуть, девочка.

– Лаура, ну что ты там возишься с этими пластинками?! Какие, нахрен, анализы? Резче, ну!

– Пошел вон.

– А?!

– Принеси из подвала желтый контейнер.

– Угу.

Жар, ударившие в голову звуки шагов, пламя, огненная дуга. Легкие шорохи, прохлада на глазах. Приятный шепот:

– Так лучше, да, моя хорошая? Что у нас тут? О-о-о, вот это до-о-оза. Как ты живая еще? Мо-о-ощное сердце. Ане-

стетики... м-да, как все грустно – обкололи-то тебя, как на-
зло, опийным антагонистом. Больно? Еще бы. Все жилки вы-
тянули. Сейчас, сейчас, тш-ш-ш. Сейчас будет легче. Лучше
слегка заиндеветь, чем обуглиться, правда?

Огненная дуга замерла неловкой серой раскорякой, защи-
пела, остывая... и вновь грохот, скрип, бас:

– Лаура, блин! Нет там никакого желтого ящика! Синень-
кий только.

– Фиолетовый.

– Чего?

– Неважно. Выйди, Борх! Приготовь теплую воду, пару
маленьких и одно большое полотенце. Живо.

– Но я могу помочь... почему нет?

– Вон!

– Понял, понял. Виноват, ухожу исполнять.

Тишина. Синий флакон, бликующий острыми стрелами.
Прохлада по венам. Пепельный привкус на языке. Шипя-
щие угли в груди. Зола. Ледяные капли на висках. Слабость.
Дрожь.

«Как меня зовут? Как меня... А-ри-тэ. Холодно. Почему
так холодно?..»

* * *

Аритэ глубоко вдохнула и открыла глаза. По белоснежно-
му потолку над ней скользнул солнечный зайчик, подсветил

темную древесину мощной балки, игриво коснулся ласты-цветка и погас.

Синяя медицинская капсула, приютившая Аритэ, была полностью раскрыта и помаргивала зеленым по краям нежных лепестков.

Небольшая комната порадовала распахнутым окном, широким подоконником и полосатым домотканым ковром. Дальний от капсулы угол занимал объемный рыжий диван и круглый столик. Рита села и с интересом прищурилась – на его светлой столешнице притулился поднос, накрытый салфеткой.

Капсула дрогнула, чуть наклонилась, высадив пациентку, поддерживая ее дополнительной лопастью.

На трясущихся ногах, шелестя серой пижамой, Аритэ кое-как добралась до дивана, рухнула на него и, потянувшись, приподняла салфетку с подноса. Пузатый чайник, парочка небольших контейнеров и забавно зеленый то ли фрукт, то ли овощ выглядели многообещающе. Кружка была большой, отвар из чайника ненавязчиво сладким, тишина вокруг уютной, диванные подушки бархатистыми, толстый ковер нежно-пушистым... а шаги со стороны двери, нарушающие утреннюю идиллию, бодро-упругими:

– Оба-на! Трупик зачуханный выполз.

Рита прикрыла глаза, не обращая внимания на вошедшего без стука Борха, и с наслаждением сделала еще один глоток.

– Слышь, Лаура? Трупик, говорю, вылез! Видать, неглу-

боко закапывали. Где наши зонды дезинфекторы, а? Антисанитария же!

Аритэ вдруг резко подкинуло. Кружка с отваром шлепнула ей на брючину мокрую кляксу, маленькое блюдце свалилось с подлокотника на ковер, подушки тонко скрипнули – оккупировавший половину ее дивана Борх поерзал немного, угнезвился и вытянул ноги, оглядывая застывшую с кружкой подопечную. Насмотревшись, он цокнул и подытожил:

– Бледня́ бледне́й. Откармливать и выгуливать.

Аритэ наклонилась к столу, поставила кружку, внимательно рассмотрела загадочный зеленый плод, идентифицировав его все же как фрукт, и нахмурилась – соответствующих вилок и ножа на подносе не было.

– Забе-э-эй, – хмыкнул Орингер, на удивление легко считав причину ее замешательства, и подначил. – Тебе точно тридцать три? Хм, а сейчас кажется, что шестнадцать. Папочка не видит. Ешь.

Аритэ мотнула головой:

– Нет, спасибо. В другой раз.

Борх кивнул, поднялся на ноги и прошелся до окна, попутно разъясняя гостье:

– Мы еще неделю-другую перекантуемся здесь, в гостях у моей тетки, Лауры. Она медик, присмотрит за тобой, прокапает. Потом отправимся в стан. Вилки и ножики я тебе пока никаких не дам, а то мало ли, может ты, как мамаша твоя, покойная, почикаешься. Ларь со шмотками в коридоре. Еще

могу зеркало сюда приволочь и шкаф, если нуж...

– Моя *мамаша*, – монотонно, густо, совсем без сипоты перебила его Аритэ, продолжая напряженно рассматривать фрукт. – Как-то под вечер... захотела выставить меня из дома, но я не ушла – цеплялась за ее халат, а после и за все, что попадалось мне под руку. Волосы, руки, ноги, пояс, подол. Тогда она схватила меня за *прикольные косички*, оторвала от себя, запихнула в тесный кухонный *шкаф*, а сама привалилась к нему спиной и порезала себе руки белой *сетью*. Сетью, а не каким-то глупым *ножиком*, командующий.

Орингер сунул руки в карманы, присел на широкий подоконник и прислушался – за окном раздавался тихий шелест воды – Лаура поливала куст нежно любимых ею розовых пионов.

Аритэ встала с дивана, покачиваясь, вышла в коридор и с грохотом откинула с ларя крышку. Отыскав завернутый в кружева раскладной нож, она щелкнула им, придирчиво осмотрела со всех сторон и вернулась на диван.

Борх понаблюдал, как она аккуратно снимает с фрукта кожу, и протянул:

– Да-а-а, шкаф тебе и правда ни к чему. У тебя уже есть один. Тот самый. Кухонный. До сих пор в нем сидишь, никак вылезти не можешь. Кстати, – он снова подошел к притихшей Рите и присел перед ней на корточки. – Я знаю, что у тебя платежные точки в ладонях и отдельный от твоей уродской семейки счет «Алемар Ноэми Аритэ Нотбек», который

тебе оставил твой высокомерный дед. Целое состояние. Так вот. Серая планета до отказа нашпигована дилерами всех мастей, но имей в виду – купить дурь ты здесь не сможешь. Я чрезвычайно вежливо объяснил всем торчкам и транковозам на этой и соседних планетах, что иметь с тобой деловые отношения им не следует. Сбегать от меня тоже не рекомендую, а то знаю я эти ваши бабские штучки – «спасите, караул!» – защиты просите, а потом – шур! И след простыл. Я отвечаю за твою сохранность и не желаю прочесывать пустоши в поисках твоего шустрого задика, ну-у-у или его фрагментов. Снова наблюдать, как ты подымаешь, выламываясь, я тоже не хочу. Поняла?

Аритэ доела фрукт, оказавшийся приятно маслянистым на вкус, подняла на Борха глаза и кивнула:

– Тихая комната, мой боевой костюм в прозрачном контейнере, пара-тройка книг и скоро ты забудешь о моем существовании. Никаких жалоб на меня со стороны персонала ты не услышишь.

– Чудненько! – с готовностью протянул ей пятерню Борх и улыбнулся, ощутив неожиданно крепкое пожатие в ответ. – Ого, вот это хватка!

Он отпустил ее руку, с любопытством принюхался к контейнерам на подносе, уселся на полосатый ковер, игнорируя тяжелый многозначительный взгляд напротив, и заявил:

– Хочу с тобой позавтракать. Давай, вылезай из своего шкафа – придется тебе развлекать тупого солдафона вели-

косветской беседой.

Стянув с себя усыпанную трухой куртку, Орингер, не глядя, швырнул ее в угол, подвернул рукава сорочки, подхватил с подноса еще одну кружку и в ожидании правильного ответа уставился на Аритэ.

Госпожа Нотбек медленно выдохнула, налила настойчивому опекуну горячего отвара и, даже не пытаясь поправить свои торчащие во все стороны волосы, начала:

– Ваш визит был столь неожиданным, командующий, что я не успела привести себя в порядок. Прошу прощения за такую оплошность. Как вы считаете, погодные условия сегодня располагают к прогулкам? При должном уровне сноровки, я могла бы попробовать спуститься вниз, но... ах. Не уверена, что получится. И что смогу уделить вам нынче достойное вашего статуса и положения внимание тоже – посетившее меня наемни легкое недомогание... ты сейчас подавишься, Борх.

– Ой, не могу! Уржаться! Охрентельно! Продолжайте, госпожа Нотбек, продолжайте.

* * *

Придержав ногой стеклянные двери, Лаура осторожно протиснулась на кухню, свалила на стол цветочную охапку и тихонько, неожиданно резво для такого почтенного вида леди, пробежалась по коридору до гостиной. Прислушавшись, она просеменила вправо, обходя кресла, пересекла залитую

светом библиотеку, и, крадучись, свернула к невысокой боковой лестнице, различая негромкий голос Аритэ и басовитый смех Борха.

Закончив подслушивать, Лаура пригладила свои короткие серебристые волосы, бесшумно шмыгнула за угол, и задумалась: «Аритэ. Рита. Интересная особа. Молодая. Говорят, очень талантливая. С легкой придурью, конечно, даже взрывная, но это хорошо – не скучно ему будет. И сердце у нее сильное, фигура красивая... женственная. А вдруг получится? Только от наркоты ее отвадить, отучить. И Сайлас, тварюга! Хотел погубить племяша – выдал девице дурь и костюм с сетью. Чертов барахольщик! Но ничего, мы еще посмотрим, кто кого. Мы еще посмотрим...»

Глава 3. Молоко

Полутьма была нежной. Успокаивающей. Тихой.

Притаившаяся в глубине дивана Аритэ наклонила голову стую лампу ближе к себе и перелистнула последнюю страницу книги. История завершилась хорошо, герои преодолели все трудности и даже их дети не спасовали перед невзгодами. Рита едва заметно улыбнулась, заправила аккуратную золотистую прядку-волну за ухо и прислушалась к особняку.

Предрассветный дом замер в предвкушении нового дня.

По комнатам бродили ароматы травяных пучков, развешанных Лаурой, и бессонница.

Аритэ нахмурилась, рассматривая люстру-цветок на потолке – спать по-прежнему не хотелось. Десять дней спецтерапии, прогулки и режим помогли удлинить время ночного сна почти вдвое. До пяти часов.

Усмехнувшись: «Обнадеживающая динамика», – Рита покачала головой, мельком глянула в сторону обширного окна, вздрогнула и уставилась на него уже во все глаза, быстро сглатывая, – привычной картинке на месте не было. Сплошь какой-то странный светлый фон.

«Что это? Меня заперли? Ставни? Защитный шлюз? Кон... консервирующая перегородка?!» – сердце жалобно забулькало, дыхание застряло в мгновенно сузившемся горле, а в комнате резко запахло затхлостью, спертым воздухом

и темницей.

Книга со стуком упала на пол, полосатый ковер заглушил звуки торопливых шагов и натужные выдохи.

Аритэ вывалилась в коридор, в панике шарахнулась от стен, не узнавая даже расписные крышку и бока собственного ларя, почти скатилась по лестнице до библиотеки, в отчаянии сжала зубы – водопад портьер здесь плотно прикрывал окна – и, едва сдерживая крик, вылетела в гостиную.

Вокруг вновь были тишина, полутьма и сплошь белые, высокие окна.

Рита застыла, присмотревшись...

Осознав свою ошибку, она с облегчением вздохнула, устыдилась своего приступа и потеряла ушибленное плечо.

Не ставни и не перегородка – это был туман. Прохладная молочная пелена.

Аритэ подошла к окнам и потрогала стекло, залюбовавшись белой завесой.

Мир потерял дно и крышечку. Он просто существовал и был таким тихим, покорным, немного рассеянным, будто пытался спросить у кого-то: «Где я? Кто я, и как здесь оказался?»

Решительно подтянув толстые носки, Рита на цыпочках пробежалась до холла, с сомнением оглядела свою зеленую пижаму, но все же толкнула входную дверь, тенью выскользнув из дома. Оглядевшись, она восхищенно выдохнула, вытянула руку и шагнула вперед.

Молоко. Кругом и повсюду.

Донышко у мира все же осталось. Ступени крыльца были влажными. Справа показалась клумба с пушистым, сонным Финиксом. Рита уже успела привыкнуть к необычному виду этих местных пернатых цветов, неуловимо похожих на снегурей в обмороке. Попавшие под носки камешки пару раз сбили любопытствующую исследовательницу с ровного шага, но остановить не смогли. Невысокая декоративная изгородь блеснула медными шариками.

Аритэ пригляделась, но совершенно ничего не увидела. Тогда она потянула воздух носом и улыбнулась, уже по-настоящему, искренне – туман отдавал свежим озоном.

Перепутанные густые травы цеплялись за ноги, словно грозились порезать гостью своими тонкими стебельками и узкими листьями. Рита на ходу припомнила схему расположения на местности дома, озера, горной гряды и снова отклонилась влево, обходя особняк по широкому кругу.

Носки промокли от росы, штанины тоже были влажными, но прогулку заканчивать не хотелось. Молочный океан дарил непривычное ощущение внутреннего спокойствия, уверенности и даже нехарактерного для госпожи Нотбек куража.

Аритэ остановилась, немного потопталась на месте, утрамбовав траву под собой в плотный коврик, и плавно повела рукой, как будто трогая окружающее её утро.

– Я жива, – прошептала она, – жива. И хочу жить дальше. Хочу... по-настоящему.

Кашлянув, Аритэ напела несложный мотив, вдохнула и запела громче, свободнее, чуть изменяя известный ей мотив, по-своему, хулигански проглатывая или растягивая окончания некоторых слов, повышая-понижая тембр, выкрикивая острые фразы, развлекаясь и подсипывая на «поворотах».

Окончательно позабыв при каких обстоятельствах происходило ее выступление, Аритэ в полный голос допела одну из самых любимых своих композиций, опустила голову и закрыла глаза.

Из-за ее спины тут же донесся шумный вздох, а затем и недовольное басовитое бурчание – донельзя мрачный, заспанный Борх в кое-как надетой куртке вышел из тумана и сурово уставился на подопечную, выговаривая ей с укором:

– Ни пожрать нормально: «Ах, Борх, ты неправильно жуешь кресс-салат», ни поспать! Пять утра! Шляется она, хрен знает где, песенки поет, а я бегаю, ищу, роняя тапки!

Аритэ вскинулась, резко шагнула к нему, и воскликнула:

– Я буду делать все, что ты захочешь!

Борх удивленно приподнял брови:

– О-о-о, и тебя с добрым утром. Что ты...

– Все! – решительно кивнула Рита. – Я хочу здесь жить.

Совсем. То есть не обязательно конкретно здесь. Просто на Серой планете, даже после ссылки, назначенной Советом. Пустоши без конца и края, туман – мне это подходит, это мое. Никаких этих чертовых деревьев. Я хочу постоянно жить на твоей территории и, возможно, даже воплотить ка-

кую-нибудь из давних своих идей, задумок. У меня полный ларь таких – лежат, пылятся. Думаю, скоро отец начнет добиваться пересмотра моего дела, а после того, как Совет откажет ему, попытается подлизаться к тебе, подкупить – оружие, технологии, боевые челноки. Все самое вкусное за твой отказ опекать меня в связи с... какими-нибудь обстоятельствами. Не соглашайся, прошу. Оставь мою скромную персону при себе. Что ты хочешь за такое содействие и покровительство?

– Хм, дай-ка поду-у-мать, – изображая замешательство, протянул Орингер и в который раз осмотрел декольте, шею и губы просительницы. – Смотря что ты умеешь.

– Умею? – ровно переспросила Аритэ – посетившая ее вспышка эмоций уже медленно угасала. – Видимо, только лежать. Дышать. Могу постонать красиво, если надо.

Борх с загадочным видом наклонился к ней еще ближе и выдохнул:

– Под «что ты умеешь» я имел в виду исключительно твою профессиональную деятельность, Нотбек.

– Архитектор-градостроитель, архитектор-реставратор, архитектор-оружейник. Ловец сетей, – ничуть не смутившись, перечислила Рита и невозмутимо добавила. – Первые три квалификации на достойном уровне, четвертая... ловец-Эксперт.

– А дополнительно? – промурлыкал Орингер. – Певичка?

– Только для себя, – насупилась Аритэ. – Так ты согласен?

Да или нет?

– Я, пожалуй, еще подумаю, – уклонился от прямого ответа Орингер, кокетливо почесывая подбородок.

Рита кивнула и неторопливо направилась к уже проступившему сквозь туман силуэту особняка.

Борх покружился на месте, оглядывая окрестности.

Молочная дымка заполнила собой все прилегающие к дому овраги, синее озеро неподалеку поблескивало глазурью, заостренные верхушки черного хребта осветились первыми лучами восходящего солнца.

Золотистая макушка Аритэ неторопливо приближалась к особняку. Уютная зеленая пижама молодой дамы покрылась крапинками прилипчивых колючек, листиков, лепестков и хлопала Риту по лодыжкам насквозь мокрыми штанинами. Борх усмехнулся:

«Она еще и поет. Спятить можно. Просила оставить при себе, не отдавать за какие-то плюшки. Придумала же подобную дичь. Такая умная и такая глупышка. Опять в носках! Надо бы стащить их с нее, а потом... чай? Отвар? Нет, лучше напоить ее горячим молоком, чтоб не простыла. Подумаю, подумаю, Рита, я подумаю... все, уже подумал. Держись».

Глава 4. Дом и плен

Бескрайняя пустошь вокруг стана Орингера оказалась кудрявой.

Аритэ присела на корточки, разглядывая покрывающие землю пушистые белые холмики – невзрачная серая трава разродилась пучками мельчайших звездчатых цветов. Погладив одну из нежных шапочек, Рита обнюхала свою ладонь – пахло горьким, поднялась на ноги и оглянулась на выделенный ей Борхом маленький флигель. Высокое, почти полностью состоящее из окон строение, видимо, когда-то мечтало стать оранжереей, но не сбылось.

На мытье и полировку многочисленных, запыленных стеклянных стен у госпожи Нотбек ушло три дня. Еще неделя понадобилась на очистку помещения от пожухлого мусора, с последующим составлением списка на покупку недостающих предметов мебели и обихода.

Рита улыбнулась, вспоминая, как придирчиво Орингер изучал текст ее дистанционного заказа. Вояка как будто пытался расшифровать секретный код, согласно которому «кресла реклайнеры» следовало трактовать не иначе как «ударная доза наркоты номер один»; а «обивка предпочтительно светлых тонов» и вовсе как «дурь номер два на разогреве». В итоге Борх все-таки подписал разрешение на поставку извне и даже позволил подопечной некоторые вольно-

сти в виде десятка уличных фонариков и световых маячков.

Отмытый, дополненный неброской мебелью и текстилем, стеклянный домик немедленно воспрял духом и приосанился. Тот же фокус Рита собиралась повернуть с еще одной интересной постройкой неподалеку: возродить, приосанить, а заодно, возможно, задеть и раззадорить... но уже не конструкцию, а кое-кого другого.

Чуть в стороне от флигеля госпожи Нотбек расположился огромный перевозчик командующего, а за ним – многочисленные разномастные здания: складские помещения, госпиталь, несколько цехов, ровные ряды казарм и одиночных частных домиков. Еще дальше начиналась так называемая карантинная зона, где до поры содержали всех вновь прибывших.

Рита хмыкнула, вспоминая сценку, разыгранную Борхом по прилету из особняка: осознав себя новопоселенцем, Аритэ дисциплинированно поволокла свой ларь в сторону карантина, но была немедленно остановлена оглушительным: «Куда?! Шибко умная?» – и на плече Орингера, головой вниз, прямо на глазах у всего стана, передислоцирована им в сторону флигеля. Жалобно поскрипывающий ларь ей доставили позже, двое одинаковых с лица, невозмутимого вида адыютантов. Командующий Орингер в это время был ужасно занят, а под вечер и вовсе почти взбешен – его подчиненные имели дурную привычку бегать за ним растрепанным хвостом и сообщать новости истерическим хором, пу-

таясь в показаниях.

Аритэ тряхнула головой и осмотрела низкое серое небо – дымчатое, влажное, налитое. Вдохнув легкого прохладного воздуха, она повернулась к стану спиной и неторопливо пошла вперед, приглядываясь к виднеющимся у полосы колючего кустарника руинам сгоревшего дома. Его обугленные стены вытаращились в стороны слепыми бельмами оконных проемов, а крыша рухнула вниз поломанными ребрами.

Поднявшись по широкому крыльцу, Рита шагнула через порожек, в который раз осматривая прокопченное нутро здания. Вытянув из кармана лоскут ветоши, она с силой потерла им стену, снимая черный налет, и нежно тронула проглянувший сквозь него золотистый строительный блок.

– Опять! – громоподобное негодование Орингера рикошетом отразилось от стен, контузив стайку мошкары в дальнем углу. – Какого... ты опять тут ошиваешься? Видишь, доски провисли? По башке захотела получить?

Аритэ приподняла бровь, не соизволив как-то иначе отреагировать на звук, и продолжила тереть стену ветошью. Затылок и шею Риты легонько защекотало, покалывая – Борх стоял близко и буравил свою непутевую подопечную тяжелым взглядом. Впрочем, как всегда, ничего нового.

– Нотбек! Зараза, игноришь, значит, ну-ну. Аритэ! Госпожа архитектор, разрешите обратиться! Кстати, ничего такой пиджачок, стройнит... или ты опять не жрешь ничего? Рита? Оставь это пепелище в покое, что ты докопалась, как

пьяный до рации – спой, да спой? Я эту хату спалил, я, сечешь? И не будет здесь ничего. Даже не думай! На днях снесу к ядерной матери, оставлю только каменный подклет, буду туда ерундень какую-нибудь складировать, типа уже немодных табуретов реклайнеров, со светлой обивкой. Рита! Рита. Ри-и-ита.

Госпожа Нотбек, вздохнув, обернулась и послушно подняла голову, молча рассматривая что-то над ухом у обросшего густой гривой Орингера.

– Рита, мать твою... то есть, какого хр..

– Ты сказал, – монотонно напомнила ему Аритэ, – выбрать *любой* пустой дом, *возякаться* там и не мешать тебе. Я выбрала.

– Но не этот же! – темпераментно и в полнейшем недоумении воскликнул Борх, размахивая руками. – Не этот!

– Ты сказал *любой*, – вновь негромко повторила Рита уже ему в глаза. – Любой. Пустой. Дом. Это – дом. Он пуст и никому не нужен. Почти мертв. Хм... люди так часто проецируют свои беды и преступления на безмолвные кучи камней, дерева и металла, вместо того, чтобы собраться с духом и отвечать за свои деяния самостоятельно. Любопытное явление. Это ведь просто стены. Все призраки и страхи лишь у нас в голове. Сгоревший дом... отдашь его мне? Или я могу купить эту расплатившуюся по твоим долгам каменную кучу. Дам втрое против рыночной. Сейчас, согласен?

Она подняла руку, продемонстрировав ошалевшему от та-

кого монолога Борху три белые точки на ладони:

– В какой форме вы принимаете оплату, досточтимый командующий? Платежки, кредиты? Долгосрочные обязательства? Залог? Платина? Редкоземельные металлы?

Орингер осмотрел точки, ладонь, запястье, светлые глаза вконец обнаглевшей дамочки, ее строгий жакет, тонкую блузу и насупился:

– В какой форме? Убери, хватит в меня своей платежной лапкой тыкать! Забирай даром. И не шастай здесь одна. Я завтра людей пришлю – помогут тебе с уборкой и ремонтом. Взамен хочу прояснить. Так, мелочь. Ты перетягиваешься? До сих пор? Помню, еще сикилявкой была, а уже в этих уродских корсетах, глазки в пол, с несчастным видом. И сейчас тоже, я прав?

– Это просто широкий пояс, – Аритэ смешалась от такой его догадливости и порозовела. – Он поддерживает спину и надевается исключительно ради... для того... то есть... я... мне так привычнее.

– Не гони, – наклонившись, прошептал перехвативший инициативу Орингер. – Дышишь тяжело, сипишь. Спина, живот, грудь – все жесткое, стальное. Пощупал же, когда до флигеля тащил. Также чего-то там *проецируешь*? Комплексы? Чувство собственной пухлотелой неполноценности? А может просто излишне болтливый торчок-папахен тебе на мозги накапал? Чуешь, где правда, или подсобить?

– Мне так привычнее, – упрямо повторила собравшаяся

с мыслями Рита.

Надменно глянув на оппонента, она шагнула в сторону, чтобы обойти его, но Борх схватил госпожу архитектора за плечи, развернул, прижимая спиной к себе, и как будто угрожающе выдохнул ей в ухо:

– Сними это... сними! Бесит!

От его сильной пятерни под грудью дышать стало еще сложнее, но Рита не могла не ответить с ехидцей:

– Снять? Прямо сейчас, командующий? Снять. Я вся в сомнениях. Возможно, под этим «снять» вы метафорически имели в виду какие-то аспекты моей профессиональной деятельности, как тогда, в тумане? Прошу, выражайтесь более внятно, чтобы я могла выполнять ваши приказы...

Орингер зажал ей рот ладонью и продолжил горячо выговаривать прямо в ухо:

– Более внятно? Запросто. Я живу во-о-он в том доме, со сторожевой башней. Две комнаты под крышей, а внизу – склад. Сегодня вечером моя сиятельная утроба планирует напиться в одиночестве, чтоб никто не жужжал под ухом, так что приходи завтра, с утра. Я буду похмельный, злой и с большим удовольствием сначала сниму, а потом спалю этот уродский *просто широкий пояс* у себя в печке. Внятно получилось?

Аритэ повременила с ответом, будто задумавшись, и очень медленно кивнула после. Борх резко отпустил ее, но внутри дома не оставил – подхватил на руки и вынес на за-

росшую белыми шапочками полянку.

Поставив Риту на ноги, он со вздохом оглядел обугленные руины и ушел, не оглядываясь, к своему огромному перевозчику.

* * *

Было тихо, серо и как будто зыбко вокруг. Свет одинокого фонаря тонул в плотных сумерках. Пучки белых цветов оставляли на ботинках и длинной юбке Аритэ нежные росчерки пыльцы. Светло-синяя полоска на горизонте с каждым шагом становилась все тоньше. Темнота постепенно захватывала окрестности.

Тянуть до утра не было никакого смысла. Рита обошла заросший папоротником овражек и осмотрела небольшой дом с каменной башней. Ее плоскую макушку опоясывала цепочка крупных зеленых диодов.

Тяжелая дверь поддавалась с тихим поскрипыванием. Склад внизу представлял собой образец порядка и скрупулезности – многочисленные контейнеры были расставлены строго по размеру и разделены по виду содержимого, поблескивая пластинами-бирками на белых боках. За ними обнаружилась черная винтовая лестница, зашуршавшая под ногами пупырчатыми ступеньками, затем снова дверь, а после – высокая комната под крышей, Борх в просторном кресле и настежь распахнутые окна. Аритэ сбросила ботинки, на цыпоч-

ках прошла мимо Орингера к чуть покачивающимся створкам и застыла у них осторожной тенью.

Борх проводил ее взглядом и поморщился, представляя, как небрежно он сейчас выглядит, развалившись, и как пахнет – одна из трех заготовленных им на вечер бутылок была уже совсем легкой. Почти пустой. Орингер приподнял ее с пола за горлышко и встряхнул. Подумав немного, он покосился на тень у окна и хрипловато предположил:

– Опять не спится?

– Опять? – Аритэ обернулась.

Уличный фонарь сердито освещал половину ее лица.

– Опять, – подтвердил Борх, снова покосился и пояснил. – Остатки этой дряни еще в твоей крови. В каждой клеточке. Бродят. И ты тоже. Бродишь и бродишь. Что? Не удивляйся. Я слежу за тобой, Рита. Постоянно.

– Зачем? – она бесшумно шагнула вперед, не давая сердитому фонарю более ни единого шанса.

Вновь превращаясь в темный силуэт.

– Ну... мне хочется. Следить. Смотреть на тебя.

– Эта дрянь в твоей крови, – негромко парировала тень-Аритэ, – бродит. Побуждает делать то, чего не следует.

– Пф-ф-ф, – снова поморщился Борх, делая очередной глоток уже слегка теплого пойла. – Фигня. Пока что смешная доза – полушка. Согрелся, не более того. Вот жажну еще две таких, и тогда...

– Дрянь в твоей крови, – повторила тень, – и в моей. Все

из головы. Картинка, звуки, запахи преобразуются в образ. Мозги переваривают его. Быстро. Мгновение – и ты уже чувствуешь. Симпатия. Приятие. Желание. Жажда. Буря. Мы сами себе дилеры. Гормоны – те же наркотики. Чувства – их производные. Страшная штука. Все время убийственно хочется еще, но окружающие почему-то против. Они отталкивают тебя, пренебрегают, равнодушно спрашивают, как дела, а потом отворачиваются, не дослушав. Синтетика мне помогла – заблокировала усвоение вкусных эмоций. На чьей-нибудь улыбке можно было протянуть хоть целый год. Правда, под конец та улыбочка начинала дурно пахнуть, но...

Борх отшвырнул пустую бутылку в дальний угол, рванулся из кресла и ушел из комнаты, хлопнув дверью.

Тень у окна опустила обычно горделиво приподнятый подбородок и сжалась, теряя строгие очертания силуэта. Полоска холодного света от сердитого фонаря прокатилась по белой скуле, подсветила висок, нахмуренные брови и кончики опущенных ресниц.

Дверь грохнула снова. Неприлично, оглушительно. Вернувшийся Борх схватил тень за голову, будто прижигая ей щеки своими горячими ладонями, и поцеловал в губы, жадно захватывая, врываясь ей в рот, почти делая больно, не выпуская, удерживая, считая про себя ее короткие, сипловатые выдохи.

Кожа на щеках и шее Риты была очень нежной, растрепавшиеся волосы на ее затылке – гладкими, а ребристое нечто

под тонкой блузкой – основательным и жестким. Корсет. Якобы дисциплинирующий, а на деле – удерживающий. Гадкий.

Борх с трудом оторвался от горячих влажных губ, снова взъярился, собрал в горсти шелковистую ткань на груди Аритэ и одним рывком располовинил на ней блузку, бросив жалкие лоскуты на пол.

Рита откинула назад голову, словно подставляясь взбешенному Орингеру, требуя, умоляя его о помощи. Широкие застежки корсета жалобно хрустнули. Тонкие скобки посыпались вниз, плотная ткань разошлась в стороны, выпуская.

Борх развернул освобожденную по пояс Аритэ к окну, подставляя ее под свет фонаря, и высмотрел оставшиеся на ее коже яркие следы от злого давящего плена, оглаживая плотно, жарко, так, что дышать Рите стало еще сложнее, чем в панцире до этого. Пришлось закрыть глаза, обернуться, сунуть руки вояке под рубашку, вцепиться в твердую спину, прильнуть, прижаться, забыть обо всем и вдобавок сойти с ума, отвечая, отвечая, снова отвечая на его поцелуи. Темнота и жадные уверенные ласки сжали нутро жгучей, полыхающей, грохочущей жаждой... бурей, необходимостью.

Воздух покачнулся и двинулся куда-то в сторону, трогая прохладой голые спину и плечи. Промелькнула дверь, коридор... и сердитый фонарь заглянул уже в другое окно, подсвечивая узорчатую красную вышивку на покрывале широкой кровати. Аритэ будто со стороны услышала свой срыва-

ющийся стон и низкое, вибрирующее: «Ри-и-ита...» – в ответ.

Между покрывалом и тяжелым Борхом было очень тесно. Сплошное замкнутое пространство. Плен. Другой плен. И тягучее, монотонное, все нарастающее возбуждение. Аритэ вновь сдавалась собственному кайфующему телу. Сдавалась, но уже не в одиночку. Вдвоем было не вдвойне, а почти невыносимо. По-другому.

Как будто кто-то подстроил эту их обоюдную вспышку заранее. Очень давно придумал их только друг для друга, покрутил, потрепал, приложил о стенку – старательно, до кровавой юшки, и сцепил наконец неразрывно, любовно, пламенно, а под финал уже торопливо, сильно, и так хорошо, что Рита сорвалась из стонов в короткие выкрики и, подаваясь навстречу, попыталась не отпустить черного взгляда Орингера, но все равно очень скоро, зажмурившись, провалилась в собственный оглушительно-острый оргазм, негу. Другой плен.

* * *

– Ри-и-ита, стой, ну куда тебя понесло, а? Ночь-полночь.

– К себе, во флигель. Я подумала, что ты захочешь... как там... чтобы никто не жужжал над ухом.

– Перестань, ложись обратно. Я хочу с тобой спать. Достаточно внятно приказал? Если упрешься, я уйду вместе с

тобой и буду спать у тебя во флигеле. С тобой.

– Я ворочаюсь, Борх. И бормочу, и...

– О, стоп, стоп, я по этому поводу кое-что вспомнил и сейчас, э-э-э, продолжу поражать твое воображение. Стихами!

– Ты пугаешь меня. Ох, горячий, как печка.

– Тш-ш-ш, закрой глаза и слушай, я тебе промурлыкаю кусочек...

Бормочется?

Видно, устала ворочаться?

Ты в сон завернись и окутайся им.

Во сне можно делать все то, что захочется,

Все то, что бормочется, если не спим.

Не спать безрассудно,

И даже подсудно, —

Ведь все, что подспудно, кричит в глубине.

Глазам твоим трудно.

В них так многолюдно.

Под веками легче им будет во сне¹...

Глава 5. Тихий угол

Рита, закрыв глаза, прислушалась к окружающему ее строению.

Сквозняки. Тихие, задорно посвистывающие, прохладные – обугленный дом вновь обрел свое дыхание. Пока что робкое, будто в сомнениях: «А стоит ли?..»

Стены полностью очистили от копоти. Над ними уже красовалась новая высокая крыша со сложной обрешеткой, почти все окна с проемами затянули пленкой, но по дому все равно гуляли сквозняки.

Аритэ вздохнула, открыла глаза и вновь озадаченно уставилась себе под ноги – на темной, еще встопорщенной по углам подложке были разложены доски – образцы для будущего пола: серые плашки с Лисьей планеты, прохладно-белесые с Синей, желтая сосна оттуда же, местное черное дерево с дальних островов, необычно красноватое с необитаемой Си-рэкс, синтетическое покрытие под светлый дуб...

Госпожа архитектор раздраженно вздохнула: «Все не то!» – пристроила свою сизую инфопластину на ближайший, усыпанный стружкой контейнер и направилась к выходу.

Кудрявая трава наконец отцвела, засыпав все вокруг хрупкими, тонкими лепесточками, словно снегом. Заполонивший окрестности серый морозящий дождь отступил, обнажая мокрую и пустую посадочную площадку – огромный пе-

ревозчик Орингера, вместе с самим Орингером, уже которую неделю пребывал вне стана. Рита замедлила шаг, вспоминая: «Хм, сколько его уже нет? Мы поссорились две, три... почти месяц назад. Прошло двадцать семь дней и восемь часов. Вернее, восемь с хвостиком. Сама виновата. Наверно, стоит быть с ним помягче. Впрочем, а стоит ли?..»

– Рита, я не понял, в чем дело?!

– Не нужно усложнять, Борх. Все просто. Секс и добрососедские отношения. Добрососедский секс. Когда пресытишься, будет «здрассте-ну-и-погода-опять-дождь-все-го-хорошего». По-добррососедски. Такой вот план.

– Какой, нахрен, план?! Выходи за меня, Рита! Ты – моя!

– Нет. Ты что-то перепутал. Тебе нужна семья, а мне – лишь тихий угол.

– Чушь! Ночью у тебя таких мыслей почему-то не...

– Бывших торчков не бывает, Борх. Считай, что я подседа на тебя. Подседа, не более того. Чуешь, где правда, или подсобить?..

По белому цветочному ковру Аритэ, понурившись, добрела до стеклянного флигеля, потянула на себя дверь и вздрогнула от негромкого оклика сзади:

– Сиятельная госпожа? – один из молчаливых адъютантов наконец-то обрел дар речи, сообщая ей важное. – Командующий вылетел из Дока, скоро будет здесь, и...

Рита промолчала, настороженно уставившись на докладчика, и тот, почесав затылок, продолжил:

– Кхм... вам надлежит собрать свои вещи и ожидать отправки к месту вашего будущего пребывания. Транспортник будет готов в течение получаса. Оденьтесь потеплее.

Аритэ растерянно моргнула.

Адъютант смущенно отвел взгляд, вздохнул и ретировался.

Аритэ осмотрела свой флигель, покосилась на белеющий в стороне оживший дом под высокой крышей и прошептала: «Добрососедские отношения... чушь. Просто гормональный компот. Иллюзия. С глаз долой... хорошо. Принято, командующий», – и отправилась собирать вещи, решительно хлопнув дверью.

* * *

Бирюзово-голубой ледник покрывал почти весь северный континент планеты и временами утробно грохотал где-то в своей древней глубине.

Вниз от него, по обросшему упрямой серой травой склону, сбегали дорожки ручейков и мелких речушек, наполняя холодное озеро. С вершины холма можно было разглядеть каждый камешек под толщей прозрачной колкой воды и длинные стебли не менее упрямых, чем серая трава, водных растений.

Рита подышала прохладным запашистым воздухом, едва заметно улыбнулась: «Чудесный край», – поправила капюшон куртки и неторопливо направилась в обход еще одного холма, к окруженному темными сопками заливу.

За Аритэ проследовала свита из нескольких десятков разноцветных зондов-наблюдателей Орингера. Рита, мельком оглянулась на них через плечо, хмыкнула и легко тронула подбородок. Из-под ворота ее просторного свитера немедленно высунулся багряный усик, тихонько огладил хозяйке шею, ухо и шмыгнул обратно – боевой костюм был избавлен от плена контейнера и уже третьи сутки жался к Аритэ, громко, несдержанно щелкая. Временами он блестящей тучей взмывал над головой любимой хозяйки, сворачивался в помпон и разматывался после в длинные спирали – радостно шалил.

На горизонте показалась полоска воды и черный домик со столбом белого дыма над крышей – Аритэ перед уходом подбросила в печь пару поленьев. Прилегающие к заливу территории оказались уже более щедрыми на цветное разнообразие – побережье было расчерчено широкими полосами зеленой травы с пучками мелких желтых цветов на тонких ножках. Грозная океанская вода просвечивала густым кобальтом каменистых отмелей.

Черный домик скрипнул ставней, будто приветствуя гостью, объял ее уютным теплом, раскрываясь небольшим холлом и одной просторной комнатой, безо коридоров и потол-

ков – из архитектурных изысков лишь изогнутая лестница в спальню на втором ярусе, кухня в нише и перекрестье балок под скатом крыши. Центр дома занимала необычная круглая печь, будто целиком сформованная когда-то из раскаленного черного стекла и проткнувшая трубой сначала крышу, а потом и здешнее холодное небо. Вокруг очага расположились двухместный диван и парочка маленьких кресел, в одном из которых Рита с удовольствием просидела весь вчерашний вечер, вытянув ноги ближе к пылающему стеклянному сердцу.

Помедлив, Рита в который раз пробурчала себе под нос: «Орингер... чтоб тебя, Орингер. Чтоб тебя. Ничего, скоро пройдет, скоро отпустит. Все, все, успокойся», – но в памяти, как назло, тут же всплыло невероятно яркое воспоминание о последней проведенной с ним ночи. И дне после. Вернее, целых сутках. В постели. И в ванне... и даже на кухне, а потом снова в постели.

Аритэ порозовела, бросила свою куртку на стул и приказала себе не дергаться: «Его нет уже тридцать один день и шесть часов. Ну же! Сколько можно? Остынь!»

Прислонившись задом к стене, она расшнуровала ботинки и только тогда заметила странно преобразившийся пейзаж в узком боковом оконце – синий залив и темные сопки рассекла какая-то непонятная вертикальная линия. Белая, опутанная сложной перевязью, она медленно покачивалась вверх-вниз и даже слегка поскрипывала – мачта. К

маленькой пристани был пришвартован небольшой остроносый шлюп. Незнакомый. С уже аккуратно свернутым основным парусом.

Заправив волосы за уши, Рита глянула на свои расшнурованные ботинки, быстро стянула их, аккуратно задвинув в угол, и просеменила к печи, спрятавшись за нее.

Сердце сильно стукнуло в груди – панически и в надежде одновременно. Встревоженный багряный костюм захрустел, обволакивая хозяйку, зачерняя ей руки, охватывая шею, скулы и затылок острой чешуей, поднимая свитер на загривке тонкими усиками-цепочками.

Зонды-наблюдатели синхронно пискнули, переходя в режим ожидания.

Входная дверь громынула.

– Ау? Госпожа архитектор, вы изволите быть одеты во что-нибудь, кроме обета безбрачия? Могу я вой... ты где, пирожочек? А, вот, нашел. Привет!

Растрепанный Борх ввалился в помещение, мгновенно заполняя его своим присутствием до краев. Промокшая куртка и шапка были брошены им на каменную мозаику у печи, высокие сапоги, не глядя, один за другим отшвырнуты в сторону, прут-шокер занял почетное место в изящной стойке для зонтиков, а на светлый кухонный стол, еще вчера отполированный Ритой до блеска, со шлепком приземлился неопрятный влажный рулет из мешковины. Местами окровавленной мешковины. Обмазанной чем-то липким мешковины.

В комнате ощущаемо потянуло рыбой.

Аритэ побуравила вонючий рулет тяжелым взглядом, повернулась к нарушителю спокойствия и в раздражении скрипнула зубами – Орингер с сопением стянул с себя через голову двухслойное мятое, будто прожеванное нечто из рубашки и тонкого пуловера, сформовал из всего этого великолепия плотный комок и метнул его в сторону дивана. Не попал. Комок с шорохом проехался по полу.

Багряный костюм яростно защелкал, его тонкие усы раскрылись венчиками острых иголок, взлетевшие над головой Риты лепестки-осколки блеснули красными всполохами.

Борх одернул на себе задравшуюся майку и с интересом пронаблюдал за чудесными превращениями усатой, шипастой зверюшки.

Госпожа Нотбек взяла себя в руки, цокнула на шелкуна и поинтересовалась у переносицы господина Орингера:

– Чем обязана, командующий? Я была уверена, что словосочетание «тихий угол» было воспринято вами...

– Воспринято, воспринято. Охренеть, как воспринято, – перебил ее неделикатный Борх, обошел печь и устался на невысокую Риту сверху вниз.

Она подняла глаза, прикусила губу, но все же не смогла удержаться от улыбки – встопорщенная влажным ветром грива непобедимого, грозного, свирепого вояки завивалась крупными черными кольцами. Ровными и блестящими. Девчачьими донельзя.

Борх истолковал эту ее эмоцию по-своему, насупился и обиженно загудел:

– Насмеха-а-аешься, значит. Думаешь, приполз на брюхе, да? Ну-ну. Думай, думай. Сильно много на себя берете, сительство! Сильно много...

Аритэ, снова не сдержавшись, запустила руки в его эти замечательные локоны, улыбнулась шире: «Жестковатые для девчонки...» – и потянула Орингера к себе, сильно обнимая его за шею, чтобы получилось еще крепче и плотнее.

Придушенный ответными объятиями Борха боевой костюм с недовольным пощелкиванием стек с хозяйки, выскальзывая у нее из-под свитера, и шустро взлетел к высокому скату крыши, зависнув в самом темном углу.

От Орингера пахло рыбой, ремонтным цехом, морской солью, им самим и еще чем-то, очень знакомым. Аритэ напряженно принюхалась к его шее, щеке, но так и не смогла уловить, вспомнить, разведать этот тонкий след.

Борх неразборчиво пробормотал ей что-то в плечо, а потом, чуть отстранившись, тихо повторил еще раз, прямо в глаза:

– Я соскучился по тебе. И ты тоже, правда? Давай, скажи еще раз, что между нами только секс. Давай. Кливер подмок, зараза, но я все равно свалю, еще и не так выплывал. До Зубастой бухты всего ничего – транспортник я там оставил. Хотел подкрасться к тебе по-тихому. Черт, как мальчишка. Скажи, Рита. Скажи.

– Хорошо, – прошептала ему Аритэ, решившись. – Я скажу, а ты слушаешь. Все скажу. Мне это необходимо, – горло у нее перехватило, пришлось немного пожать майку на груди у Орингера, чтобы начать. – Я... пару месяцев назад я очнулась на полу в своих апартаментах и долго вспоминала сначала где я, потом свое имя, а еще чуть позже – какой сегодня день. Вспомнила. Оказалось, десять лет... десять лет назад у меня случился неудачный роман. Очень неудачный. Катастрофически. Я тогда была совсем глупая и много чего не знала, хотя вроде как в двадцать три и положено. Например, что отношения могут закончиться мгновенно, как по щелчку. А еще, что я обладаю довольно высоким по нашим временам уровнем фертильности. И что бессонницу в... в только зародившемся интересном положении нежелательно глушить сонной дурью. Очень нежелательно. Катастрофически. И больно. Я тогда попала в медцентр Полиса. Мой лечащий врач был единственным, кто поддержал меня. Сидел со мной целыми днями, утешал, разговаривал. Остальным было некогда – мачеха почти непрерывно орала на отца, он – на нее. А после целая толпа с Лисьей орала уже на меня. И вот в... в тот день, когда моему сыну должно было исполниться десять, я решила – пора что-то менять. Или ломать. Или заканчивать. Да, скорее заканчивать. Поступить так, как мать, и покончить с собой, я не смогла – кишка тонка, а негоциант Аллиэнн... моей дурной голове он показался самой подходящей кандидатурой для нападения. Аллиэнн ведь очень

опасный и... я надеялась, что он убьет меня за нападение на кортеж, но не вышло. После я предполагала, что попаду к нему в подвал или в камеру к безопасникам, но оказалась в итоге здесь. Повезло. Очень повезло. Невероятно.

Рита приложила ладони к своим сухим щекам, внимательно рассмотрела сначала потолок, потом так и не отпустившего ее из объятий Борха и задумчиво поинтересовалась у него, как ни в чем не бывало:

– Зачем ты отправил меня сюда? К леднику?

– Я знаю про случившийся с тобой излом, – вздохнул Орингер. – Перед тем, как принять сиятельную Алемар Ноэми Аритэ Нотбек в своем стане, я собрал нехилую стопочку данных на тебя, изучил, и это было самое остросюжетное чтиво в моей жизни. По-моему, я запал на тебя еще тогда, перебирая инфостекла, рассматривая изображения повзрослевшей девочки с косичками. А уж когда ты, с лицом-маской, махнула красной сеточкой, круша все и вся, о-о-о... я почувствовал себя куском дебила и озабоченным извращенцем одновременно.

– Перестань, – Рита насупилась и повторила. – Так почему именно сюда? Тихий угол?

– И это тоже, – усмехнулся Борх, поглаживая ее по голове. – Много всего завертелось, а я не люблю карусельки. В карантинной зоне моего стана, среди беженцев, обнаружилась группка крысюков-диверсантов, а на приграничной полосе мои люди нашли схрон с чужими зондами – кругля-

ши были под завязку накачаны опиумным дымком. Видимо, чей-то будущий подарок-сюрприз для тебя. Кроме того, Сайлас пропал. Бесследно. Пятые сутки ищут. Параллельно с обысками всех притонов Содружества, твои нежные родственники уже начали рвать друг другу глотки за будущее наследство. Оказалось, что Сайлас никогда не был официально женат на твоей мачехе – Шарлин – свидетельства заключения брака не имеется. Получается, что ты теперь старшая из семьи, понимаешь? Наследница. Это опасно. Поэтому мне пришлось спрятать тебя и подождать, недолго. Мои люди в это время как раз допросили крысюков, завершили осмотр пустоши, а Сайлас... я уверен, что он скоро сам объявится.

– Уверен? – хмыкнула Рита, лукаво поглядывая снизу вверх. – А я все думала – почему ты не сплавил меня в особняк? К Лауре? Теперь все ясно. Видимо, твоя милая тетушка чуть-чуть занята... уже дней пять как. Это она утащила Сайласа? На перевоспитание? Хм, надеюсь, после *визита* к ней отца не вынесут вперед ногами?

Борх покачал головой и удрученно пробурчал:

– Ты слишком умная, женщина, слишком.

– Я скучала по тебе, – торопливо призналась ему Рита, вспомнив, что все в этой жизни бывает *по щелчку* и лучше не затягивать. – Тосковала по тебе. Считала дни и ночи без тебя. Я боюсь, мне очень страшно, Борх. По-настоящему счастливой я была уже очень, очень давно. Еще в детстве, и не

помню – как это. Мне страшно. Я сучала по тебе. Очень сильно. Ждала тебя... ждала.

Глубокий жадный поцелуй стал для них обоих необходимостью. Суровой правдой жизни. Рита могла и хотела сейчас только так – отчаянно, будто в последний раз, чувствуя, как крепко Борх придерживал ее за затылок, чтобы даже не думала увильнуть или сболтнуть очередное «добрососедское». После поцелуя не менее отчаянно захотелось инициативы – Аритэ зашипев, дернула с себя свитер, майку с вояки, оглаживая ему грудь, бока, спину, почти царапая, и торопливо потянула в сторону, но...

Чертов Орингер не влез на диван. В кресло – тем более.

Прекрасный кухонный стол был осквернен мешковиной, с которой на отполированную столешницу уже натекла мутноватая лужица. До спальни было целых два пролета.

Решившая проявить ту самую инициативу, растрепанная Рита повисла на Борхе, оглянулась вокруг и захныкала от такой несправедливой безысходности. Орингер оценил выражение ее лица, прыснул, в два счета стянул с госпожи архитектора брюки; легко, практически одной рукой подхватил активистку под зад и шагнул с ней к ближайшей стене, насмешливо промурлыкав в ее розовое ухо: «Минутка мужского превосходства, лапушка...»

Аритэ почти выдала ему ироничное «всего минутка?» в ответ... почти-почти-почти, но Орингер горячо и остро вжал ее собой в стену, приподнимая – Рита сделалась едва ли

не на две головы выше своего привычного роста – и напал на нее, целуя, покусывая, распалая донельзя, обжигая взглядом и хрипло, низко, монотонно заговаривая ей зубы:

– Моя... ты моя, понимаешь? Будешь моей женой? Будешь. Уже сегодня. Моей Ритой. Спокойной и уверенной – во мне, в себе и мире вокруг. Всегда. Ри-и-ита, моя, моя... Моя любимая Рита.

– Да, да, – выдохнула ему Аритэ, соглашаясь. – Да. Я сделаю все, все, что ты захочешь, все, все. Я тебя люблю. Возьми, возьми...

* * *

– Рита, отдай! Он острый! Верни нож! Верни, говорю! Я... мне надо спуститься к шлюпу и поискать там кое-что.

– Борх, отойди! Я вполне могу почистить рыбу сама. Я уже распаковала ее и уложила в раковину.

– Я... при чем здесь рыба?! Я вообще не про... подожди, сейчас... да где же оно?! Не мог же я его...

– Да не собираюсь я самоубиваться этим ножиком, не волнуйся. Я в принципе передумала самоубиваться. И сейчас, и в ближайшем будущем. И ты... как там... ты должен быть спокойным и уверенным – во мне и в себе. Что... что ты делаешь? Хватит ворошить подушки! Отстань от рыбы, что ты...

– Ну охренеть, какой идиот! Где... да где же?!

– Если ты про кольцо, то оно вместе с цепочкой было в правом нагрудном кармане твоей рубашки. Той самой рубашки, которую ты стянул с себя вместе с пуловером и швырнул около дивана, как мерзкую соплю.

– Кхм...

– Да, я нашла его, пока ты был в душе. Более того, оно уже на мне, под блузкой. Видишь, на шее сзади цепочка поблескивает? Руки грязные, в чешуе. Я решила надеть его на палец после... проверил? Эм-м-м, а при чем здесь моя правая грудь? Борх? Угу, а теперь еще и левая. Не натрогался еще? Ох, ты неугомонный какой-то. Подожди, руки ополосну.

– Пирожо-о-очек...

– Куда ты меня тащишь? А рыба? Куда? О-о-о, поня-а-атно. В тихий угол. За что боролись, на то и... что? Тащи, тащи, не отвлекайся.

Глава 6. Пол и слякоть

Рита сошла с подножки перевозчика на посадочную площадку, осмотрелась и в изумлении охнула.

Серая трава пустошей вновь покрылась плотными кудрявыми шапочками, только на этот раз звездчатые цветы получились нежно-розовыми, будто утренняя заря местами несдержанно осыпалась на землю. Стан тоже изменился до неузнаваемости – все здания были старательно выкрашены матовой белой краской. Чистой, нарядной и праздничной.

Орингер отвлекся от осмотра корпуса своего космического кашалота, покосился на удивленную супругу и пояснил:

– Это они в мое отсутствие три цистерны с краской в хранилище обнаружили. Типа новая жизнь, уборка, все дела. Освежили антураж. Руководили процессом адъютанты... твои.

– Мои? – игриво уточнила Рита, любуясь графичными белыми прямоугольниками под черными крышами.

– Твои! – припечатал Борх, вытягивая из грузового отсека контейнер с костюмом, и сварливо забухтел себе под нос. – Поклонники у нее тут, прихехешники. Не успеешь отлучиться, уже на тебе! Толкутся, выслуживаются, хвостами машут. Я им эти хвосты-то... по самые уши...

Аритэ улыбнулась, поплотнее запахивая на себе куртку, обогнула кашалота, оставляя ревнивое бормотание мужа за

спиной, и направилась к флигелю, бросив быстрый взгляд в сторону – золотистые стены ожившего дома прогревало еще невысокое, но уже очень яркое солнце. Огромные окна горели ослепительными бликами, дверные ручки сдержанно бронзовели, высокая темная крыша радостно топорщилась. Аритэ обернулась – Борх вместе с ее багажом куда-то подевался. Вздохнув, она помялась немного, но все же двинулась к особняку – поздороваться.

Крыльцо было тщательно выметено. Тяжелая, окованная металлом дверь открылась на удивление легко, не скрипнув, и тихо шагнувшая в холл Рита была мгновенно, мощно и душевынимательно атакована, утоплена и захвачена хлынувшим на нее изнутри светом. Теплым, необыкновенным, накатившим тягучей медовой волной.

Солнце несдержанно и страстно заполняло пространство, отражаясь от светлых стен, заливая собой пол, целиком, полностью и повсюду застеленный ровными, широкими досками. Желто-янтарными, игриво искрящимися... родными до оторопи. Как в детстве.

Рита дернула застежки на куртке, испуганно оглянулась и зажмурилась.

Подкравшийся к ней сзади Орингер прислонился плечом к косяку, постоял немного, шумно вздохнул, протиснулся мимо поникшей Риты и обошел огромную, пока что единую комнату, разграниченную лишь массивными колоннами опор.

Аритэ, будто очнувшись, вздрогнула и глухо укорила:

– Что ты... что ты наделал? Зачем? Ты что, не понимаешь? Нельзя... сюда нельзя это дерево. На Серой слишком влажно, и туманы... здесь... оно сгниет за год. Его можно только там, где...

– Много солнца, угу, все верно, – невозмутимо покивал ей Орингер, уселся посреди комнаты, прямо на драгоценные доски, и продолжил. – И у нас теперь тоже будет много солнца. Такого вот – домашнего, деревянного. Медовое дерево очень капризное, мягкое. И пахнет, зараза! После перевозки Я три дня себя и транспортник проветривал, чтобы не запасться – сюрприз же, но ты принюхивалась, я заметил. След остался. В Доке мне эти доски пропитали ультра-смолами, и они чуток поутихли, освоились, но все равно сияют. Не сгниют, успокойся. Считай, что вечные теперь. Что? Сюрприз не удался?

Рита с трудно читаемым выражением лица сделала шаг назад, потом три вперед. Воспоминания разбушевались, обжигая ей сердце, распирая изнутри, продавливая.

Детство. Маленькая цветущая планета – Фера. Солнце, солнце, солнце. Босые чумазые ступни. Убегающая из-под ног тропинка, ветер в лицо, простор, высокая трава. Опавшие в траву огромные красные яблоки, их свежий запах. Коротенькая песенка смешным голоском-колокольчиком. Платье в горошек. Стайка разноцветных птиц с радужными

хвостами, журчание ручья неподалеку. Старый щелястый амбар, уже потемневшие, но все еще душистые золотые доски пола и стен. Белые пылинки в ослепительном, будто живом луче света. Гроза, черная туча, ливень, вкусная дождевая вода струйкой, мокрая трава, свобода, сизый горизонт, яблоки в подоле, кузнечик на плече. Волна золотистых волос на прямой спине мамы, ее нежный профиль. Карман на фартуке, а в нем конфета. Счастье. Солнце, солнце, солнце...

Аритэ резко вздохнула и опустилась на солнечный пол. Громко всхлипнув, она погладила доски, пытаясь сдержаться, но все равно расплакалась навзрыд – некрасиво, неумело, с подвываниями и отчаянным, срывающимся пришептыванием:

– За... чем?.. За... чем ты это сделал... зачем?

Борх понаблюдал за женой – внимательно, цепко; а потом тихо, утешающе заговорил:

– Ну наконец-то. Потек ледник, растаял. Хорошо-о-о, хорошо-о-о, ласточка, дава-а-ай, вспоминай. Вспоминай себя, настоящую. Вспоминай. Ты же совсем теплая. Медовая, а во все не каменная. Я тебя отопрею. Вспоминай.

Захлебываясь, Рита стащила с себя куртку, бросила ее тут же, на четвереньках подползла к Орингеру, забралась к нему на руки, свернулась в клубочек и продолжила рыдать уже ему в плечо, сжимая в кулаке ворот его рубашки, поблескивая широким кольцом на безымянном пальце.

Борх крепко обнял жену, потерся щекой о ее теплую, подрагивающую макушку и заворковал:

– Все будет хорошо. Временами хреново, конечно, но потом опять хорошо. Поплачь, поплачь. Сейчас пойдем завтракать. Там пирог должен быть. Уже не с рыбой, честно! Э-э-э... не помню, с чем.

– Б... Борх... Ла... Лаура пусть от... отпус... Сай...

– Да отпустит она твоего придурошного папашу, отпустит, не переживай. Сайласу полезно было мозги проветрить, прокапаться, сторчался же вконец. Отпустит она, я уже ей пощелкал. Ну что, тебе понравилась моя самодеятельность?

– Да... очень.

– Легче?

– Угу, спасибо.

– Чудненько! Сейчас покормлю тебя, а потом покажу еще кое-что – такую забавную фигню приволок, просто отпад. Мебель. Вроде шкаф, но не шкаф. Весь какой-то узкий и полочки туда-сюда ездят, плавненько так, спасибо, что не под музыку. Мини-бар, что ли, хрен его...

– Это для обуви.

– А?..

– Органайзер для туфель.

– Да ё-о-о...

– Не расстраивайся, подарим кому-нибудь. И где обещанный пирог? О-о-о, инжи-и-ирный с творогом! Хочу! Десертную вилку! Немедленно! Быстрее, Борх, я жутко голодная,

что ты там возишься?..

* * *

В просторной подземной лаборатории было тихо. Бело-снежные стены помаргивали дорожками огней. Пустая прозрачная капсула наполнилась изнутри голубоватым фосфоресцирующим туманом.

Склонившаяся над рабочим столом Лаура поправила лампу на длинной ноге, еще раз с улыбкой рассмотрела в микроскоп стеклышко с образцами и замурыкала:

– Идеа-а-ально, идеа-а-ально. Рита-Ритушка. Славная девочка, теперь наша. Чудесный генотип. Прекрасные у них с Борхом получатся детки, мои со-о-олнышки. Под ла-аской плю-у-ушевого пледа, вчера-а-ашний вызываю со-о-он²... Эй, ты! Сволочь подлючая! Ты долго еще будешь там сидеть? Проваливай, говорю!

Из ниши высунулся всклокоченный бледный Сайлас, нахально огрызнулся:

– Курево верни, кошелка! – и засунулся обратно.

Лаура закатила глаза, прошипев: «Чтоб я еще раз...» – упруго поднялась с кресла и щелчком включила дополнительный верхний свет. Из ящика стола ею был добыт плотный пакет и, не глядя, швырнут в сторону подзадержавше-

гося «в гостях» Нотбека:

– Подавись! И даже не вздумай здесь это дерьмо раскуривать! У озера тебя заберет черный транспортник и доставит на Лисью, высадит на окраине Красного города. Кстати, Шарлин рвет и мечет. Она терпела тебя двадцать лет! А ты, как оказалось, так и не удосужился оформить ваши отношения официально. Попрыгунчик! Аритэ пожелала отпустить тебя, радуйся. Забудь о ней. Рыпнешься – башку сниму. Нет, не фигурально. Хирургически. Проваливай. Сейчас направо и до лифта. И тужурку свою не забудь, барахольщик!.. Ух, наконец-то он ушел. Под ла-а-аской плюшевого пле-е-еда... мои любимые детки. Таланты, характер, воспитание – все при них. Что-о-о это бы-ы-ыло, чья-а-а победа? Кто побежде-о-он, кто-о-о побежден?..

* * *

Сайлас брезгливо рассмотрел грязное месиво под ногами, присел на низкую полуразрушенную изгородь и страдальчески вздохнул – любимые светлые лоферы промокли в момент. Полосатая пижама и когда-то белоснежное пальто, в которых он две недели назад вышел покурить под ночное небо, тоже смотрелись неважно.

Пригород на Лисьей был слякотен и тих. Огромная пустая равнина с единственным лысым холмом посередине покрылась молодой травой, напололам со стылыми лужицами. Ку-

дая полоска леса справа уже шелестела алыми листьями.

За спиной раздалось тонкое посвистывание.

Сайлас, не оборачиваясь, добыл из портсигара последнюю душистую пахитоску, и со вкусом прикурил. Красивый женский голос за кадром томно сообщил ему:

– Дерьмово выглядишь, Сай. И толпы счастливых встречающих с букетами что-то не наблюдается. Ты вновь холост и бездетен?

Архитектор Нотбек прыснул и, не сдержавшись, покосился на прибывшую к нему даму через плечо. Настроение у него тут же улучшилось.

На широком крыле пунцового, невыносимо глянцевого челнока сидела стройная и со всех сторон идеальная дама. Контрастная, ломкая, вальяжно-графичная до зубного скрежета.

Гладкие, тщательно уложенные черные волосы, мушка на скуле, белоснежная кожа, алые губы, длинные перчатки, тонкое кружево во всевозможных вырезах сверхсоблазнительного платья, тонкие каблуки и тяжелые драгоценности... за час до полудня. Все в ней было чересчур и одновременно ничего лишнего.

Сайлас окончательно и бесповоротно развернулся к ней, приподнял бровь и лениво осведомился:

– Я оторвал тебя от клиента, Искра?

– Хам, – в тон ему ответила чаровница и в который раз напомнила. – Мое время дорого, господин главный архитек-

тор-оружейник Содружества. А за «просто поговорить» я и вовсе деру втрое.

– Идет, – легко согласился на ее условия Сайлас.

Он отбросил окурок, встал, прошлепал по грязи до челнока, взгромоздился на крыло рядом с Искрой, улегся на спину, скорбно скрестив на груди руки, вздохнул и доверительно поведаль графичной даме снизу вверх:

– Я маячок только тебе послал. Они все меня достали, сил нет. Если бы папаша не докапывался, у меня бы и вовсе никакого семейства не было. Я тут погостил немного у одной до-о-оброй докторши, почистил кровушку и решил – все. Весна, новая жизнь и уборка. Генеральная. Слушай, а как тебя зовут по-настоящему?

– Ты рехнулся, Нотбек? – невозмутимо поинтересовалась Искра, поплотнее закутавшись в серебристое манто. – Каких еще интимных признаний тебе от меня сегодня нужно? Хм, может, поведать о том, что на самом деле я была и есть натуральная блондинка, но, вот незадача, золотистые кудри совершенно не вяжутся с образом?

– Я построю тебе дом, – сказал ей Сайлас, как нечто само собой разумеющееся, и пощелкал пальцами куда-то в сторону. – Во-о-он там. На холме, видишь? Дом. Он будет белый, как зефир, который ты тайно и очень темпераментно любишь. Ландшафт будет слегка подправлен, но не слишком. Ровный красный газон весной, ледяные скульптуры зимой. Начну с проекта, уже сегодня. И женюсь на тебе тоже

сегодня. Поэтому и спрашиваю про имя. Моя сестрица, Дэй, оформит свидетельство о браке как можно скорее, и...

– Это уже слишком. Слезай.

– Не выеживайся, прелесть моя. Как тебя зовут?

– Мой челнок стряхнет тебя прямо в эту слякотную муть!

Ты хоть понимаешь... кто я и... кто ты?

– Не-а, не понимаю. Я тупой и торчок. Тупой торчок.

Черт, я только что придумал в голове одну амфиладку для нашего дома, у тебя есть свободное инфостекло или бумажка? Скорее! Надо набросать, пока не забыл... угости сигареткой, а? Мои уже закончились. Имя?

– Кассандра.

– Ошизеть. Мне даже как-то неудобно валяться тут перед тобой в пижаме, загаженных ботах и...

– Кэсси.

– О, вот, это другое дело. Смотри, я рисую! Ты смотришь? Пол тоже будет белым, но фактура...

Глава 7. Нежное дитя

Подтаявший снег имел интересную структуру – кристаллизовавшаяся глазурь, полупрозрачные самоцветы, мокрая каменная соль...

Юный Сэммиэль еще раз рассмотрел свои ботинки, облепленные этой сероатой мутой, и тихо вздохнул. Нужное сравнение все никак не хотело идти в голову. Сэмми нахмурился, заправив за ухо кудрявую смоляную прядь, – словесность не входила в число приоритетных для него областей знания, но подобные послабления в учебе казались Сэммиэлю нежелательными. Даже по отношению к себе. Особенно по отношению к себе.

Весна на Лисьей снова подтянулась. Четырнадцатилетний Сэммиэль имел честь наблюдать пунцовые кроны стальных деревьев уже в шестой раз. Его старшей сестре, Джозефинн, повезло меньше – к ее двадцатилетию случилось всего восемь подобных эпизодов.

Солнце жарко пригревало спину. Крупный белый космолет кучерявого юнца, всем сердечником преданный ему боевой Штурм, облетел окрестности, вскрыл щупом ледовую корочку в ближайшем овраге и сердито зафыркал, не обнаружив под ней ничего интересного.

Сэмми поцокал ему и осмотрел безбрежную бело-черную, пятнистую долину вокруг – кое-где снег уже стоял, обнажив

темные пригорки, утыканные сухой травой. Куцая полоска леса неподалеку отдавала розовым – яркая листва уже успела проклонуться на верхушках деревьев.

Трехэтажный особняк на холме был похож на уложенный горкой зефир – сиял белоснежным фасадом и не торопился снимать накрывающую его защитным куполом красную сеть. Где-то за ним, у линии горизонта, громоздился огромный, давно поглотивший окраины город оружейников – деятельный, беспокойный, шумный, живой.

Ослабив шарф, Сэмиэль распахнул цветастое пальто, сунул руки в карманы брюк и неторопливо прошелся туда-сюда, улыбаясь похрустывающим под ногами лужицам. Штурм же в нетерпении пустил по крыльям синие огни и выдал в сторону особняка еще один, уже третий рычащий возглас-сигнал.

Белый дом остался неподвижен, зато грунт мелко задрожал, а воздух будто подернулся рябью.

Сэми в раздражении закатил глаза. Штурм метнулся к своему хозяину, прикрывая его со спины, и выпустил из загревка шипастую оборонительную пластину-гребень.

Из-за куцега лесочка вынырнул огромный черный перевозчик-кашалот, окруженный толпой зондов-ищеек, и с негромким, но явно сокрушенным выдохом, примостил свое массивное тело поперек равнины, загораживая вид на особняк.

Из распахнутого шлюза кашалота к Сэмиэллию спустил-

ся побледневший от переживаний Борх. Молча, будто из последних сил, он осмотрел кудрявую макушку своего строптивного, своенравного ребенка и прохрипел:

– Как это понимать, Сэми? Это что такое было, а? Побег? Не ожидал от тебя.

– Привыкай, – пожал плечами ничуть не смутившийся потеряшка и озвучил отцу свои мотивы. – Сегодня мне исполнилось четырнадцать. Юридически я достиг нужного для принятия некоторых решений возраста. В частности, я желаю пообщаться с дедом. То есть, с архитектором Нотбеком. Немедленно.

– А он... он желает?! Ладно, – Борх с трудом удержался от беседы на повышенных тонах. – Встретаться... да. Но у тебя не было разрешения на вылет с Серой, а тем более на межпланетный. Не бы-ло.

– Не было, – спокойно согласился Сэми, сверкнул на родителя темными глазами и нахально подметил. – А зачем мне оно? Штурм не признает придуманных людьми для людей границ и клеток. И я с ним солидарен.

Воздух вокруг них затрещал и разразился приглушенным, чуть искаженным хихиканьем:

– Вот это да, вот это да-а-а! – отца и сына окружила целая ватага зеркальных зондов-говорунов Сайласа и вновь, с узнаваемой ехидцей, поведала. – Милый внучок пожаловал на чай к деду-у-уле, я весь в умилении, о-о-о! Непобедимого вояку обуло-одело собственное нежное дитя! Ухохотаться!

Командующий Орингер зашипел и свирепо пролаял:

– Сгинь, падла!

Он развернулся к сыну, но тот уже шагнул к зеркальной стайке, объявляя говорунам, а значит и Нотбеку:

– Проект перехода из ратуши в Центр, который вы предложили Полису, был хорош, но не безупречен. Я выслал советникам собственный вариант – легкая спиральная конструкция, изогнутая на манер молекулы ДНК, чтобы перепады высоты не были видны снизу. Советники в восторге. Управляющая Центром почти два часа рыдала от счастья мне в коммуникатор. Архитектор-Эксперт Полиса вызвал меня к себе, в бюро, для обсуждения подробностей. Вылет послезавтра. Ваш проект отклонен.

Умолкшая зеркальная стайка сбилась в плотный прямоугольник, многократно отразив потерявшего дар речи Борха и безмятежно ожидающего ответа Сэмиэлля.

Над притихшей равниной нагло заверещала сорока.

Белый Штурм придвинулся ближе к юному хозяину и с нежностью коснулся щупом его плеча – снял невесть откуда взявшуюся там пушинку, чтобы все было *безупречно*.

Борх ошалело покачал головой, пробурчав еле слышно: «Весь в мать, весь в ма-а-ать».

Зонды Сайласа синхронно дрогнули, оживая, и одним сияющим полотном, плавно изогнувшись, склонились над Сэми, уточняя у него подробности:

– Спиральная конструкция? С решетчатыми изломами?

– Именно, – кивнуло нежное дитя и все так же неторопливо, с гордо выпрямленной спиной, направилось в обход огромного отцовского перевозчика.

Зеркальная стайка еще немного повисела на месте и ринулась следом за ним, окружая, мельтеша, забрасывая торопливыми вопросами:

– А крепления? Перила? Высота? Угол наклона основания?

Сэми принял скучающий вид и в задумчивости протянул:

– На ча-а-ай, говорите, де-ду-ля... Сразу предупрежу вас – о родственных чувствах и речи не идет, имейте в виду. Просто... я хотел проконсультироваться с вами относительно другого моего проекта. Мост. Подвесной. От архипелага до архипелага.

Зонды с восторженным хрустом распушились, обрастая дополнительными крыльями, затрепетали и торопливо заверили:

– О, чудесно! Сотрудничество! Исключительно обмен опытом, да! Никаких слюнявых сюсей-мусей, – защелкав, говоруны поднапряглись и проорали куда-то в сторону. – Кэсси, снимай сетку! У нас гость! И чай, да, непременно. Хотя... – зеркальное полотно опустилось чуть ниже к Сэмиэллю. – Может быть, какао, мальчик?

Сэми немного потянул с ответом, капризно поджав губы, но все же благосклонно кивнул, уже ступая на дорожку к особняку. Штурм скользнул следом за ним, касаясь кудря-

вой, растрепанной макушки юнца.

Борх вышел из-за кашалота и беспомощно потоптался на месте. Компактный черный коммуникатор у него на скуле настойчиво пискнул. Орингер коснулся и негромко, растерянно проямлил:

– Рита... Рита, он уходит. Я не знаю что делать... я не...

– Оставь его, – велела ему Аритэ.

Борх тут же взбеленился и вспылил:

– Ты с ума сошла?! Наш сын напросился в гости к... слов нет! Плюс там эта наглая баба, его женушка, Кэсс! Вернее, наша так называемая ба-бу-ля, ага! И вообще! Может, у них в пристройках еще и притон какой-нибудь имеется! Рита!

– Сын все равно сделает по своему, – со вздохом посоветовала Аритэ и как могла утешила паникующего супруга. – Штурм отслеживает малейшие изменения в состоянии Сэми. При угрозе корабль выломает крышу и эвакуирует ребенка. Мы с Лаурой прописали алгоритм действий Штурма в подобных ситуациях, после того, как мальчик смылся в первый раз. Теперь тебе легче? Ох, черт. Мы... мы не стали тебе говорить, что он уже пытался сбежать из дома... ох, проболталась...

– Финиш... – согнувшись, оперся о колени огромный суровый командующий и просипел. – Что-то мне нехорошо... фу-у-у... сейчас, сейчас отпустит.

– Черт, Борх! – вдруг выкрикнула Рита и разъяренно зарычала. – Она опять! Опять! Кто, кто, наша дочь, естествен-

но! Так... сейчас, я дочитаю сообщение из Полиса... угу. Джозефинн. гоняла по ночному Полису с подружками. Без страховки, стоя на доске-ласточке! Черт, Борх! О, не-э-эт! После она ввязалась в драку с... с правнуком первого советника! Ой, и выбила ему челюсть! Кошмар! Эксперт по безопасности отловил этих девиц и рассовал по камерам... ох, спасибо ему большое. Контора вызывает на ковер родителей, как будущих поручителей. Ты слушаешь меня?! Я говорила, говорила тебе забрать у нее ту реактивную штуку! Борх?!

– Да взлетаю я, блин! Сейчас свяжусь с безопасниками в Полисе... что?! Это они ее заводят, ясно тебе?! Они! Подружайки эти! Оторвы, блин! Джози вообще не при делах! Она хорошая девочка, нежная, и... ух... все... надо успокоиться. Все, я дышу, дышу-у-у, я споко-о-оен, мать их за ногу, я споко-оен. Как там младшенькие детки? Норманн? Элис? Цветочки поливают? Точно? Ты уверена? Они у тебя в зоне видимости? А с Лаурой, ну тогда все в порядке. Пятьдесят процентов детей в безопасности, нормуль. Да все, я уже лечу! Переключаюсь. Нет, я спокоен. Не волнуйся, все будет хорошо. Целую, пирожочек.

Часть вторая. Снег и деготь

Глава 1. Сэмиэлли

Главный архитектор Содружества Сэмиэлли Орингер не любил, когда его заставляли ждать. Более того, он терпеть этого не мог, а жители Феры только и делали, что не спешили. С принятием решений, с исполнением обязательств, с рассмотрением даже самых элементарных прошений. Их вальяжное «обожди-и-ите» приводило Сэмиэлля в состояние, близкое к аффективному.

Буйное, душное и яркое засилье зелени, цветов, ползущих лиан и несметные полчища бабочек вечно зеленой Феры не находили в душе Сэма никакого отклика, а вот назойливая мошкара, от которой не спасали ни борода, ни отросшие волосы раздражали его до колик и дергающегося века.

Господин архитектор в сотый раз порывисто взмахнул руками, отгоняя от себя серую тучку кровососов, и обернулся на распевно-учтивое мяуканье:

– Ва-а-й-ли-Сэми-о-достархэ, ка-а-к я счастлив, ка-а-к восторжен лицезреть ваш лучистый платежеспособный лик, – обратившийся к Орингеру маленький старичок был больше похож на опенгf с глазками, чем на влиятельного и жесткого управляющего Феры – Зевса. – Мои люди сбились

с ног и дыханья, разыскивая, вынюхивая, трепеща, без сна и отдыха, пищи и воды, ва-а-ай-ли-и-и, только лишь в надежде на вашу улыбку и дово-о-ольствие.

Сэм прервал этот приторный монолог скучным вопросом:

– Сколько?

– Трое, – хитро прищурившись, поведал ему Зевс, отвечая совсем на другой вопрос. – Но будет и еще, только пожелай, лучи-и-истый, будет и еще-о-о. Десяток. Или сотня?

Помрачневший Сэммиэль понял, что ушлый Зевс решил сбыть ему всю некондицию оптом и навялить таки одного подопытного по цене десятка. Или сотни. Молодой Орингер не умел торговаться, но все же попытался настоять на своем:

– Я уже говорил, что мне сейчас нужен *один* человек из ракового корпуса с опухолью белого типа местной разновидности. *Один*. И чтобы у злокачественного образования была самая сложная локализация – голова, крупные сосуды, лимфатические узлы или...

– Зачем так торопишься, зо-о-олото моего лета? – мягко перебил его Зевс, сверкая глазками-вишенками из-под белых бровей. – Не гневись, все будет в лучшем виде, яхонт. И подопытный, и опухоль, нужно лишь немного обожда...

К Зевсу из кустов метнулся низкорослый прислужка и торопливо забухтел ему что-то прямо в ухо. Опенок раздул ноздри, но тут же вновь сладко улыбнулся гостю-заказчику, пропел что-то извиняющееся и шмыгнул в кусты следом за прислужкой.

Сэммиэль раздраженно фыркнул и двинулся в сторону посадочной.

Густой влажный лес сначала неистово сжался вокруг узенькой тропки, а потом широко расступился, обнажая песчаный берег округлого озера.

Сэмми скинул куртку на песок и уселся на нее, прислонившись спиной к высокому камню, рядом с выкатывающимися на берег волнами – где-то там, в прохладной озерной глубине резвился его Штурм. Несмотря на brutальный экстерьер, белоснежный боевой перевозчик любил поиграть, а вблизи воды становился просто несносен, брызгаясь и восторженно трубя на всю округу.

Молодой Орингер утомленно прикрыл глаза – он очень устал. Несколько десятков перелетов за месяц, пересуды коллег, непрерывный бубнеж отца в коммуникатор, торг, поиски подопытных по всему Содружеству, споры с другом, компаньоном и медиком – Рафи Лихартом (для друзей – просто Ли), вновь перелеты... Сэмми очень устал, но сдаваться не собирался.

Навязчивая мошкара и удушливое марево были развеяны свежим ветерком со стороны озера. Сэм глубоко вздохнул, сладко задремывая, но откуда-то сзади раздались тихие, шелестящие звуки. Мимо проковыляла странная, пошатывающаяся фигурка – тонкая и совсем белая. Сэммиэль мгновенно проснулся и в изумлении уставился на босое существо, укутанное в какую-то короткую тряпочку. Скептику и праг-

матику Орингеру даже на миг показалось, что он увидел одно из трех якобы существующих привидений аграрной планеты.

Призрак остановился в нескольких шагах, тяжело вздохнул и стянул с понурой головы светлый платок, сделавшись от этого еще блее. Белянкой. Девушкой. Живой, с необходимым уточнением «едва-едва».

Сэм нахмурился, раздумывая: «Альбинизм или просто чересчур блондинистость? Хм, скорее – второе».

Услышав отдаленный шум и выкрики, незнакомка вскинулась, но тут же вновь пошатнулась и неловко плюхнулась на песок, пригибаясь к земле, таясь.

Сэми прищурился, разглядывая острые локти и торчащие на костлявой спине позвонки: «Одна, без присмотра. Прячется. Плохая координация. Болезненно морщится. Что-то со зрением – похоже, с моей стороны слепое пятно. Явные признаки заболевания. Зевс выслушал новости и был недоволен, видимо, эта девчонка сбежала. Угу. Подопытная номер четырнадцать найдена».

Со стороны леса вывалилась гомонящая толпа во главе со взъерошенным Зевсом, заметила притихшую на берегу белянку и, ожесточенно жестикулируя, двинулась к ней.

Девчонка поднялась на четвереньки и ползком двинулась в сторону воды – видимо, топиться.

Сэми громко свистнул.

Вздрогнув, доходяга вытаращилась на него, беспомощно

открывая и закрывая рот. Навстречу ей и приближающейся толпе из темной воды поднялись острые белоснежные гребни, огромная макушка в дорожках синих огней и, наконец, острое, вытянутое рыло Штурма.

Зевс со товарищи замерли на месте, оглядывая поочередно крылатого спрута, невозмутимого Орингера и трясущийся кверху задом белый холмик.

Сэмиэлль с досадой вспомнил, что ждуть, торговаться и кормить собой местную комариную шушеру ему было совсем необязательно.

Орингер неторопливо поднялся, подцепляя с песка куртку, отряхнулся, достал из кармана платежный зонд, не глядя пустил его в сторону Зевса и наклонился к белянке. Подхватив ее за бока, Сэми легко поставил девицу на ноги, но та вдруг пискнула, накренилась и начала медленно, будто поло-мано, оседать вниз. Сердитый Сэмиэлль со вздохом присел, перебросил сомлевшую белянку через плечо, придержал, хотя придерживать было особенно не за что, и направился к уже распахнувшему основной шлюз Штурму...

Насупленный Зевс проводил взглядом огни удаляющегося корабля, вскрыл платежный зонд и мелко захихикал – высокородный дурашка заплатил-таки ему вдесятеро. Приобретенная им костлявая девка, по мнению вождя-опенка, не стоила в базарный день и горсточки риса.

Над озером и лесом вновь разнеслись зычные выкрики и приказы управляющего:

– Чего-о-о сгустились, граждане-вэ-э-эй-л-о-о! Работать, не стоять, суетиться! «Обождать» у нас только для чужаков чается, забыли? Мафес, поди сюда. Подыщи-ка мне пусечек с белой злокачественной. Эта девка у него скоро загнется, надобно будет сбегать еще десяток новеньких, а то и сотню... как пойдет. Резвее, резвее, шибче, прыг-скок, прыг-скок!

* * *

Сэммиэль отослал маячок на транспортный узел, отстегнул ремни пилотского кресла и оглянулся на установленную за ним прозрачную медкапсулу. Девушка уже очнулась и медленно, с интересом, оглядывалась, трогая разбегающиеся по крышке ее убежища искорки света.

Главный экран был заполнен прекрасным видом на закрученный спиралью десятый транспортный узел Содружества и межпланетную базу чуть в отдалении. Окружающая их чернота казалась абсолютной, пустой, дегтярной. Сэм вздохнул: «Темная Орлиная туманность не пропускает света, поглощает его, как плотный масляный фон».

Отправив Рафи сообщение о своем прибытии, белый Штурм зацепился шупом за скобу посадочного слота, подтянулся ближе и напряженно застыл, вспыхнув алыми огнями.

Соседний посадочный отсек был пуст. Синий транспортник Рафи Лихарта до сих пор не прибыл в пункт назначения.

Встревоженный Орингер вскочил на ноги, взгляделся в экран, запустил цикл сканирования – маленький челнок друга, медика и компаньона обнаружен не был; Сэми запустил цикл дальнего сканирования... ругнулся, лихорадочно заметался по рулевой рубке, цепляя на ухо и скулу темный коммуникатор, и вновь рухнул в кресло, с щелчками переключая частоты:

– Синий RAF-7, прием, вызов! Синий RAF-7, прием... Ли, ты где? Прием? Эм-м-м, переключение! Патруль, прием, подтвердите местонахождение RAF-7 по имеющимся данным.

– Патрульный-12. Запрос принят. Данное транспортное средство в указанном квадрате не обнаружено.

– Мать твою, Ли, куда ты подевался?! Полис, Контора, прием! Запрос на определение местоположения транспортного средства...

– Полис-1, принято. Последний маячок от Синего RAF-7 был принят одновременно с вашим. Планета Фера, окраинный сектор шесть.

– Что?! Какой, к черту, «шесть», почему «шесть»?! Дебил, Лихарт, куда тебя понесло?! Тревога! Примите данные о пропавшем без вести в опасном секторе Феры! Протокол шесть-семь-пять: угроза жизни медику при исполнении служебных обязанностей с вероятным смертельным исходом!

– Данные приняты. Семь кораблей патруля приступят к прочесыванию местности в течение трех часов. Режим ЧС

активирован! Тревога!..

Сэми щелкнул на другой канал в попытке еще раз связаться с Ли, ткнулся лбом в теплую панель управления Штурма и зажмурился. Горящий энтузиазмом, оптимизмом и непоколебимой самоуверенностью Рафи Лихарт все-таки полез в осиное гнездо в попытке добыть еще одного подопытного.

Сэмиэльль выпрямился, развернул было Штурм обратно к Фере, но вспомнил про девчонку – она как-то подозрительно затихла внутри капсулы – и с сокрушенным выдохом направил белый корабль по направлению к Лисьей, в секунды разгоняясь до ультра-скорости.

– Бабуль, ау? Кэсс, ты дома? Я сейчас оставлю тебе кое-кого, на попечение, это очень срочно! Тут Ли... нет, потом объясню! Угу, целую, да.

Подумав немного, Сэми покусал губы и снова тронул коммуникатор, вызывая старшую сестру:

– Джозефинн! Джо! Я знаю, что ты слышишь, ответь! Мне срочно нужен скан твоего корабля, немедленно! Ты слышишь?! Немедленно! Ли пропал!

– Хватит орать, – Джозефинн Орингер звучала так, будто всю жизнь непрерывно курила махорку, ела махорку, спала с ней же и вообще сама была махоркой. – Где пропал? Координаты.

– Шестой сектор Феры, ноль-один дробь семь.

– Долбоклой.

– Кто?

– Вы оба. Местные банды наверняка уже сожрали его, расслабься. Но полкило корейки и черепашку могу привезти.

– Джо, прошу! Ты же там рядом, да? На Си-рэкс, у шахты? Джози, я умоляю, поищи его! Джозенька, сеструнь! Я... я нарисую тебе ту штуку, ну, боевую ультра-гарду! Все как ты хотела! Джозя! Финнюня! И тот серповидный нож с желобками тоже! Прошу тебя!

– Я уже подлетаю к Фере, но ты продолжай, продолжай, мой выпендренный братик.

– Ты... ты что-нибудь там видишь? Что ты видишь?

– Лес. И он тут везде, знаешь ли.

– Джо!

– Они жгут подлесок с трех сторон. Банда пернатых. Похоже, выкуривают твоего дружка. Или уже запекают, хрен их знает. Транспортник Лихарта крутится волчком на пустыре слева, видать, коротнул или угодил в ловушку. Короче, я сейчас там всех убью, Сэми, скошу в качестве трофея во-о-он те три кубометра заповедного золотого леса, а потом ты отмажешь меня перед Конторой и родителями. Сам придумай, как.

– Да! Да, Джози! Только забери этого придурка!

– Ну-у-у, или то, что от этой сладкой морковки осталось.

– Пусть... пусть... ладно. Только забери. Черт, понесло его! А... а зачем тебе три кубометра золотого леса?

– Маме подарю. На табуретки реклайнеры. Все, отключаюсь. Жди. Долбоклой.

Глава 2. Рафи

Правнук первого советника, сиятельный господин Рафаэль Лихарт не вписался в поворот и охнул, со всего маху приложившись плечом о ствол опутанного лианами дерева. Оттолкнувшись от него, медик, новатор и умница попытался было снова набрать нужную для улепетывания скорость, но его левая нога поехала куда-то в одну сторону, а правая – в другую. Замахав руками, Рафи с трудом удержался в вертикальном положении, но тут же приказал себе мыслить конструктивно и бодренько шлепнулся на пузо, прямо в вонючую жижу, отползая с тропинки в кювет. Забившись под первый же попавшийся куст, невезучий отпрыск аристократического рода забросал себя сверху подгнившей листвой и притаился грязной кучкой.

Сердце колотило по внутренностям. Полутемный, густой и яростно цветущий лес вокруг казался единым живым существом. Недружелюбным, дурашливым, ехидным.

Неподалеку что-то затрещало, загомонило, заухало и с задорным бряцаньем пронеслось мимо замершего под кустом, благоухающего испражнениями местной фауны медика – банда пернатых наконец-то ненадолго сбилась со следа.

Запахло паленым. По низу тонко потянуло дымком.

Невыносимо захотелось курить. Страдающий Рафи досчитал до ста, выравнивая дыхание, прислушался и опасно

высунулся из-под крупных бархатистых листьев своего убежища. Растительное буйство удушливой Феры шепталось, пело, шебуршало и глумливо, по-звериному, похихикивало.

Зеленая форма медика безнадежно промокла и нестерпимо воняла.

«Дерьмо!» – едва слышно охарактеризовал сложившуюся ситуацию Лихарт, оглядываясь.

Спасительный куст при ближайшем рассмотрении оказался роскошным, раскидистым лопухом. Рафаэль оценил эту тонкую иронию, криво усмехнулся и еще раз, уже безо всякой надежды, постучал по широкому браслету у себя на запястье. Попавший в магнитную ловушку синий транспортник в который раз не отреагировал на призыв хозяина.

Раф мучительно нахмурился, ругнувшись шепотом: «Самоуверенная ты жопа. Понтодел...» – и вновь оглянулся в попытке определить направление своего дальнейшего движения. Вернее, бегства. Обильно цветущий лес в ответ весело затрещал ветками, а затем неожиданно замер.

В одно мгновение стало абсолютно, оглушительно тихо. Неподвижно, сумрачно, темно. Мир потерял все многообразие оттенков и цветов, превратившись в неоднородный серо-синий фон. Молчаливый. Предвкушающий.

Струхнувший Рафаэль медленно присел, стараясь не делать резких движений, забился обратно под лопух, но в последний момент решил, что «помирать, так хоть на своих двоих», и полез наружу, кое-как поднимаясь на ноги.

Над верхушками деревьев зависло что-то огромное, черное и совершенно бесшумное.

Рафи попытался сквозь кроны рассмотреть – что именно, однако лишь еще явственней ощутил себя песчинкой под брюхом у кита. Широкий браслет на запястье вспыхнул алым световым кодом и сдержанно пропиликал три раза. Огромное нечто врубил несколько мощных прожекторов, тщательно ощупывая ими джунгли.

Сбившаяся плотной кучкой банда пернатых обнаружилась у болотца неподалеку, слева. Застилающий небо кит утробно рыкнул, пригибая подлесок звуковой волной, и оглушенная его величию шайка с визгами рассыпалась на составляющие, усвистев в разные стороны.

Устроенный ими накануне пожар доедал бамбуковую рожицу справа.

Прямо перед медиком были все те же стволы в перекрестьях лиан, а обернуться Рафи не успел – со спины его объяло что-то белое, чистое, искрящееся, цивилизованное, пахнущее успокоительным дымком – спасательная медкапсула.

Одурманенный ею Лихарт увидел, как деревья впереди зачем-то с хрустом повалились на землю, мотнул головой, пытаясь остаться на ногах, но не сдюжил и отключился.

* * *

Лес. Бег. Дым. Курить. Капсула. Голос-махорка. Джозе-

финн Орингер.

– Морковочка, ку-ку-у-у, открой глазки.

Царапающе хрипловатый тембр запустил у Рафи в груди, животе и ниже горячую цепную реакцию.

Рафи улыбнулся сквозь томную негу: «Джо. Стерва. Хочу. Сон, это сон... нет, еще минутку. Еще подремлю...» – но воспоминания минувшего дня всколыхнулись у него в голове улюлюкающей, бряцающей толпой.

Взбудораженный медик тут же подскочил, неслабо приложившись лбом о крышку медкапсулы. Зашипев, он рухнул обратно и потер ушибленный лоб.

– Псих, – констатировал томный голос, насмешливо поддразнивая. – Исхуда-а-ал. Мамочка совсем тебя не кормит, пупсик. Ох, ничего себе. Как ты мне рад, морковочка, вот это да-а-а. Я польщена. Серьезно.

Раф вытаращился и осмотрел себя – вся его одежда куда-то исчезла. Совсем. Вонючая зеленая форма, обувь и даже браслет. При этом, несмотря на синяки и ссадины, его измученное тело кое-где выглядело вполне себе... по-молодецки. Бодренько так, неунывающе. Даже перспективно.

Рафаэль, и не думая прикрываться, в раздражении выдохнул, размышляя: «Почему-у-у... почему она? У меня снова обострение долгоиграющей болячки под названием «Джо». Не буду с ней разговаривать! Смотреть тоже не буду, пошла она!» – и тут же покосился в сторону.

Черная фигура посреди белого зала являла собой стар-

шую дочь вояки Орингера.

Повелительница военизированных отрядов и банд, владелица огромного межгалактического корабля-Диплекса, десятка шахт, нескольких боевых костюмов, ловец сетей и гроза Содружества была ростом с сидячего кота. Лохматого, жилистого, временами бесноватого.

Нечесанные черные волосы укутанной в черный халат Джозефинн Орингер стояли дыбом. Черные глаза из-под черных бровей смотрели задумчиво. Красивые полные губы обметала простуда. По длинной шее скатилась капелька – видимо, после душа Джоз нацепила любимый халат второпях. Капелька нырнула в ямку между ключиц и скользнула ниже. Рафи сглотнул. Пояс халата был завязан неплотно, кое-как. Полы немного разошлись, показывая острую загорелую коленку и голень...

«Лодыжка, – лихорадочно припомнил медик, – медиальная часть дистального конца большеберцовой кости, выступающая книзу в виде толстого отростка».

Ступни у Джоз были совсем маленькими, аккуратными.

Раф отвел взгляд, с сопением повернулся на бок, задом к отвратительной Орингер, и закрыл глаза.

Джози хмыкнула, посетовав:

– Ни здрасте, ни насрать, – Лихарт не отреагировал, и она продолжила беседу, меряя отсек шагами. – Два остолопа. Полезли хрен знает куда. Нет чтобы сразу попросить сопровождения, охраны. Чучундры. Почикают тебя, кто мне

ножевые будет зашивать, а, дохтур?

– Не напоминай, – поморщившись, попросил Рафи. – Я бы предпочел, чтобы то лезвие доставал из тебя кто-нибудь другой. И швы тоже. Не напоминай.

Крышка медкапсулы скользнула вниз.

Лихарта накрыло огромное легкое одеяло. Джо осторожно погладила Рафи по плечу и цепляюще, хрипловато зашептала ему куда-то в висок:

– У нас сегодня вечер откровений, да, морковкин? Сначала ты в бессознанке лезешь ко мне из спасательной капсулы и бессовестно лапаешь, обмазывая чьим-то дерьмом, потом демонстрируешь свое расположение образцово-показательной эрекцией, а теперь еще и выказываешь сожаление о моем ранении.

– Ничего личного, – пробурчал Лихарт, накрывшись одеялом с головой. – У меня посттравматический.

Джози уселась на край капсулы, чуть подвинув страдальца задом, и поделилась последними новостями:

– Сэми нашел еще одну подопытную. С белой разновидностью опухоли. Она сейчас в особняке у бабули, на Лисьей, – медик-новатор притих в своей норке, с трудом удержавшись от расспросов, и Джози продолжила. – Я забрала твой синий транспортник. И того полуживого малявку, с черной саркомой, из-за которого ты полез к банде пернатых, то-о-оже забрала. Ви-и-идишь, какая я хорошая девочка?

Рафи резко выдохнул, сел и в остервенении уставился на

Джоз, решив вывалить ей все претензии разом:

– Вечер откровений, госпожа Орингер? А давай! При знакомстве ты выбила мне челюсть. Твоему сиятельству было весело и куражно, а мне – больно и обидно до слез. Тогда я, еще сопливый интерн, прибыл со старшими коллегами на свой первый вызов – драка, несколько пострадавших. В итоге помощь потребовалась уже мне самому! А после ты снова устроила покатушки на доске-ласточке. И почему-то прямо возле моего дома! Твоя чертова доска с коротнувшими тормозами снесла мне половину гостиной! Припоминаешь? А та авантюра с контрабандой и последующий конфликт с моим отцом? Хоро-о-о-ошая девочка! Но это были цветочки, а вот пото-о-ом начались крупномасштабные мероприятия! Войнушка с бандами в Доке... мое отделение было под завязку забито тяжелоранеными, я не спал неделю! Мрак. А этот твой двухголовый зверюга-перевозчик, Диплекс?! График поставок оборудования и медикаментов отправился лисе под хвост, потому что ты изволила рассекать на черном монстре по галактике, пугая торговцев и их караваны до оторопи. Конфликты, скандалы, дебоши и тада-а-ам! Одной прелестной томной ночью тебя привезли ко мне с ножом в боку и катастрофической кровопотерей. Допрыгалась! Семь часов в операционной, швы, идеальная, расписанная на месяц вперед схема восстановления, а ты! Ты сбежала из медотсека через три дня. Можно было хотя бы перегородку в процедурной не бить, а? Сбежала и устроила на Серой оче-

редные кровавые разборки! Месть, видите ли! Ох... швы, конечно, разошлись, накладка съехала, тебя повторно привезли истекающую кровью, но на этот раз в сознании. К сожалению. Ты вопила на младший медперсонал, потом орала мне, что я сволочь, мол, хреново зашил в прошлый раз... я молча штопал заново, а через пару дней ты опять слиняла в неизвестном направлении! Уф. Последний год, конечно, тишь да гладь, но знаешь, тревожно как-то, свербит – я все жду очередного привоза твоего хорошо бы не расчлененного тельца, глава Полиса пьет успокоительное ведрами, у Эксперта-безопасника дергается глаз, а Борх становится все больше похож на грустного седого опоссума. Все в предвкушении, но нет, пока ни-че-го. Видимо, грозная Джозефинн уже прирезала всех, кого нужно было прирезать, подчинила себе остальных и вот... о, чудо! Хорошая девочка образовалась, гляньте! Я красиво спасен, отмыт от говна, а благодетельница сидит рядом, такая миленькая, перевоспитавшаяся, в халатике, и ведет со мной великосветские беседы, укутывая одеялком... прекрасно! Я *польщен*, серьезно!

Отсек щелкнул и выдал нежным девичьим голоском:

– Посадка в пригороде Красного города будет осуществлена в течение часа. Площадка номер один. Кассандра Нотбек ожидает своими гостями госпожу Джозефинн Орингер и господина Рафаэля Лихарта.

Не отрывая от Рафи все того же задумчивого взгляда, Джо приказала своему кораблю:

– Держаться заданного курса, – и ответила нахохлившемуся медику безо всякой дурашливости. – Ты – друг Сэми. Наверно, единственный. Только наше семейство, ты и его секретарша оказались способны переварить нелюдимость и занудство гения от архитектуры. Разработанная тобой и Сэмом методика борьбы с раком просто удивительна, признаю. Твои идеи плюс эти мельчайшие магнитные зонды Сэми, которые пеленают, стреноживают опухоль... пока что Полис ропщет из-за того, что вы с братом вместо лабораторных крысок накупили бесправных тяжело больных рабов с Феры, но потом они все поймут. Осталось немного, да? Скоро должен случиться... перелом или как оно... неважно, я все равно выражаю тебе благодарность за помощь Сэмиэлю. Извини, что была... такой ужасной.

Лихарт насмешливо приподнял бровь, но потом все же нахмурился, осмотрел свою бывшую пациентку и вздохнул:

– Непростой год, да? У всех нас. Переживаешь? Бессонница, головные боли? Угу. Я выпишу тебе одну микстурку, чуть позже. Ладно, поболтали, отдохнули и хватит, – он плотнее закутался в одеяло и решительно полез мимо Джозефинн из капсулы. – Пойдем, покажешь мне того мальчика с черной разновидностью. Нужно диагностику, анализы... маркеры крови... пойдем, хватит стенку рассматривать.

– У вас ведь получится, да, Раф? И... у Сэми все будет хорошо?

– Не знаю. Возможно. И не надо на меня так смотреть.

Я всего лишь медик – ремесленник. Так... даже не думай в слезы, даже не... черт, Джоз! Я не умею утешать плачущих вояк, прекращай. Скоро посадка, пойдём... у тебя уже с подбородка капает... надо мыслить конструктивно, понимаешь? Пойдем, поищем каких-нибудь пилюлек.

– Мне н... не надо...

– Правильно, мне надо. У меня голова болит от всех вас! Еще и с моими родителями, братьями-сестрами придется объясняться, у-у-у... наверняка там уже весь Полис в курсе, что я в дерьмо вляпался. Пошли!..

Глава 3. Акта

Белянка тихо вздохнула. Дорожки из синих огоньков на прозрачной крышке медкапсулы забавляли. Хотелось трогать их, ловить пальцами, поглаживать, но после двух недель заточения в крошечном чулане сил в руках осталось немного.

Белянка – Акта – закрыла глаза и насупилась, вспоминая вопли старейшины Зевса...

«Куда его понесло?! Байрит! Куда?! Стой! Бай... алихэ-э-э... поздно, не рыпайтесь. Не суйтесь, я сказал! Усмотрели? Там, в кустах? То-то же. Монстра куражится. Ишь, усы распустила, шипит – вас тоже придушит, ломает, как Байрита. К вечеру она уgomонится, тогда тело приберем. Та-а-ак! Где эта стервянка?! Акта! Во-о-от она, сучье племя! Ты опять мужикам бошки дуришь, химеру свою душами кормишь? Итить-твою! Байрита уgomонила и Севку в той декаде! А соседский пес, Фрей? Сними с него наговор! Сними, говорю! Вторые сутки как падаль валяется! Нет?! Отка-зывается? Тогда пеняй на себя, монстрина жрица, взй-хо, пеня-а-ай на себя! Хэ-э-э... и прирезать-то тебя не моги – монстра вылезет и всех туючки передавит. Ничего, сама загнесси. Голодом уморю!»

Медкапсула вспыхнула розовым светом и протянула к разволновавшейся пациентке тонкие нежные нити, деликатно касаясь ее рук и щиколоток, обвиваясь, выскивая венки, впрыскивая укрепляющие растворы, напитывающие каждую клеточку.

В груди у Акты потеплело, голова сделалась совсем ясной – монстра-химера, давно пустившая деток в легкие, сердце и голову своей юной жрицы, была довольна.

Белянка приоткрыла глаза, потихоньку, искоса осматриваясь. Нутро белого хищного корабля сменилось небольшой светлой комнатой. За стеклом медкапсулы шуршали голоса – чуть поодаль стояла стройная седая дама, рядом с ней темпераментно взмахивал руками высокий статный человек. Молодой сильный мужчина. Тот самый, который забрал Акту с пляжа у озера.

Акта вновь притворилась спящей, прислушиваясь, *принохиваясь*, будто распуская вокруг себя призрачные паутинки: «Лисья планета. Белый мир. Женщина. Хозяйка дома. И он... красивый. Воин... или сын воина. Можно забрать его, забрать себе, приручить, сделать защитником... – в груди затрепетало, легко, нежно покалывая – химера незримо прицепилась к незнакомцу вместе со своей жрицей, но тут же отвергла его. – Ай, он чужой, занят. Уже влюблен в другую женщину. Не повезло мне. Как всегда».

За стеклом стало тихо. Люди ушли. Комната опустела. Акта расслабилась, спела про себя несколько несложных песе-

нок, зашептала быстро и обвела пальцами стыки между стеклянной крышкой и своей упругой лежанкой.

Мерцающие усики-сосуды медкапсулы закрутились веселыми спиральками, распрямились, нежно огладили Акте плечи и отступили вместе со скользявшей вниз крышкой.

Акта села. Головокружения не произошло – химера уже настроилась на вылазку и не бузила.

Пол был теплый, бархатистый, матовый. Жрица прищурилась. Слабые зрение и слух у нее дополнялись особым нюхом и *чарами*, но пока применить их было не к кому.

Массивный боковой шлюз на посадочную площадку оказался закрытым, зато дверь в дом была незаперта. Круглая ручка повернулась с тихим пощелкиванием.

Воздух в широком коридоре был насыщен запахами – изысканный шлейф величавой дамы; теплый терпковатый дух мужчины; еле слышные ароматы паркета, отпаренных льняных занавесок, твердых зеленых яблок и белых цветов. Оставленная медкапсула закрыла крышку, щелкнув скобами, и в мгновение наполнилась плотным серебристым дымком, скрывая пустую сердцевину.

Жрица улыбнулась и немного потопталась на месте, объемно ощущая окружающее ее пространство – огромный дом. Сильный, устойчивый, уходящий на несколько ярусов вглубь твердого грунта, пронизанный проводкой, с магнитными замками и сложной охранной системой.

Акта прыснула: «Свобода!» – и нежной былинкой вспорх-

нула по длинному коридору, передвигаясь бесшумно, на цыпочках, легко касаясь искрящихся светильников, напольных ваз и спокойно-зеленых пластин-сканеров на стенах. Сверхчувствительные датчики даже не подумали встревожиться и сообщить о побеге – Акта и ее внутренняя монстра полностью устроили их в роли гостей.

Комнаты, укромные уголки, переходы, лестницы... белые, черные, белые, черные. Все было таким чудесно-контрастным, необычным, нарочитым, что жрица только успевала приглядываться, восхищенно вздыхая: букеты из радужных перьев, поблескивающий, будто угольный шелк на стенах, белоснежный закуток, расчерченный узкими окнами, угловатое хрустальное нечто – непонятная, но красивая статуя, толстые мягкие ковры.

Из-за следующего поворота послышались звонкие щелчки и шорохи. Акта подобралась ближе, прижалась виском к косяку и прислушалась. Величавая дама с кем-то разговаривала по коммуникатору и была явно чем-то сильно встревожена:

– Привет, Аритэ. Да, это я. Рафи пропал... в шестом секторе. Сэми уже отбыл на поиски. Оставил медкапсулу и ринулся обратно, – раздались новые щелчки, из приоткрытой двери потянуло табаком. – Джози успеет, я уверена, успеет! Норманн? Нет, он еще на выставке. Да, в Красном городе. Вернется только к вечеру, белянку уже увезут, не волнуйся. Белянка – это девочка с Феры... Ох, не знаю. Сэми не назвал

ее имени, просто «подопытная номер четырнадцать». Белая как снег. Капсула показала крайнюю степень истощения и что-то еще, хм, будто веточки и паутинка изнутри. Опухоль? Наверное. Не знаю. Транспортник из Полиса прибудет за ней совсем скоро, но я боюсь, что она...

Под потолком деликатно зашелестели вытяжки.

Акта нахмурилась, переваривая услышанное: «Они хотят отправить меня Полис. Ай, как нехорошо! Толпа лекарей, вооруженных острыми железками. Убьют мою монстру внутри, порежут ее, задушат, и я тоже сгину. Снова стану слепым слабым мякишем».

Не дослушав окончание разговора, жрица скользнула дальше по коридору и юркнула в одну из боковых комнат – чью-то спальню. Панорамные окна наполняли ее неярким светом зимнего дня и видом на окрестное снежное плато. Черные стены были местами исписаны цветными мелками и совсем не казались мрачными. В камине потрескивали остывающие угольки.

Акта прикусила губу – шкаф был маловат и, похоже, забит под завязку. Зато под широкой, пестрящей подушками кроватью нашлось достаточно свободного места. Забравшаяся под нее жрица обнаружила в своем убежище нечто в продолговатом футляре, несколько стопок книг и откатившийся к стене маленький мячик.

Недалеко раздались легкие быстрые шаги, приглушенные коврами, перестук каблуков, шелест подола... и все снова

затихло.

Продолговатый футляр был закрыт на магнитные скобы. Мячик оказался приятно упругим. Меж страницами книг нашлись засушенные листья и цветы – васильки. Они нежно пахли летом, солнцем и еще чем-то знакомым. Юная подопытная тихонько вздохнула, в который раз вспоминая свою невеселую историю...

– Сколько ей? Лет пять?

– Восемь, досточтимый доктор Вайз. Акта самая младшая из наших детей. Родилась дюже рано, и семи лун не прошло.

– И выжила... с ума сойти! Невероятно. Как?

– За очагом в сырмятном коконе тепло и...

– Она слепая? Да. Шумы в сердце – тарыхтит как старый движок.

– Верно говорите, досточтимый. Не живет и не умирает. Пользы от нее никакой, только лишний рот. Как быть?

– В этом я вам не советчик. Сами решайте.

– Вэ-э-эйхо, тогда у химеры спросим. У химеры. До ее леса рукой подать. Авось, монстра и примет новую душу, освободит нас.

Высокий порог, скрипучая калитка, неровная, холмистая земля. Короткое «Куда глаза глядят!» и толчок в спину. Щекощущие ладони стебельки. Щека, согретая солнцем, и полная темнота вокруг – слепота.

Первый неуверенный шаг. Уйти, куда глаза глядят... а куда?

Еще шаг. Второй, третий.

Грохочущее в груди сердце, булькающее, тяжелое. Дрогнувший воздух. Стрекот и шипение химеры вокруг. Страшно. Горячее прикосновение к подбородку. Свежий запах, как после грозы. Вспыхнувший в груди огонь, разрывающая голову и глаза боль.

Холмистая земля уже под спиной. Покалывание на кончиках пальцев.

Свет. Впервые в жизни. Бело-голубое, полосатое небо. То же впервые. Вытянувшиеся к небу высокие цветы – то чересчур четкие, то расплывающиеся синими пятнами. Васильки...

Пластины на стенах предупредительно пискнули. Акта выглянула из-под кровати и прищурилась на окна. К дому спланировал огромный остроносый корабль – белоснежный обтекаемый. Из-под его плоского пуза, задорно крутанувшись, выскочил еще один — стремительный серебристый челнок-скат и просвистел к посадочной, дернув гибким острым хвостом.

Жрица моргнула, резво задвинулась обратно под кровать и стянула край яркого покрывала ниже, спрятавшись за ним.

Тихий дом замер на мгновение, а потом грохнул дверью, разразившись разноголосыми выкриками и топотом, впер-

мешку с цоканьем тонких каблучков:

– Норманн! Подожди! Тебе туда нельзя, и вообще... почему ты не в городе?

– Перехватил один сабж, бабуль. От Сэмиэлля! Он опять покупает людей на Фере для опытов! Как он может так, а?! «Подопытная номер четырнадцать»... капец, ты слышала?! Это же люди, а не хомяки, чтоб его! И это мой брат! Мой старший брат!

– Норманн, дорогой, ты не прав сейчас! Рафи и Сэм дают этим людям шанс! Шанс, понимаешь? Норманн, подожди... Мэни!

– Шанс? Да-а-а, конечно! Герои, охренеть! Да они бы и пальцем не пошевелили, если бы не...

Пространство вокруг поднатужилось и добавило к диалогу на повышенных еще парочку оглушительно громких звуков: белый корабль за окнами выдал протяжный гудок – обнаружил медкапсулу слишком легкой – пустой. Зеленые пластины на стенах, подхватив призыв транспортника, вспыхнули оранжевым и завывли дурными сиренами.

Акта зажмурилась, в отчаянии прикусив губы.

– Бабуль! Кэсси! Это что?! Тревога? Нас грабят? Атакуют? Пожар?!

– Не знаю! Ай, Норманн! Что делать? Что?!

В коридоре рухнуло что-то, по масштабам сопоставимое с двустворчатым шкафом.

– Нет! Норманн! Это же шедевр современного искусства!

– А нефиг было им щиток сигналки загораживать! У-у-у, заело... давай! Открывайся!

Где-то хрустом лопнул неведомый стеклянный пузырь. Сирены поперхнулись, затихая. Белый транспортник за окнами раздраженно продул сопла.

– Норманн, ужас! Девочка пропала! Где?! Как? Куда она делась?!

– Так, Кэсс, харе метаться! Выпускай поисковые зонды. На втором этаже справа от пульта есть два контейнера, давай!

Тонкие каблуки уцокали куда-то в сторону, а тихие шаги раздались совсем близко, как и сердитый шепот.

– Жесть, весь в осколках! Ай! Зараза...

Акта под кроватью застыла, стараясь не дышать. Дверь в маленькую спальню распахнулась шире. У жрицы перед носом прошли немалого размера расхлябанные боты. На пушистый ковер со шлепком приземлилась куртка с кожаными вставками, рядом неаккуратным комом шмякнулась кофта.

Расхлябанные боты прошагали к шкафу, дверцы скрипнули и на пол сошла небольших размеров лавина из тщательно утрамбованного тряпья, вещей и непонятного назначения штуковин. Одна из таких штуковин вдруг оперилась разноцветными крылышками и с радостным щебетанием метнулась под кровать. Акта в испуге отпрянула от нее, задевая шершавый футляр задом.

Монотонный, струнный, наполненный «бам-м-м» можно

было услышать даже с улицы. Разноцветная штучковина с крылышками щелкнула у оцепеневшей Акты под носом и вжикнула куда-то в сторону. Расхлябанные боты пропали. Вместо них появились внимательные серые глаза, темные кудри врастопырку и тихий, вкрадчивый голос:

– Споко-о-ойно. Споко-о-ойно. Попалась, шустрик?

Акта растерянно прищурилась, осязая: «Еще один воин? Нет, тоже сын воина. Только моложе, чем тот, и какой-то стран...»

Химера у нее в груди вдруг полыхнула так, что жрица задохнулась, вскинулась, ударившись спиной о решетчатое дно своего убежища, зажмурилась, вслепую метнулась куда-то в сторону, вновь тревожа футляр, опрокидывая стопки с книгами.

– Нет, нет! Тихо! – растрепанный незнакомец по пояс засунулся под кровать, но хватать паникершу не стал, лишь продолжил уговаривать. – Спокойно! М-да-а-а, юбчонка у тебя, конечно... хорошо хоть, что трусы на месте. Как тебя зовут? Как зовут, ну?

У него был очень приятный, глубокий тембр.

Пламя за грудиной утихло, разливаясь по телу нежным теплом с острыми искорками. Жрица с облегчением выдохнула, открыла глаза, рассмотрела свой новый объект, вспоминая услышанное ранее: «Норманн... Мэни», – и негромко ответила ему:

– Акта.

– Коротенечко, удобно, – приподнял темную бровь «объект». – Акта. И что это значит?

– Оклик, Норманн. В переводе с нашего диалекта: «Эй, ты!» – с легкой улыбкой поведала жрица, не отпуская взгляда собеседника.

– Хреново, – нахально подметил тот, отчего-то никак не подцепляясь, будто уворачиваясь от чар. – Так себе имечко. Для лисы или, к примеру, хомяка еще сойдет, но... короче, вылазь, а то я уже все пузо себе отлежал!

Серые глаза и взъерошенные кудри пропали, вновь сменившись расхлябанными ботами. Акта растерянно моргнула – не вышло подцепить и одурманить. Не удалось. То есть немного да, но совсем не так, как обычно. Снова не повезло. Монстра почему-то замерла, не проявляя себя и не помогая своей подопечной. Полис и доктора с железками активно замаячили на горизонте.

Жрица в расстройстве качнула головой и полезла навстречу молодому наглецу – сдаваться.

* * *

Воздух на улице оказался леденяще свежим, вкусным, морозным. В объятиях Норманна, в свитере, да еще и одеяле, было ни капельки не холодно. Пригревшаяся Акта счастливо вздохнула, покрепче прихватывая куртку на плече своего спасителя.

Серебристый челнок-скат щелкнул острым хвостом, издав издав приметив хозяина с непонятного вида кульком на руках.

– Норманн, ты с ума сошел?! – величавая дама в изящных домашних туфлях на шпильках вылетела на крыльцо и просеменила за вконец распоясавшимся внуком. – Немедленно верни ее в капсулу! Немедленно!

Норманн притормозил и обернулся, отчеканив бабуле:

– Цыц! Она не желает в Полис. Я уже пощелкал пройдохе Зевсу. Сэмиэль забрал с Феры не ту женщину, понимаешь? Акта сбежала из чулана, а вовсе не из госпиталя, но случайно выскочила на брательника, и он решил, что это... ну понятно, да? Гений коммуникации, блин! Рот открыть и спросить же вообще не судьба. Даже слышать не хочу про Полис! Все, говорю!

– Но... Борх, – Кэсси схватила упрямца за рукав, пытаюсь быть как можно более убедительной. – Твой отец сейчас сказал, точнее, проорал, что жрицы с Феры могут быть очень опасными. Они владеют гипнозом, и... мальчик, послушай...

Очень опасная жрица с Феры высунулась из одеяла, укоризненно посмотрела на даму, сделала несчастную мордочку, а Норманн только фыркнул:

– Все эти чары, магические фигли-мигли и наговоры – полнейшая чушь. Не верю! – и свистнул своему скату, чтоб не цеплял хвостом забор. – Я отвезу ее к себе в дом на пер-

вое время, не буду тревожить семейство.

– А потом?! – взвилась Кэсси. – Это тебе не лисенка по-добрать. Не просто домашнее животное и питомец, понимаешь?.. Ответственность! Куда ты ее, Мэни? Куда?

Норманн предостерегающе протянул ей:

– Харе-э-э... – перехватив свою хлипкую ношу поудобнее, он сверкнул глазами и ознакомил бабулю с дальнейшими планами. – Акта пройдет полное медобследование уже сегодня. После ее дополнительно осмотрит Рафаэль. Отец может орать сколько ему угодно. Пусть она будет этой самой жрицей, птицей, синицей, кем угодно, но не подопытной номер четырнадцать, понятно? Все, пока!

Потянувшись, он поцеловал расстроенную Кэсси в щеку, развернулся и направился к скату.

По пути Акта снова высунулась из кулька, сияющими от счастья глазами осмотрела Норманна, снежную долину вокруг, бледно-голубое небо, тихонько прошептала: «Куда? Куда... куда глаза глядят...» – и вздохнула с надеждой.

Самой невезучей и неловкой жрице аграрной планеты наконец-то улыбнулась удача.

Глава 4. Джозефинн

В этой декаде зима подзадержалась на Лисьей – весны не случилось вот уже шестой год подряд.

Джозефинн вдохнула холодного ветра и тронула языком верхнюю губу – ранки на ней снова немного кровоточили.

Вокруг было снежно, муторно и очень громко – в коммуникаторе непрерывно надрывался отец, а неподалеку, у изгороди особняка, митинговала бабуля Кэсси. Оба оратора давали представление темпераментно и артистично. С надрывом. Как всегда.

От такого плотного взаимодействия с любимыми родственниками Джоз невыносимо хотелось забиться в нору. Или прикинуться окаменелостью – какой-нибудь безнадежно почившей ракушкой под толстым слоем мха в качестве звукоизоляции.

Коммуникатор мигал красными диодами, перегревшись от зычного баса:

– Джозюля, детка, я тебе папа рódный или в жопе барабан?! – с годами Борх становился все более и более громогласным. – Я что говорил, а? Не трогать эти их джунгли долбанные! Какого хрена ты там все повыдергала? Глава Полиса на говно изошел, мол, «несанкционированное вмешательство в экосистему», местные птички-невелички теперь загнуты в страшных мучениях и прочая пое... бюрократия!

Ты слушаешь меня?..

Джоз угукнула и покосилась в сторону – Кэсси бегала вокруг низко припаркованного Диплекса, лупила его по фюзеляжу крошечной сумочкой и причитала:

– Растопил, все растопи-и-ил! Где снег? Подчистую растопил соплами! Утеплитель консервирующий сдернул. Кошмар! Теперь точно весь газон перемерзнет... и клу-у-умбы! Не трогай, не трогай, скотина ты безмозглая! Убери щупы! Не надо мне здесь ничего пропалывать! Убери! Джо-о-ози-и-и!

Джо покривилась, сняла с головы оружий коммуникатор, сунула его в карман пальто, свистнула Диплексу, чтобы заканчивал самодеятельность, и отправилась в обход особняка ко второй посадочной площадке.

Укутанные в теплые куртки, отдохнувшие Сэмиэлль и Раф оперативно погрузили в Штурм медкапсулу с отобранным у пернатых маленьким пациентом и были готовы к вылету – час назад Лихарту пришло срочное сообщение с места работы, из Полиса.

Джозефинн еще раз осмотрела окружающую ее панораму, забралась в Штурм и устроилась в углу командного зала, на своем привычном месте.

Мальчишка-подопытный тут же отвлекся от ковыряния в носу и зыркнул из-за прозрачной крышки. Джоз подмигнула ему, откинулась на спинку кресла и медленно выдохнула, настраиваясь на вероятно самые сложные двадцать четыре

часа в своей биографии...

Госпоже Джозефинн Орингер приходилось нелегко по жизни – до недавнего времени у нее начисто отсутствовали тормоза и иже с ними чувство меры.

Джоз необходимо было завоевать, присвоить и заграбастать все и вся. Целиком и полностью. Оружием или словом. Забрать себе, а после – утвердить свои законы и порядки, наладить быт, приучить местную шушеру жить по правилам – сделать мир лучше. Заодно и оградить семейство от опасностей, предусмотреть все возможные угрозы, защитить, убереечь, при необходимости прикрыть собой... но, как оказалось, в некоторых случаях это «оградить и убереечь» было совершенно вне компетенции упрямой и вечно всклокоченной маленькой вояки.

Сильные эмоции были для Джозефинн чем-то вроде стимуляторов или топлива, но любовь оказалась специей иного сорта. Очень специфического. Джо влюбилась в одного чрезвычайно упертого доктора и не знала, как воевать с подобной напастью, а случившаяся после с братом беда и вовсе вышибла из отважной Орингер дух, словно перекрутив ей внутренности, лишив сна. Видимо, страх приходился любовной горячке близким родственником, компаньоном. Джозефинн сначала сходила с ума от любви и ревности, а потом открыла в себе новую способность – бояться до тошноты, до оторопи, до искусанных в кровь губ. Бояться днями и ночами, круглосуточно, в течение целого года.

Штурм дрогнул и плавно стартовал, выбирая самый короткий маршрут до центра Содружества.

Висок защекотало.

Джо повернула голову – наблюдающий за ней мальчишка отвел взгляд, но тут же снова покосился черным глазом. Войка сурово нахмурилась и кивнула ему, как бы подтверждая заключенный между ними ранее, еще на Фере, уговор. Маленький пациент расплылся в радостной улыбке, угнездился поудобнее и мечтательно зашептал что-то сам себе. Диоды на его капсуле горели мрачными тёмно-красными огнями.

Госпоже Джозефинн Орингер приходилось очень нелегко по жизни.

* * *

Подземный медцентр в сотню ярусов был похож на заточенного в скалу огромного великана, отрешенного от всего мира, могучего, иногда чуть снисходительного к суетящимся внутри него человечкам: медикам, персоналу, пациентам и их родным. В его белоснежных коридорах Джозефинн чувствовала себя совсем крошечной и никчемной.

Бесконечные переходы, ответвления, отсеки медцентра – целый лабиринт. В нем легко можно было заплутать, но Джо давно запомнила нужный ей и Сэми маршрут: первый ярус, приемный покой, камера дезинфекции, отделение для онкобольных, отсек интенсивной терапии и матовая стеклянная

перегородка в реанимационный блок – конечная точка. Конечная для Джозефинн, Сэми шел дальше.

В отсек интенсивной терапии не пускали посторонних, но Джоз с самого начала закрепила за собой право сначала следовать за братом через весь ярус – провожать, а потом стоять возле этой самой перегородки и вздыхать.

По первости Сэм ужасно раздражался от одного взгляда на маленькую, укутанную в белую спецробу сестру, но потом смирился. Тем более, что обычно неугомонная и взрывная вояка, сопровождая его, вела себя идеально: стягивала кудрявую гриву тугим узлом, безропотно проходила процедуру дезинфекции, надевала стерильный костюм и молча шла за Сэми – поддерживала, была рядом.

В этот раз все было как обычно – блокпост на спутнике планеты, Полис, побережье, медцентр, приемный покой, дезинфекция, шуршащий костюм, широкая спина брата перед глазами, но поспешающая за ним Джозефинн знала – это был финал истории. Последняя процедура. Уже к утру ситуация должна была проясниться.

Да или нет. Победа или поражение. Жизнь или неминуемое, очень быстрое угасание.

Сэм остановился у стеклянной перегородки, обернулся к понурой сестре, присел перед ней на корточки и велел:

– Хватит, Финя! Мы тут все борцы или кто?

– Только ты и Рафи, – прохрипела ему Джо, с трудом сдерживая слезы. – Борцы. А я... то самое «или кто». Потому что

спасовала бы... наверное. Еще в самом начале. Сдулась.

– Перестань, – Сэми притянул ее к себе за робу и обнял под коленками. – Ты уже год тут со мной толчешься. Прости, что пытался прогнать. Ты очень мне помогаешь, правда! А в первые дни, когда мы с Рафи только ее привезли, помнишь? Прямо с золотого фестиваля. Уилма потеряла сознание, упала прямо мне на руки. Я думал, что она... все, не дышит – такая бледная была. Рафи протрезвел в одно мгновение, пытаясь привести Уил в чувство, а ты прибежала от фонтанов, растеряв по дороге туфли. И этот диагноз после, уже в реанимации. Спятить можно от такого. Если бы не ты и Раф...

– Сэ-э-эмчик, – Джози пригладила буйные кудри брата, наклонилась и зашептала ему на ухо. – Она очнется. Очнется. Уже сегодня... и ты будешь рядом, как и хотел. Все будет хорошо, я уверена, осталось всего несколько часов. Я переночую в Штурме, на побережье. Поцелкай мне после, ладно? И семейству. Папа с мамой который день себе места не находят, бузят. Кэсси безостановочно курит. Норманн пошел вразнос – сбежал из дома с какой-то девчонкой. Элис ныкается по углам и ревет. Поцелкай.

– Хорошо, – кивнул Сэм и поднялся на ноги. – Мне пора. Попытайся отдохнуть немного, Финь, а то как бы нам и тебя лечить не пришлось – не спишь совсем. Все, давай, топай.

Стеклянная перегородка с шорохом закрылась за ним.

Джози постояла возле нее, повздыхала и поплелась на выход – переодеваться. И ждать.

Теплый океан выкатился к босым ногам усевшейся на песок Джозефинн и лениво тронул ее ступни, подбираясь к подвернутым на щиколотках штанинам. Неяркое темно-желтое солнце медленно уходило за горизонт, позолотив нежным светом пляж, волны и грустную Джоз.

Коммуникатор на скуле маленькой растрепанной вояки молчал.

Штурм висел над поверхностью залива подобрав щупы и сжавшись, как испуганный паучок – ждал новостей от любимого хозяина.

Джози встала и медленно прошла вдоль кромки воды туда-сюда. Кэсси выдала ей в дорогу контейнер с ужином и огромный термос, но Джозефинн была совсем не голодна.

Песок на побережье еще не остыл. Круглые синие камешки, отполированные океаном, ощущались в ладонях приятно гладкими, крапчатыми, будто живыми.

Черный коммуникатор громко защелкал.

Джози подпрыгнула, выронив из рук собранные ракушки, прижала связиста запястьем и...

– Это я, – прозвучал у нее в ухе Рафаэль. – Уилма очнулась. Психомоторных нарушений выявлено не было. Эффективность схемы лечения подтверждена. Основная часть опухоли удалена успешно, отростки купированы. Инвазия и

метастазирования более невозможны – микрозонды справились со своей задачей. Сейчас подопытную номер один перевели из реанимационного в первую палату, она спит. Просто спит. А Сэму я вколол один симпатичный растворчик, чтобы он тоже уснул... хм, то есть, чтобы отвалил от меня. Достал с обнимашками! Что я ему, заяц плюшевый? Ты где?

– Я... я у... – Джози сглотнула и зажмурилась – пейзаж вдруг закачался, в голове зашумело. – У... у сев... у...

– Соберись, – в свойственной ему манере подбодрил Раф. – Дыши глубже, через нос. Еще раз, еще. Повторяю вопрос – ты где?

– Тут, рядом. У северного мыса, – кое-как проскрипела ему вояка, на всякий случай села обратно на песок.

Получивший радостную весть Штурм с мелодичным щебетанием нырнул в догорающую закатом волну, подняв веер брызг.

Рафи посопел немного и решительно объявил:

– Я сейчас тебя заберу, отвезу к себе домой, накормлю, вколю тот же самый симпатичный растворчик, заверну в одеяло и...

– Затацишь, э-э-э, то есть утацишь в постель, морковочка? – иронично предположила Джо, выстраивая, восстанавливая, возвращая прежнюю себя. – До-о-олгий поцелуй на ночь планируется? Ой, вот незадача, а моя персона, пускающая слюни после укольчика, не вызовет никаких вопросов у *этой*, ну-у-у, твоей очередной пассии, как ее, черт, имя не

помню. Хе-р... Хи-зер? Модель человека. Сто-первая-блондинка-с-ногами. Или вы уже все? Не вместе?

– Поцелу-у-уй, – задумчиво протянул Раф, проигнорировав все остальные подкобочки. – Поцелу-у-уй. Точно! Хорошо, что напомнила. У тебя на верхней губе две трещины, нижняя искусана вдрызг, кайма кровит. Перед инъекцией я наложу на все это безобразие антисептик, плюс ранозаживляющее, чтобы к утру затянулось.

– Валяйте, господин доктор! – приснула Джоз, улеглась на песок, поправила на скуле связиста и расслабленно замурлыкала. – А что, действительно. Нафиг эти слюнявости, да, мой дорогой? Если и целоваться, то не в губы, а сразу куда-нибудь в...

– Не-э-эт, – тут же вклинился в ее монолог медик, размышляя вслух. – Думаю, одним антисептиком не обойтись. Наложу-ка я тебе заживляющую накладку. На *весь* рот. Крепкую такую, чтоб намертво залепила. Радужную, тебе пойдет. Помнишь, в прошлом году? Ты проспорила Сэми и явилась на фестиваль в платье. Блестящем таком. Радужном. То есть, как бы в платье, но... э-э-э, по факту это была полупрозрачная... маечка, что ли. И туфли. Черт, я тогда напился, как скот. О чем это мы? А, точно. Накладка на рот. Уже иду, приготовься.

Последние его слова отдались в ухе у Джозефинн долгим эхо и она, перевернувшись на живот, взгляделась в быстро темнеющий пляж.

Рафаэль спускался к ней по ближайшей лестнице. Нашивки на его зеленой медформе переливались серебром. Джози встала, кое-как отряхнулась от песка и двинулась навстречу.

Вдоль побережья один за другим зажглись круглые фонари. Штурм продолжал бултыхаться в заливе, брызгаясь и попискивая. Океан налился темной, будто упругой синевой. Полис сиял разноцветными огнями и приготовился ко второму, ночному туру шумного человеческого действия.

* * *

Джо сидела на софе в просторной, если не сказать пустой гостиной и жмурилась – острый свет бестеневой хирургической лампы ослеплял ее, выбивая слезы из глаз. Губы чесались и поднывали одновременно. Просторные штаны и кофта мешочком слегка примиряли Джози с такой суровой действительностью, но усидеть на месте все равно было нелегко.

Под носом у Джо пахло антисептиком и еще чем-то синтетическим. На щеке ощущалось теплое дыхание – Рафи накладывал на израненную нижнюю губу вояки уже третью заживляющую полосочку и ворчал:

– Объела ведь, натурально объела. А если стянуть чуть-чуть? Больно? Терпи. Да-а-а. Придется так, иначе могут остаться рубцы, выемки. Вот здесь, в уголке – особенно.

– На... амальна буит...

– Не шевелись. Почти готово.

–...асиба...

Злющая лампа уехала куда-то в сторону, и Джозефинн наконец-то смогла приоткрыть глаза.

Насупленный Раф оказался совсем близко. Он внимательно рассматривал дугу над верхней губой своей давней пациентки, осторожно трогая ее пальцами – наносил еще одну порцию заживляющего.

Джо грустно вздохнула: «Как жить?» – и отклонилась назад, зашептав:

– Все... все. И так уже больничкой провоняла. Хватит.

Рафи сердито зыркнул на нее, отчеканил:

– Сиди смирно! – придержал вояку за плечо и продолжил накладывать мазь на самые мелкие ранки.

Он всегда был чрезвычайно упертым типчиком. Чрезвычайно. До тошноты. И невероятно привлекательным для Джо в этой своей упертости. Невероятно. До потери пульса и тяжёлой пустоты в голове и... прочих частях тела.

Джоз хотела усмехнуться над своими мыслями, но не смогла и вместо этого раздраженно прищурилась на дотошного медика. Подавшись вперед, она хотела было поцеловать его, но опять же не смогла и взъярилась окончательно, сжимая зубы. Увлеченный Раф не заметил надвигающейся на него бури.

«Я чуть-чуть, – сама себе разрешила Джозефинн, жадно рассматривая склонившегося над ней Лихарта. – Сейчас я в меру, потихоньку, аккуратненько, не теряя соображения...

поволоку его в постель».

Плавно, чтобы не спугнуть, она подняла руку, крепко прихватила Рафи за расстегнутый воротник и уставилась на его губы, решив отомстить за получасовую экзекуцию с полосками и хирургической лампой.

– Джоз. Джо-зи. Дж... так... это... ты... – забормотал Рафи.

Джо легкими касаниями обвела его лицо по контуру, потрогала, погладила нежно, щекотно, чувственно, придвинулась еще ближе, но Рафаэль опомнился, строптиво фыркнул, за бока стащил маленькую вояку с софы, обнял, сильно прижимая к себе, схватывая, вдыхая запах ее кожи и смоляных волос, отвечая на отрывистые шепотки:

– Ты победил.

– Нет.

– Да. Ты победил смертельную гадость, разъедающую людей изнутри. Ты спас Уилму. А еще смешную старушенцию, которая постоянно тырила у тебя сигареты, помнишь? Из седьмого блока. И того пузатого мужичка с Лисьей. И еще многих спасешь. Ты победил.

– Нет. Уилма осталась жива. Старушенция, мужичок. Но шесть других подопытных из трех групп умерли. Один из них сегодня, перед тем, как Уил очнулась. Здоровенный мужик. Я был уверен, что такой шкаф выживет безо всяких сомнений, но он просто умер, и все. Я ничего не смог сделать.

– Ты победил, Раф. Это победа.

– Нет.

– До чего же ты упертая морковка!

Джозефинн хотелось целовать его до утра, до послезавтра, до полной потери соображения и того самого чувства меры, которого у нее и так никогда и не было, но сейчас это не представлялось возможным. Оставалось только...

Не справляясь со жгучим любовным «Хочу!», Джози при- встала на цыпочки, подставив Рафи шею, ахнула от его быстрого чувствительного укуса под челюсть, обняла крепче и вновь зашептала ему на ухо:

– Ты победил... победил. Меня. И проигрался с треском. Мне. Это все ты виноват, все ты. Хочу тебя. Мне можно. У меня посттравматический. И-и-и где там у тебя кровать? А то я дальше... ох... дальше гостиной пока не залетала.

Взъерошенный Рафи еще раз куснул вояку за шею, хрипло констатировал: «Зараза!» – и потянул куда-то, стягивая с нее кофту.

Спальня оказалась недалеко. Опять же просторная, очень светлая и почти пустая.

Джо закрыла глаза, снова чувствуя себя совсем крошечной и легкой. Крошечной на широкой постели. Легкой в его руках. Внезапно свободной от обычно преследующего ее роя быстрых и долгоиграющих мыслей, тревог и сомнений. Нагой. Любимой, хотя Раф не сказал ей в постели ни слова, только ласкал – горячо и совершенно беззастенчиво. В какой-то момент он прижался лбом к изогнутому белому шра-

му у нее под ребрами, замер, зашипел что-то, не справляясь с обрушившейся на него лавиной воспоминаний, выдохнул, расцеловал Джози живот, пупок и этот чертов рубец, который когда-то чуть было не стоил ей и *ему* жизни. Им обоим. Обычной, той самой *нормальной* жизни, в которой они могли сколько угодно лаяться друг с другом, скандалить, ерничать, игнорировать, сжиматься от слов, как от ударов, не спать ночами, ждать, ловить взгляд при встрече, мгновенно замечать в толпе; с трудом оставаться трезвыми, просто дыша одним воздухом³, и заниматься любовью, отдаваясь друг другу до сбитых простыней и поехавшего с кровати матраса.

– Черт, Рафи! Он что... он не закреплен? Ай, я куда-то плыву, как морской котик на льдине!

– Хм... ну-у-у, на самом деле, это не кровать, а поддоны от грузовых контейнеров и матрас. Я здесь еще ремонт не делал.

– Ты живешь в этом доме пятнадцать лет!

– И что? С тобой я знаком еще дольше и только сейчас... о-о-о, вот это да-а-а...

– Отстань.

– Размечталась. Какая татушечка, прямо на сладеньком круглом задике. Что это? Птичка?

– Да. Все, я в душ... это просто птичка, понятно? Е-мое, Раф, ты меня и до этого голый видел! В хирургическом и в процедурке.

---

³ Строчка из песни Елки, «Ты знаешь».

– Тогда не до картинок было, а теперь... давай, Джоз, колись. Что за птичка?

– Уф-ф-ф. Ладно. Я набила ее, когда меня из Академии, с летного, выгнали. Отец заявил, что я ленивая жопа и... в общем, эта птица... она называется сукалень. Да, у меня сукалень на заднице. Смешного тут нет ничего, понятно? Хватит закатываться! Такая птица и правда существует, ну! Давай, давай. Типа смех продлевает жизнь, и все такое.

– Ой, не могу! До слез... Борх просто монстр долготерпения и родительской любви! Монстр! Я преклоняюсь перед ним и Ритой. Преклоняюсь! А ты... ты необыкновенно уморительная женщина!

– Ага. Спасибо за комплимент. Я в душ.

– Хе-хе. Не торопись. У меня его нет. Душа в смысле.

– То есть?

– Ну, закуток имеется, но... я там тоже ремонт не делал. Зато в гостевой спальне есть большая ванна. Подожди, я с тобой хочу. Споешь мне что-нибудь, когда угнездимся? Перестань, все ты умеешь. Однажды я слышал, как ты напевала, и недолеченная ангина в твоём тембре звучала так, что у меня ум за разум... спо-о-ой! Дава-а-ай, спо-о-ой, *птичка*, не ленись!..

Глава 5. Норманн

Норманн Орингер покачался в капитанском кресле своего серебристого челнока и насупился – командная рубка все продолжала подрагивать от громогласных нотаций отца:

– Норманн, какого хрена происходит, я тебя спрашиваю?! Отвечай! Норманн! Ты хоть что-нибудь соображаешь или она тебе начисто мозги выела?! Сын?! Мэни! Я отправил тебе сводку данных на эту девицу, ты прочел?! Зевс, мать его! Сплавил... я ему это припомню, ох, припо-о-омню!.. Но Сэм-то, Сэм! Охренеть можно! Приволок какую-то стервь, и что теперь с ней делать?

Раздраженный этим монологом Норманн шлепнул по панели управления и взревел:

– Хватит! Довольно! У нее есть имя! Имя, понятно тебе?
– Во-о-от оно что, – воодушевился от такого поворота Борх. – Ну так представь нам свою даму сердца, окажи честь, сынок, а то я уже подустал за вами гоняться. Ревмати-и-изъм, знаешь ли, а тут еще и безопасники из Полиса к нашим разборкам подключились – их главный старикан – Эксперт – желает разобраться в ситуации, ага! Так пердит на поворотах, что полпланеты выхлопом накрывает!..

В беседу отца и сына немедленно включился ранее упомянутый Эксперт, тут же затеявая с Борхом бурную перепалку:

– Орингер! Какого герундия у тебя там творится?! Что за

покатушки вокруг седьмого транспортного узла? Зачем Норманн туда эту бестию с Феры таскал, а?

– Не твое дело, понял?!

– Орингер, чтоб тебя! Командующий хренов! Ты даже собственный приплод не в состоянии контролировать, а уж...

– Что?! Отцепись, паскуда! За своими салажатами следи, а моих...

– Рот закрой и слушай! Угомони Норманна! С девчонкой этой беленькой поосторожнее, и еще – Аллиэнн только что прислала заявку на тебя и твоего отпрыска. Э-би-гейл Аллиэнн. Знаешь такую милую тетеньку? Ту что скромненько так владеет половиной галактики. У твоей женушки был конфликт с ее папашей, негоциантом, а у тебя и Норманна теперь с Эбигейл... припоминаешь? Аллиэнн. Вот! Она самая! Заява по поводу столкновения с ее кораблями у транспортного... а чего ты хотел? Медаль?! Из-за ваших догонялок два ее перевозчика всмятку, у третьего надломлен хвост.

– Нефиг было ей выгребать поперек полосы. Я не собираюсь тут хвостом вилять и вообще... это было обоюдное. Сама под мое крыло свою жопу подставила и...

– Да мне до фонаря, кто там и что тебе подставил, понял? Эбигейл рвет и мечет! Разбирайся с ней сам. У тебя сорок восемь часов, чтобы уладить конфликт. Сорок восемь! Ну... ладно... так и быть, я сегодня добрый, трое суток. Трое, Орингер!

– О-о-ой, как я признателен, господин Эксперт! Благодаритель ты на-а-аш! Денек накинул мне, непутевому. По-со-си-бо большое!..

Норманн щелчком выключил грохочущие басами каналы связи, подкорректировал курс и в расстройстве засопел, вспоминая происшествие у транспортного.

Затаянная им экскурсия к радужной туманности действительно завершилась не совсем удачно. Серебристый скат Норманна выскочил из-за межпланетной станции, ловко обогнул караван транспортников Эбигейл и был таков. Преследующий же его перевозчик-кашалот Борха не смог продемонстрировать подобной грации, а вот невероятную пробивную мощь бронированного фюзеляжа и крыльев...

Юный Орингер протяжно вздохнул, сел ровнее и вновь щелкнул переключателем-связистом, выставляя на панели нужные позывные – «госпожа Эбигейл Аллиэнн». Изогнутый центральный экран перед ним моргнул, зашелестел, зашуршал и наконец пропел красивым, будто обволакивающим женским голосом:

– Приве-э-этствую, мальчик-зайчик-лапушка-кудряшка. Не торопи-и-ись, юноша, сначала хорошенечко подумай, соберись с мыслями и предложи мне какую-нибудь симпатичную компенсацию за вашу с папочкой выходку у транспортного.

Норманн судорожно сглотнул – госпожа Аллиэнн, отобразившаяся на экране во всей своей величественной красе,

задумчиво уставилась юному Орингеру куда-то над переносицей, видимо, уже примеряя к его лбу клеймо «Мой пожизненный глупенький должник». Белоснежное манто обнимало загорелые плечи высокородной дамы, колко-искристое кольцо на ее шее рассыпалось маленькими сияющими радугами, а тонкие пальцы Эбигейл были унизаны разноцветными кольцами: белыми, черными, серебристыми.

Норманн насупился, понимая, что договориться с ней будет очень сложно, и задумался.

Челнок-скат деликатно запиликал, извещая о входе в атмосферу Серой планеты, и полыхнул боковыми соплами, снижая скорость.

Норманн оглянулся, прислушиваясь – Акта чем-то тихо шебуршала в соседнем отсеке – и вновь повернулся к экрану, начиная переговоры:

– Кхм... досточтимая госпожа, авария у транспортного произошла по моей вине, признаю. Я не отправил патрулю и в Контору информацию о своем маршруте, не согласовал коридор, неверно выбрал траекторию, а перевозчик отца и вовсе засек только у... э-э-э, в общем, это было опрометчиво, глупо и неправильно по отношению к другим участникам космического движения. Приношу вам свои извинения и надеюсь, что этот конфликт возможно уладить, не тревожа службу делопроизводства Совета. Я готов возместить издержки на ремонт или замену поврежденных транспортников сегодня же.

Госпожа Аллиэнн сладко улыбнулась и со вздохом возразила чересчур самонадеянному юнцу:

– О-о-о, транспортники – это така-а-ая ерунда, мальчик. Они ведь по сути всего лишь коробки, упаковка, а вот груз – побитые контейнеры с необычайно редкими химреагентами – это да-а-а. Боюсь, содержимого твоего личного счета «Норманн Орингер» не хватит, чтобы возместить ущерб. Что будешь делать? Разобьешь свинку-копилку, детка?

Норманн скрежетнул зубами, с трудом утихомиривая взметнувшуюся в груди орингеровскую вспыльчивость, прищурился и негромко предположил:

– Я так понимаю, у вас есть собственные задумки по поводу достойной компенсации. Давайте не будем тратить времени понапрасну, досточтимая. Что вам нужно?

Эбигейл беззвучно поаплодировала – юный Орингер довольно быстро уловил общий тон разговора, и коротко бросила:

– Беленькую жрицу.

– Ис-с-ключено! – прошипел Норманн – сдерживать в себе орингеровское становилось все труднее. – Я спросил *что* вам нужно, а не *кого*! Или вы до сих пор считаете людей по головам, как товар, уважаемая?

Госпожа Аллиэнн на этот выпад отреагировала странно – почему-то прыснула, а потом и вовсе захихикала, резюмируя:

– Втюрился по уши. Видимо, беленькая жрица действи-

тельно очень любопытный экземпляр.

Норманн смешался и вспыхнул, а Эбигейл покачала головой, продолжая со вздохом:

– Повеселились и хватит, кудряшка. Теперь серьезно. Я могу изрядно потрепать нервы тебе и Борху, повесить на вас кучу обязательств, замучить судебными тяжбами, но-о-о...

Искоса оглядев встрепенувшегося от ее «но» юнца, госпожа немного помедлила, а потом и вовсе сменила тему:

– Ты ведь уже окончил Академию?

Норманн растерянно почесал макушку, припоминая:

– Да. «Агротехнику». Почти год назад, а какое это имеет отношен...

– Отлично, – улыбнулась Эбигейл, раскрывая истинный объект своего интереса. – Те белые пионы, которыми усажены все клумбы на территории Академии, твои?

– Мои, – настороженно кивнул Норманн. – Дипломный проект. Ор-гибриды «Лаура». Мы с сестрой, Элис, экспериментировали – скрещивали травянистый и древовидный сорта. Цветы изначально получались бледно-желтыми, а кусты плотно облиственными. Тогда мы вживили гибридам фрагмент генома нашего местного цветка – Финикса – листьев стало намного меньше, а соцветий больше, плюс устойчивость к неблагоприятным погодным условиям, белый цвет лепестков и...

Госпожа Аллиэнн прервала увлекшегося Норманна взмахом руки и без предисловий ознакомила его с условиями их

дальнейшего сотрудничества:

– Мне нужно пять тысяч корней этих чудных цветочков к концу третьего годового цикла.

Ошарашенный Норманн замер с открытым ртом, похлопал глазами, закрыл рот, вытер рукавом вспотевший лоб и попробовал хоть чуть-чуть сбить цену, залепетав:

– Но площадь всех имеющихся на Серой пахотных земель и теплиц не обеспечат и половины...

Госпожа Аллиэнн радостно подпрыгнула на месте, роняя манто куда-то себе за спину, и темпераментно воскликнула:

– Так распаши, распаши... черт! Вспаши еще, лапушка. Окультуривай! Культивируй! Или как там это называется? Пять тысяч белых. И мы в расчете.

– Э-э-э, кхм-м-м... если подключить западные пустоши, то-о-о... три тысячи вполне...

– Замечательно! Четыре тысячи! Подключи, зайчик. Подключи. А потом, когда ты потренируешься на беленьких, я тебя проспонсирую, мотивирую, раздражаю и ты сделаешь еще четыре тысячи корней, но уже черных. К следующему годовому циклу.

– Ч-черных?! Но черных вообще не бывает! Их просто нет и никогда не было!

– Ну так придумай их для меня, детка. Скрести... Финикс, или этот ваш Огневик с утконосом. Что? Струхнул? Слабо, досточтимый агротехник Орингер?..

Серебристый челнок-скат выскользнул из-под низкой, повечернему сизой облачности и полетел над темной океанской водой.

Огромный полукруглый залив, притененный высокими обрывистыми утесами, волновался и вздыхал, выплескиваясь на покрытые рыжими лишайниками скалы.

Норманн высунулся в открытый боковой шлюз, пригляделся к беспокойной воде, нагнулся и постучал костяшками пальцев по подножке. Скат послушно выпустил прозрачные посадочные крылья, широкой планкой вдоль всего корпуса, и вновь полыхнул соплами, сбрасывая скорость, едва не укладываясь пузом на океанскую гладь.

Норманн почти за шкуру вытащил из светлого нутра ската грустную, апатичную Акту, одетую в его же теплый комбинезон и меховые сапожки Кэсси, подхватил ее на руки, легко пробежался вместе с ней по посадочному крылу, ссадил свою белобрысую ношу на макушку ската и пристроился рядом, подтолкнув Акту плечом:

– Последний пункт нашего маршрута. Последняя экскурсия, ты слышишь? После я от тебя отстану.

Жрица опустила голову ниже, прикрыла глаза – печальная, поникшая и тихая.

Норманн вздохнул, сел поудобнее, скрестив ноги, приме-

тил показавшийся из волны неподалеку белый холмик и с хитрецей глянул на свою спутницу: «Помирать она надумала из-за какой-то умолкшей внутренней химеры... ага, как же! Так, скан показал четыре взрослых особи, но в глубине могут быть еще. Сейча-а-ас для тебя споют, Беляшик. Так споют, что мало не покажется».

Высокий протяжный полувскрик-полускрежет разорвал темные волны, низкую сизую облачность, отразился от скал, защелкал, засвистел; глубоко, монотонно погудел на одной ноте и затих.

Акта вытарасилась, вскинулась, вскочила на ноги и завертелась на месте. Норманн прихватил изумленную девицу за штаны и усадил рядом с собой, на всякий случай придерживая ее за шлевки на поясе. Жрица крутила головой из стороны в сторону, прислушиваясь, отчаянно вглядывалась, щурясь...

Вода справа от серебристого ската забурлила, вновь задорно щелкнула и взметнулась высокими белыми фонтанчиками.

Многоголосая, странная, нечеловеческая, необычайно громкая песня вновь загудела-заскрежетала, вибрируя, и прокатилась по округе волнами.

Задохнувшись от эмоций, Акта улеглась на живот, резво подползла к краю, жадно рассматривая показавшиеся из воды белоснежные глянцево-голубые холки, большие темные глаза, лобастые головы, курносые носы, и опустила вниз руку, что-

бы потрогать, однако Норманн вновь схватил легкомысленную девицу, уже за щиколотки, быстро подтягивая к себе, и предупредил:

– Лапки тянуть не стоит. Они могут быть агрессивными в это время года. Это местные киты – белые нарвалы. Очухалась? Хорошо. Не будем им мешать. Я тебя обманул – это не последний пункт маршрута. Есть еще один, здесь совсем недалеко лететь, пойдём.

Серебристый скат дернул заостренным хвостом, закрыл шлюз за хозяином и пассажиркой, убрал посадочные крылья и плавно набрал высоту, поворачивая к берегу.

Вдогонку ему грянул резонансный хор китов-песенников.

* * *

Окутавшая континент молочная дымка была плотной, крадущей звуки, запахи и тени. Пустошь тонко похрустывала под ногами – местные кустарники каждый сезон сбрасывали отжившие нижние веточки. Надежно укрытый в пелене густого тумана, челнок-скат продул сопла и затих, прижимаясь пузом к дальней посадочной площадке – притаился.

– Мэни, стой, – прошелестели у Норманна из-за плеча. – Подожди, я... мне надо сказать тебе... пожалуйста.

Юный Орингер приподнял бровь: «Начинается! Рефлексия и самоуничужение», – остановился и обернулся к своей спутнице.

Акта уставилась на него снизу вверх и торопливо заговорила:

– Эта, как ты ее назвал, «мотивирующая экскурсия для погибающихся доходяг» была потрясающей. Чудесной. Невероятной. Для меня. Но моя монстра так и не проявила себя – молчит с момента нашего с тобой знакомства, там... ну, под кроватью. Охэ-эй, *она* потеряла интерес ко мне, разочаровалась, а это значит, что скоро все закончится. Так происходит со всеми жрецами на Фере, которых *она* отвергла. Просто поверь, я знаю о чем говорю. Сначала я ослепну, потом мое сердце вновь затарахтит как старый движок, а потом...

– Нет. Все не так, – раздраженно взмахнул руками Норманн. – Рафи снял показания с той медкапсулы, проанализировал, а потом мы с тобой были еще и у диагноста из Дока, помнишь? Вот! Оба медика сказали, что эти эта белая паучиха-осьминожка оставила в тебе свою паутинку. Она никуда не делась, живет себе, вполне успешно выполняет свои функции, как твой внутренний тончайший протез, понимаешь? Дает тебе возможность видеть, поддерживает твое сердце и не собирается тебя покидать... ну перестань, Беляшик!

– В любом случае, – решительно продолжила свою речь Акта, шагнув ближе к Норманну. – Спасибо! Спасибо, что показал небесное сияние, удивительные снежинки, ледник, океан, маяк, шторм, космос, созвездия, те яркие туманности, китов, спасибо! Пока я жива, буду помнить. И даже ес-

ли ослепну – эти воспоминания до конца останутся со мной. Спасибо тебе! Но твои близкие, твоя семья, все вокруг... они боятся меня... я... мне здесь нельзя, рядом с тобой. Я думаю, что должна была остаться в той капсуле. Нет, в чулане у Зевса. Нет, лучше... на... на том поле с васильками, куда меня вытолкнул отец. Остаться. Знать свое место. Прости! Прости, я все тебе испортила. Я... прости! Испортила, ай-нэ!

Норманн абсолютно отчетливо осознал, что сейчас он либо взорвется и наорет на нее, в исступлении брызгая слюнями, как самый настоящий, истинный Орингер, либо... окончательно разъяснит девчонке текущее положение дел... да, Норманну вдруг очень захотелось разъяснить Акте это самое положение дел.

Туман укрывал их от всего мира, словно плотная прохладная ширма. Жрица стояла совсем близко – задумчиво бормотала что-то себе под нос на шипящем диалекте и видимо собиралась окончательно пасть духом.

Норманн улыбнулся и обнял ее, погладил по спине – мягко, успокаивающе, потрогал белую косу, коснулся нежной щеки, заправил ей за ухо выбившуюся тонкую прядку. Акта сдалась тут же, глубоко вздохнула, обнимая в ответ, привстала на цыпочки и едва слышно зашептала, будто поддразнивая:

– А может... не стоит? Я... я могу быть агрессивной в это время года – паучья жрица, монстра, чудовище...

Губы у нее оказались неожиданно горячими, мягкими, по-

датливыми и дурманяще сладковатыми. Неторопливо целовать ее не получилось, только сильно, глубоко и даже почти больно – сдержать орингеровское все же не вышло. Юный Орингер никогда до этого не поступал вот так – жадно, бесцеремонно, неучтиво, собственнически, почти эгоистично. Правда и влюбляться с первого взгляда ему до этого тоже не приходилось ни разу. Ухнуть, действительно, по самые уши, а потом переругаться со всем семейством, сбежать из дому, влипнуть в историю, не отпускать Акту от себя ни на шаг, ловить ее улыбку, тормошить, утешать, подбадривать и наконец долго целовать, гладить, тискать ее, растрепанную и залившуюся румянцем.

– Мэни... я должна еще тебе...

– Не нужно. Я уже все про тебя знаю. Отец прислал инфу, а потом еще и Эксперт из Полиса продублировал – у них обоих пунктик на этот счет. Я знаю, что детка пушистой монстры внедрилась к тебе в детстве, а сама химера очень долго тебя сопровождала, прорастая белыми усами сквозь твои следы, проникая в дома, амбары, любые постройки, любопытствуя, обжигая и без промедлений придушивая неудобных ей. Знаю, что из-за этого ты круглая сирота. Не вини себя. Знаю, что ты старше меня на два года, что ужасно боишься огня, как и химера, что умеешь заговорить зубы и затуманить мозги любому, кто тебе безразличен, что очень любишь копать в земле и ухаживать за посадками и саженцами, у тебя легкая рука, а еще знаю, что ты ненавидишь свое имя...

давай придумаем тебе новое?

– Беляшик?

– Это для домашнего применения.

– Снежок?

– Да-а-а, я помню в каком ты была восторге от снежинок под увеличительным стеклом. Снежок. Хм, тогда лучше – Снежин. Есть такое имя, довольно редкое. Снежа, Снежка, Снежуля, Снеженька.

– Как это красиво! Можно... можно теперь я тебя поцелую?.. А куда мы сейчас идем?

– Домой.

– Что?! Нет! Я не пойду! Нет, Мэни!

– Имя у тебя теперь есть, пора знакомить с семейством, хватит бегать.

– Мэни! Я так... сразу не могу! Я не могу!

– Руку давай. Пошли. У нас куча дел, Снежик. Эбигейл потребовала пионы. Обеспечить такое количество корней будет непросто, но мы попробуем. О, видишь, большие окна? Это родительский дом, сначала мы пойдем туда. Там мама, папа и младшая сестра, Элис, моя помощница. Скоро еще бабуля Кэсс прибудет. И Сэми завтра привезет Уилму, она классная, тебе понравится. Старшая сеструха — Джоз — недавно она жутко полаялась с Рафи и уже неделю сидит надутый какашкой во-о-он там, в стеклянном флигеле, видишь? Нам с тобой пришлось садиться на дальней посадочной из-за ее Диплекса, перегородившего тут все, что можно.

Мой дом чуть дальше, рядом с теплицами, а светлые прямоугольники – это наш Белый стан, видишь?.. Туман завтра рассеется, я тебе все покажу. Снежа, хватит скулить! Так, все, я открываю дверь на счет «три», готова? Ра-а-аз, дв... э-э-э, привет, пап... мы ненадолго, только поздорова... пап! Полегче, блин! Ай, мам, скажи ему, чего он меня тащит! Мам!..

– Тащи его осторожнее, Борх, ты пугаешь нашу гостью. Добрый день, не обращайтесь внимания, они просто... эм... очень рады друг друга видеть. Меня зовут Аритэ или Рита, а вас? Снежин или Беляшик? Прекрасно! Познакомьтесь – Элис, младшая сестра Норманна, а старшая будет чуть позже. О, мы вас очень ждали, очень! А это господин Борх Орингер... фу-фу, брысь! Нет, это я не ему, Снежа, а домашним лисам. Они уже рвутся в боковую дверь и сейчас вас... оближут, да, вы не боитесь? Хорошо. Семь лисиц? Нет, на самом деле их восемь – Толстый спит наверху. Так, а теперь давайте-ка все мыть руки и обедать.

Глава 6. Элис

Пустоши наконец потемнели и притихли.

Туман отступил на пару часов раньше, чем обычно, поэтому Элис дождалась, пока небо станет совсем черным, и только тогда натянула плотные штаны, сунула ноги в мягкие сапожки, вытащила из-под кровати длинный прут в кожаной оплетке и бесшумно выскользнула из своей комнаты. В кармане ее просторной куртки тут же предательски бряцнуло – младшая Орингер поморщилась, сдула с глаз отросшую челку, на ходу достала связку ключей и осторожно пристроила ее на узкий комод в коридоре.

Дверь бокового выхода поддалась без скрипа. Стайку шибутных лисиц Элис еще с вечера заманила в одну из огромных теплиц и заперла, а тонкую тропинку предусмотрительно очистила от чересчур громко хрустящих веточек. Все было подготовлено заранее. Как всегда.

Ночь дышала прохладой. Синеватые папоротники, захватившие все окрестные овраги, напоминали семейство каких-то необычно крупных птиц, примостившихся на ночлег.

На дальней посадочной площадке дремал серебристый скат Норманна – он забыл переставить его ближе к своему дому. Эли чертыхнулась, присела на корточки, задрала манжеты куртки, осмотрев свои руки, ощупала живот, шею и облегченно выдохнула – зеркальная лента-антискан надеж-

но приклеилась к коже, делая ее невидимой для сторожевых башен и охранных дронов.

Где-то впереди раздалось едва слышное фырканье и шорохи. Элис вздрогнула и пригнулась еще ниже к земле. Ее длинный прут выпустил три изогнутых черных лезвия.

Симплекс-скат Норманна остался неподвижным, но из-под его плоского пуза выбрался огромный серый лис, флегматично осмотрел окрестности, небо, притаившуюся на краю посадочной девчонку, зевнул и неторопливой трусцой двинулся к дому, не соизволив одарить Элис и секундой своего драгоценного времени.

Младшая Орингер проводила взглядом его разъевшийся зад с объемным пушистым хвостом, покачала головой, прошептав: «Чтоб тебя, Толстый!» – поднялась на ноги и короткими перебежками двинулась дальше. Ее прут заглотил лезвия обратно и разгладился.

Пустошь потрещала одинокой ночной цикадой и вновь затихла, выпуская из зарослей кудрявой травы стайки крошечных синих светлячков.

Элис забросила прут на спину и побежала, уже не таясь, перепрыгивая через кочки, огибая извилистые овраги, тщательно контролируя дыхание.

Белые и зеленые огоньки стана скрылись за линией горизонта. Звездная ночь обступила быстроногую Орингер со всех сторон, чуть погода раскрываясь очертаниями темных покатых холмов.

Элис взяла правее, замедлилась и перешла на шаг, приглаживая растрепавшиеся волосы, приглядываясь – на верхушке крайней возвышенности показалась очень высокая широкоплечая фигура в просторной куртке с капюшоном, надвинутом на глаза. Бегунья радостно пискнула, прибавила хода, подлетела к своему тайному гостю, прыгнула на него, схватила, обняла...

Парочка торопливо зашептала, захихикала, перебивая друг друга:

– Привет! Ух, еле вырвалась! Похоже, папа что-то подзревает.

– Привет, Лисена... тш-ш-ш, это потом, все потом... с днем рождения тебя!

– Но у меня же завтра!

– Нет, уже сегодня, видишь? Ты родилась сразу же после полуночи, я специально узнавал в Полисе. Я поздравляю тебя са-а-амым первым!

– Ох, да, точно! После полуночи...

– Восемнадцать лет – это круто! Ты теперь серье-о-озная дамочка. Вот, это тебе, – поздравитель вынул из-за пазухи узкий конверт. – Подарок. Здесь несколько разновидностей семян и луковиц, как ты и хотела. Самые лучшие сорта «Золотая корона», «Черный глаз» и еще четыре – вообще официальные – алые и чернильные!

– Ой, спаси-и-ибо! Спасибо! Я... я так рада тебе. Как хорошо, что ты здесь!

– Я хотел... – гость отчего-то немного замешкался, но тут же решительно заявил. – Мне надоело прятаться, Лисена! Это какая-то ясельная группа, ну е-мое, шпионские игры. Я скучаю! Хочу общаться с тобой в открытую и хочу...

– Что?! Нет! Ты с ума сошел?

– Через два дня на транспортном узле кулинарный мастер-класс, ты же любишь... Давай вместе слетаем? Я тебя с утра заберу, а потом вечером...

– Папа тебя убьет!

– Мы уже год по углам шаримся. Даже больше. Почему нельзя просто дружить, как все нормальные люди? За что меня убивать-то? Я ничего такого не...

Элис тут же набычилась: «*Дружить?! Ничего такого?!*» – схватила «любезного-просто-друга» за грудки, наклонила к себе и поцеловала в губы.

Это был еще один подарок, о котором она мечтала весь сегодняшний день и еще половину вчерашнего вечера. И весь тот год (даже больше) пока они шарились по углам.

Риск отказа и неловкого молчания после был очень велик, но тянуть дальше и «просто дружить» с конкретно *этим* представителем мужского пола у младшей Орингер уже не было никаких сил. Ни-ка-ких сил. Абсолютно никаких. Ни капельки не осталось... сил. Разумения тоже... ни капельки. И пустошь под ногами почему-то пропала. Совсем. Зато появилась теплая ладонь на шее сзади и сильная рука, обхватившая за пояс, приподнявшая над землей.

Элис все целовала, целовала, целовала и даже не заметила, как целовать начали уже ее, в ответ, как-то особенно нежно, неторопливо, трепетно. Головокружительно приятно.

Где-то внизу раздалось громкое фыркание, топот и наконец восторженное повизгивание.

Элис испуганно дернулась, выпустила «любезного уже-не-просто-друга» из объятий и ошалело оглянулась вокруг.

Толстый вернулся. И не просто вернулся, а резвым галопом нарезал по окрестным полям широкие круги, радостно подпрыгивая всей своей округлой тушкой, припадая на передние лапы, время от времени притормаживая и оттираясь о ноги своего любимого и несравненного хозяина – самого лучшего из людей – Борх стоял у подножия холма, подсвеченный тусклыми зелеными огнями нескольких зондов-ищеек – высокий, массивный, негибачаемый, несмотря на солидный возраст и все выпавшие на его долю беды и ненастья. Стоял и очень внимательно, цепко, пристально оглядывал молодую парочку.

Элис в отчаянии заскулила, пытаясь прикрыть кавалера собой, но тот шепнул: «Наконец-то!» – осторожно отодвинул ее в сторону и без промедлений отправился навстречу господину Орингеру, стягивая на ходу свою просторную маскировочную куртку. Зеленоватые огни зондов моргнули, отразившись в трех серебристых лентах на плече его темного кителя – нашивках.

Борх сжал зубы, резко вдохнул, но с места не двинулся,

лишь тихо цыкнул своим зондам. Те вспыхнули белым, освещающая незнакомца с ног до головы, выставляя напоказ его солнечно-золотистый чуб, россыпь веснушек на носу и щеках, спокойные серо-голубые глаза и приветливую улыбку:

– Прошу прощения за беспокойство, досточтимый командующий Орингер. Позвольте представиться – патрульный Маркус Экгер.

Борх едва заметно кивнул, припоминая: «Внучок старикана Эксперта. Ну надо же... как похо-о-ож...» – и зыркнул в сторону – Элис уже спустилась с холма и испуганно, умоляюще смотрела на отца из-за плеча своего кавалера.

Ситуация сложилась патовая. Толстый перестал носиться кругами, сел по стойке смирно у ног Борха, поднял треугольные уши торчком и притворился неодушевленным предметом мебели.

Элис в волнении закусил губу. Ее кавалер учтиво помалкивал. Борх быстро все обдумал, тяжело вздохнул и негромко заметил:

– Вы нынче чересчур далеко забрели, патрульный Экгер. Ваш ареал, насколько я помню, орбита *Синей* планеты.

– Э-э-э, уже нет, господин Орингер. Месяц назад меня перевели на орбиту Серой. Правда, мне пришлось подать Эксперту одно за другим одиннадцать прошений, поэтому процедура перевода слегка затянулась, но-о-о...

– Кхм... все ясно. Дочь, не шастай больше по пустошам одна. Обклеиваться анти-сканом тоже нет никакого смысла

– Толстый все равно тебя чувствует.

– Хорошо, пап! – Элис с готовностью покивала, от чего ее отросшая челка взлохматилась еще больше.

Борх вновь перевел взгляд на молодого нарушителя всеобщего спокойствия, хриловато проинструктировал:

– Проводишь ее до крыльца, Экгер, – свистнул Толстому и направился в сторону дома.

Зонды-ищейки вереницей потянулись за хозяином. Толстый повел ушами, презрительно обфыркал застывшую парочку, повернулся к ним необъятным задом и растворился в ночной тиши.

Элис растерянно моргнула, отцепилась от плеча Маркуса, за которое она все это время судорожно держалась, и на всякий случай прислушалась.

Тьма вокруг сгустилась непроглядной, будто упругой завесой.

Молодой Экгер прыснул, захихикал, развернулся, почти на ощупь нашел рядом Элис, подхватил, прижал к себе, сбивая ее с мысли, и зашептал, заворковал, замурылкал:

– Лисена, мы похе... провалили все пароли и явки, ты понимаешь? Все пароли и явки! Нас с тобой засекли, отследили, прижучили и почти накатили. У меня даже челюсть заранее начала болеть... и нос, и глаз! Оба глаза! Думал – ну все-о-о, завтра буду, как долбанная панда... в первую свою рабочую смену здесь, на Серой!

– Болтун, – выдохнула младшая Орингер, крепко обнимая

его за шею. – Какой же ты болтун.

– Угу. Значи-и-ит план такой. Я сутки работаю, потом сплю, потом на мастер-класс, а пото-о-ом в Полис, знакомиться с моими.

– Что?! Нет! Ты с ума сошел?!

– Лисе-о-она!

– Я им не понравлюсь!

– Не ссы, Орингер! Не ссы, говорю! Все будет хо-ро-шо.

* * *

– Рита! Р-р-рита!

– Я сплю, Борх.

– Рита! Почему?! Почему я обо всем узнаю последним?!

– Ох... Ты про Элис и Маркуса? Они давно знакомы. На вручении диплома у Норманна, его друг, Джеф... музыкант, помнишь?

– Нихрена я не помню!

– Тогда слушай. Они отправились гулять-танцевать-отмечать, Элис захотела с ними, а Джеф дружит вообще со всеми вояками, так что... Маркус – хороший мальчик, успокойся. Иди ко мне, я замерзла.

– Рита! Но ему уже сколько, хм-м-м, так, у старикана есть старшая внучка, а этот же второй, да?

– Угу. Ему двадцать семь, но выглядит моложе. Потому что светленький.

– Кошмар, кошмар! Элис... она... она еще маленькая! Рита, не спи! Р-р-рита! У них десять лет разницы! Рита!

– Эм-м-м, напомни-ка мне, сколько у нас с тобой этих самых лет... разницы?

– Двенад... нет, Рита, это другое!

– То же самое. Ложи-и-ись, завтра, вернее уже сегодня, у нас много дел. Как ты мне говорил – я хочу с тобой спать. Ложи-и-ись.

– Рита, это ужасно.

– Что именно?

– Они выросли. Скоро все разлетится. Я тут умру от тоски.

– Начина-а-ается... Знаешь, у меня есть ощущение, что ты рановато пал духом. Почему? Секрет. Скажу только, что Джози шьет зайца. Да, сама. Подробности позже. Ложись, дорогой, ночь-полночь. Хочешь, я тебе что-нибудь спою на ушко? Колыбельную, да-а-а. Слушай...

Глава 7. Интриги, смятение и беспорядки

Командующий Борх Орингер перевернулся на спину, с наслаждением потянулся и озадаченно нахмурился, приняв себя – подушка, собственная темная майка и белоснежная постель отчего-то благоухали печеной курицей.

Борх потер глаза, повернул голову – вместо нежного профиля жены на соседней подушке обнаружился седой затылок с треугольными ушами и пушистая холка, плавно перетекающая в необъятный зад – Толстый изволил почивать рядом с любимым хозяином после первого завтрака.

Орингер пробормотал: «Оборзел, животное...» – прикрыл сладко похрапывающего питомца одеялом и поднялся с кровати.

Любимые тапки найти не удалось. Из приоткрытого окна тянуло свежим утренним воздухом. Солнце висело еще совсем низко, но Борх тем не менее мысленно укорил себя: «Проспал! Понабегался ночью за этими малолетками и проспал. Кстати, о малолетках...»

В коридоре было тихо. Почтенный командующий на цыпочках прокрался к самой дальней двери, повернул витую ручку, заглянул и улыбнулся – из груды разноцветных одеял торчали только розовая пятка и растрепанная темная макушка. Борх просеменил к пятке, пощекотал, выслушал раз-

давшееся в ответ хихиканье, присел на край постели и прогудел дочери:

– С днем рождения, полуночный бегун!

Сонная Элис попыталась сделать виноватый вид, но не смогла, улыбнулась и затянула привычное:

– Я больше не бу-у-уду, ну правда, пап. Спаси-и-ибо! Я тебя люблю... очень-очень!

– И я тебя. Очень-очень, – вздохнул Борх и насупился, предупреждая. – И если этот, конопатый, тебя обидит, я ему...

– Да-да, я в курсе, – зевнула Элис, снова зарылась в теплую постель и продекламировала уже из своей мягкой норки. – Палка, палка огуречик, вот и вышел человечек... был, а потом хась! И весь вы-ы-ышел. Что? Это Лаура иногда так шутила.

– Кхм, – покачал головой Борх, вспоминая другие, еще более сомнительные прибаутки Лауры. – Ладно, поваляйся пока.

– Угу-у-у...

Борх вышел из комнаты, прикрыл за собой дверь и отправился на поиски супруги. И стыренных ею любимых тапок.

Широкую лестницу оккупировала стайка задремавших лис. Орингер спустился вниз, с ворчанием перешагивая через разноцветные хвосты, прошелся по просторной гостиной, посматривая в окна, свернул в сторону и распахнул боковую дверь, внимательно приглядевшись к окрестностям.

Туман отступил. Утро было ясным, но пока прохладным. Молчаливый флигель сиял натертыми стеклами многочисленных окон. Диплекс застыл над посадочной неподвижной угрюмой громадой. У дальних теплиц Снежин, одетая в пеструю курточку, пересаживала какое-то чахлое растение в горшок пообъемнее. Чуть в стороне от нее вышагивал с землемерным циркулем сосредоточенный Норманн, размечая пустошь маленькими столбиками.

Борх вспомнил, что Эбигейл до сих пор не предъявила ему никаких претензий в связи с аварией у транспортного, и с подозрением прищурился на озадаченного сына: «Прям сосранья подорвался. И девчонку свою припахал, хм... вчера они весь вечер шушукались с Элис. Хитрюга Аллиэнн. Неужто к Норманну прицепилась? Э-э-эби, Эбигейл... ох, я тебе устро-о-ою развеселье – палка, палка, огуречик, я тебе цеплялки-то твои укорочу!»

С сердитым сопением захлопнув дверь, Орингер вернулся в гостиную, щелчком активируя экран. Молочно-белое изогнутое стекло занимало половину центральной стены, плавно соединяясь с высоким потолком, и было заполнено картами Белого стана, пустошей, баз, океанского рельефа и окрестностей Серой планеты.

Борх подошел ближе, взмахами руки перелистывая схемы, просмотрел сообщения от Кэсс и Сэма, отправил несколько указаний в Док, выдал адъютантам новые инструкции по технике безопасности, проверил список отбы-

вающего транспорта, продлил разрешения на посадку кораблям медслужбы.

Сзади раздались тихие шаги, и под майку сурового вояки проникли теплые руки, почесывая ему спину, поглаживая, обнимая, отвлекая от всего и вся, в который раз забирая в навечное рабство.

– Ри-и-ита-а-а.

– Мешаю? Ты работаешь, да?

– Нет. Я люблю. Тебя.

Золотистые волосы и нежная шея жены пахли счастьем, запястья – лавандой, а пальцы, едва слышно – печеной курицей. Шелковая блузка, тонкий черный палантин и строгие брюки госпожи Орингер удивительно гармонично сочетались с огромными меховыми тапками на босу ногу. Борх улыбнулся, промурлыкал Рите на ухо: «Ты – маленькое ты-бзило!» – и с удовольствием прихватил ее за округлый зад.

– Ай, ты несправим!

– Вкусненькая моя, а поведай-ка мне все местные новости. Све-э-эженькие такие, сочные, хрустящие, м?

– О, досточтимый командующий и непобедимый воин, неужели вы полагаете, что моя скромная персона имеет хоть какое-то представление...

– Ри-та.

–...о творящихся в окружающем нас социуме интригах, смятении и беспорядках?

– Нахрен социум, меня пока интересует только семейство:

про Норманна и Элис я уже в курсе – у обоих любовь-морковь... а что там с Джозей?

Госпожа Орингер нахмурилась, тяжело вздохнула и отошла к экрану, выговаривая на ходу:

– Джозефинн и Рафаэль поссорились. Очень серьезно. Когда Джо попала в хирургическое с ножевым ранением и была без сознания, Рафи, по договоренности со мной... в общем, он поставил ей спецдатчики слежения. Подкожные, инъекционные.

– Датчики?.. – Борх фыркнул и потер бровь. – Зеркала, что ли?

– Нет, не зеркала, – хозяйка дома удрученно глянула на супруга и призналась. – Зеркала слишком крупные – Диплекс бы их почуял и маякнул. Поэтому Рафи поставил... э-э-э, так называемые «маковые зернышки».

– Е-мое, Рита, ими же тупорылых домашних лисиц чипируют. На случай, если сбегут.

– Да, – Аритэ вновь покосилась и продолжила каяться. – По тревоге сигнал должен был поступить тебе, мне, Рафу...

– Ну, тогда все правильно, а...

– Не перебивай! Сэму, Кэсси, Норманну, Элис, адъютантам здесь и в Доке, главе Полиса, всем патрульным кораблям в заданном радиусе...

– Е-о-о-оп!

– А также Эксперту, всем ведущим сотрудникам его Конторы, стридам и скатам Эбигейл, перевалочным вышкам на

Фере, спутникам у Черной планеты и отцу Рафи, старшему Лихарту. На всякий случай.

– Оху... ма-а-ать моих детей!

– Это еще не все. Я просила поставить два датчика, но Раф так перепугался, что... что установил одиннадцать. Или пятнадцать... он точно не помнит.

– Финиш. Но... но как она узнала про датчики? Как?

– Сэми на радостях сболтнул – пощелкал Джоз на коммуникатор и попросил позвать Рафи, хотя никак не мог знать, что они вместе – Джо планировала ночевать в Штурме, на побережье.

– Трындец. Уф... ну хоть у Сэми все хорошо.

– В смысле?

– Уилма идет на поправку, Сэм рядом, любовь-счастье-целовашки, что?.. Нет?

– У них не было романа.

– Не понял, как не было?! Он тут половину Содружества на флажки порвал, чтоб ее вытащить!

– Она была его ассистенткой, секретарем. И только. Рабочие отношения.

– Какие, нафиг, рабочие, ты издеваешься?! Этот обормот так ей и не признался, что ли?!

– Нет. Он думал, что у него еще много времени.

– Опупительно! Все... все, я расстроен. Я в печали. Думал, надеялся, что у меня скоро внуки будут и вообще, а... все! Жизнь прошла стороной. Все. Корми меня.

– Салатик?

– Фу. А курица еще осталась?..

Экран тренькнул, выдавая новое сообщение от диспетчерской. Господин и госпожа Орингеры озадаченно уставились на желтую точку, появившуюся в центре экрана.

Борх удивленно приподнял бровь, сунул в ухо черный коммуникатор и вышел на связь:

– Командующий Орингер, Белый стан. Желтый Уль-Из-4, вы отклонились от маршрута!

– Да знаю я! – перебил его Уль-Из солидно-низким голосом. – Поговорить надо. Вопрос деликатный, лучше с глазу на глаз. Пустишь или как?

– Посадку разрешаю, – буркнул Борх, снял коммуникатор и пояснил встревоженной супруге. – У нас гости. По ходу намечается визит старших Лихартов – ты же знаешь, Фокс без Эрнестины не летает, не ср... жрет и не дышит. Что-о-об их всех, а! Я уже заранее устал.

– Борх, переодень майку. Немедленно!

– Но это моя любимая, мягенькая! Ну ладно, ладно, сейчас рубашку наброшу...

* * *

В распахнутую входную дверь ворвалась изящная дама, словно шуршащее, овеванное золотыми шелками солнце во плоти, и метнулась через холл, разбрызгивая ослепительные

блики от драгоценных браслетов и перстней. Грациозно пробежавшись по гостиной, она практически припала к груди помрачневшего Орингера, и в мольбе протянула к нему руки:

– Спасите! Помогите! Мы не знаем что делать только вы можете нам помочь это ужасно ужасно ужасно!

Борх решил, что рассматривать люстру в такой ситуации не очень вежливо, и опустил глаза вниз – Эрнестина Лихарт, она же мама Рафи, смотрела на него с отчаянием и надеждой одновременно. Золотое платье улеглось вокруг сиятельной госпожи полупрозрачными стрекозьими крыльями, меховая горжетка чуть примялась, пышные светлые волосы и длинная челка пребывали в полнейшем беспорядке.

– Эрни, заканчивай светопредставление! – вошедший следом за супругой Лихарт-старший пристроил куртку в ближайшее кресло, кивнул Борху, галантно приложился к ручке хозяйки дома и извиняющимся тоном продолжил. – Не хотели тревожить, но нам действительно нужна ваша помощь.

Аритэ улыбнулась взволнованному Фоксу, тронула за плечо всхлипывающую в горжетку Эрнестину и предложила:

– Это очень срочно? Нет? В таком случае у меня накрыт стол к завтраку, прошу сюда...

Кухня с большим круглым столом переполнялась запахами пирогов, отваров, специй, нежных духов и звуками – позвякиванием посуды и чрезвычайно эмоциональной беседой:

– Эрни, подожди тараторить! – в который раз попытался урезонить жену Лихарт. – Скушай печенье, давай! Значит, так. Рафаэль опять собирается лететь на Феру. И это после того, как его там чуть не... ох... Зевс нашел еще около полусотни человек с различными вариациями опухолей белого типа и предложил Рафи сделку.

Борх подставил Рите тарелку для добавки, пожал плечами и ответил:

– Пускай летит. В центральном секторе Феры безопасно. Эрнестина вздрогнула, нервным движением поправила челку, и возразила:

– Если бы только в центральный! Если бы! Синий перевозчик Рафи очень маленький, но к нему на магниты цепляется дополнительный отсек – вагон – для груза. Третьего дня я... совершенно случайно, клянусь-клянусь-клянусь! Я увидела сообщение из техслужбы, что вагон готов, и... он огромный! На двести медкапсул. Я спросила у Рафи, а он весь взбеленился, зашипел и... в общем, обиделся!..

Борх коротко ругнулся и заворчал:

– Все ясно. Наш гений от медицины собрался не только к Зевсу, но и еще к кому-то.

– Именно, – сердито кивнул Фокс. – Сделка с куплей-продажей людей незаконна. Если я привлеку Эксперта и Совет, всю эту лавочку разгонят к чертовой матери, и Раф не сможет забрать всех пациентов. На Фере такой бардак творится! Большая часть населения не имеет никаких документов, их как будто не существует в природе. Хм, если человеко-торговцы заметят мое сопровождение, они скорее всего просто откажут Рафи в посадке. У меня с ними отношения не сложились, полететь вместо сына или вместе с ним я не могу. Нанять телохранителей-стрижей тоже не получилось, они сейчас на другом конце галактики. Подать прошение в Совет о принудительном изъятии людей в связи с угрозой для их жизни и здоровья... на всю эту бюрократию требуется не менее полугода, слишком долго, там уже половина доходят перемерет. Рафи не станет ждать – проскользнет каким-нибудь скрытым коридором, и не угонишься за ним. Проблема в том, что у него есть лицензия с доступом в любую точку Содружества – он же военврач по профессии, им куда угодно можно. Мы уже пытались с ним поговорить, но... он слегка не в себе.

– Из-за ссоры, – с грустью пояснила Эрнестина. – Видимо, с Джозефинн не сложилось и... он весь иссох, совсем не кушает. Работает и курит, курит и работает. Нам так жаль, что не вышло с Джози.

– Ага, конечно, так я и поверил, – ухмыльнулся Борх, снова протягивая жене тарелку. – У вас такая солнечная, медовая семейка. Желаете освежить генотип ложечкой орингеровского дегтя?

– *Ложечкой?* – иронично уточнил Фокс. – Хм, полагаю, Джозефинн – это не ложечка, а целый черпачок. Ведерный!

Борх похихикал, уже более благосклонно оглядел высокогородных гостей и азартно прищурился:

– М-да-а-а, детки не дают нам заскучать. А знаете, что самое противное? У прощелыги Зевса наверняка есть еще как минимум две партии «человекотовара», но он их пока придерживает – по частям продавать дороже. Сначала сплавит самых тяжелых доходяг, а потом тех, кто полегче. У пернатых банд, к которым Рафи потащится после, и вовсе нет такого количества больного народа – вранье это все. Заманят его, а потом еще и выкуп с вас потребуют. Там такие дебри, ищи-свищи...

– Я о том же подумала, – насупилась Аритэ и предложила свой способ решения проблемы. – Можно скосить их лесные заросли моей красной сетью, гектаров сто, чтобы окрестности просматривались, а потом загнать местные банды в их же выгребные ямы – по горло в дерьме стоять, пока Рафи будет грузить капсулы в перевозчик.

– Уще-э-эрб, – поморщился Орингер. – Бюрократы опять будут орать из-за тех долбанных реликтовых тычин, весь мозг проедят. У нас и так полный подвал этих браконьерских

досок! Джозя выкосила там всю опушку.

– Да, да, ты прав, – Рита подумала еще и встрепенулась. – А если оцепить периметр зондами-ежами, припугнуть, а излишне шустрых вождей закоптить дымовыми? Помнишь, как тогда?

– Дымовыми?.. Не помню... на пустошах?

– Нет, на побережье! Лаура учила девочек обращаться с выкидушкой, а Сэми заявил, что будущее за сложным оружием, а не какими-то там ножиками. Они начали спорить, а Норманн в это время спрятался в овраге, но мы подумали, что его какие-нибудь залетные дилеры утащили, немножко запаниковали и...

Орингеры вспомнили, что завтракают не одни, умолкли и покосились на милую солнечно-медовую чету.

Впечатленная их диалогом Эрнестина застыла с чашкой в руке. Фокс же с задумчивым видом помахал в воздухе ложкой и оценил:

– Вариант с ежами мне понравился, да... шум, гам, тарарам. Только вместо дымовых можно волеподавляющее распылить – у меня два контейнера в грузовом отсеке, должно хватить.

Боковая и входная двери громко захлопали. Из коридора и гостиной донеслись голоса Норманна, Снежи, Джо и Элис:

– Я уже все разметил, но эти уродские кости вообще не горят. Как их в таком виде закапывать? Пап! Я топлива чуток солью, подпалить, ладно?

– Мэни, туда нельзя горючее, о-вэй! Земля будет плакать и страдать от ужаса, я говорила, айн! Нельзя горючее! А кости нужно... как это... порезать, нет... раздробить...

– Мам! У меня заяц какой-то кривой. И у него уши к черепашке не пришиваются, топорщатся. Я уже все пальцы кончала! Где у нас толстые иглы? О-о-о, Элис вышла, с днем рождения тебя!

– Да-а-а, я просну-у-улась. Всем приветики! Спасибо, спасибо! Ой, у нас трупы на лестнице валяются, вы видели? Пушистые, лисьи тушки! Тру-у-упики, пу-у-уси мои, дай мордочки поцелую... а где толстая серая жопа?..

Борх и Аритэ обменялись улыбками. Многодетные Лихарты с пониманием покивали. Молодежь в гостинной зашумела вновь:

– Привет, Элиуся, праздник на ножках. Блин, я понял о чем ты, Снежик! Не раздробить, а размолоть. Пап, я буду костную муку рассыпать, как удобрение. Закажи еще пару центнеров той костлявой рыбуленции.

– От-са'лют, Эличка! Ой, Мэни, тот кустик тоже надо пересадить, срочно-срочно!

– Ну что за фигомундия, а? Похоже, я зайцу голову неправильно пришила! И шеи нет. Мама, у него вообще должна быть шея? Мам!

– Фу-у-у, они линяют! Брысь! Брысь, говорю! Вся лестница в шерсти. Валите на улицу и там своими мохеровыми штанами трясите. Пап, я прогуляюсь немного. Скоро вернусь!..

Дом наполнился возмущенным скулежом потревоженных лис, топотом и поскрипыванием половиц:

– Ого, у нас гости! Здравсте!

– Доброго утречка!

В кухню влетели всклокоченный Норманн и и сияющая белой косой Снежа, повытаскивали из кухонных шкафов несколько ярких коробок, наследили и ретировались:

– Всем пока! Челнок, кстати, у вас крутецкий, прям золотой!

– До свиданьица!

Из-за поворота вырулила хмурая Джоз, упакованная в черный летчицкий комбинезон, посторонилась, пропуская юных агрономов, пробурчала в сторону гостей какое-то невнятное приветствие и уселась за стол, подцепив с ближайшего блюда кусочек дыни.

Лихарты оставились на нее жадно и все с той же надеждой.

Борх оценил обстановку, снова протянул жене тарелку для добавки и как бы между делом поинтересовался:

– Так... когда, вы говорите, Рафаэль собрался лететь?..

Эрнестина быстро переглянулась с Аритэ, вздохнула и пожала плечами:

– Рафи такой скрытный – ничего, совсем ничего нам не рассказывает.

– Да-а-а, – сурово запыхтел Фокс. – Возможно... возможно, он уже сейчас, в эту самую минуту, летит навстречу опасности и, рискуя собственной жизнью, пробирается...

Джоз не выдержала, гоготнула, стрельнула черными глазами и непочтительно припечатала:

– Брешете, уважаемый. Летит он, ага... типа морковка в щи-борщи намылилась, а вы тут чинно-благородно чаек попиваете? Как же. Держу пари, вам из техслужбы просемафорят, когда он отчалит. Угадала? Просемафо-о-орят, и это правильно. Всяким там придурошным морковкам просто необходим поводок покороче. И учет.

Фокс усмехнулся: «Черпачо-о-ок», а Эрнестина отчего-то покраснела до корней волос, потербила салфетку и в смущении призналась Орингерам:

– Учет, да. Учет нужен... я случайно, правда-правда! Мастер из техслужбы сказал, что будет незаметно. Синий перевозчик Рафаэля очень маленький, на него всего пять жучков получилось установить... всего пять, клянусь! И еще семь – на вагон для пациентов. Жучки-прилипалы. Мастер сказал, что это самые лучшие зонды для слежения, ой, то есть, для учета. Всего пять! И семь.

Джози отвлеклась от дыни, вытаращилась, пробормотала: «Зонды слежения... жучки. Морковку тоже чипировали. Я отомщена!» – и расхохоталась в голос – хрипловато, громко, до слез и с подвыванием.

Госпожа Лихарт запунцовела еще интенсивнее. Фокс досадливо скривился, Аритэ прикусила губу, сдерживая смех. Борх понаблюдал немного за Джоз, уверился, что еще абсолютно ничего и никуда не потеряно, взбодрился и решил по-

торопить события:

– Заканчивай ржать, доча. Ты зайца дошила? Вот! А тебе вечером уже лететь в медцентр. Вали дошивать. Угу, а мы тут пока... покумекаем, как бы половчее изымать нужных Рафи человечков, не рискуя при этом получить ответку в виде нашинкованного ножиками медика. Сколько там, говорите, у вас контейнеров с волеподавляющим-то имеется?..

Глава 8. Орингеры

Джоз перехватила зайца поудобнее, настроилась и сделала шаг вперед. На секунду ей показалось, что она идет в лобовую атаку, но стеклянная перегородка, вид которой отравлял вояке жизнь весь последний год, дрогнула и с легким шипением скользнула в сторону. Белый коридор за ней вспыхнул дорожками огней, указывая посетительнице правильное направление движения.

Плотная белая спецроба привычно шуршала при ходьбе, штанины цеплялись друг за друга, высокий воротник натирал шею, уши, трогал тугой пучок на затылке. Спешащая Джозефинн ощущала себя маленьким хрупким снеговиком, по ошибке забредшим в теплое место и уже основательно подтаявшим.

Белые огни стремительно метнулись вправо. Едва справляясь с волнением, Джоз ускорила шаг. Мимо нее промелькнуло ярко-голубое, голографическое «Третий медотсек Полиса», следующий поворот раскрылся просторным помещением без окон. Джозефинн прищурилась – его белоснежное наполнение и встроенные лампы на покатых сводах потолков казались ослепительно яркими.

Многочисленные высокие ширмы, ровные ряды матово-белых медкапсул, этажерки со странными инструментами, много просто пустого места и воздуха, тишина...

Ближайшая к Джо ширма вспыхнула теплым золотистым светом, приглашая к себе, округлая капсула за ней дрогнула, раскрывшись сложным пышным соцветием со спящим внутри мальчиком с Феры.

Джозефинн замерла, рассматривая бледное, осунувшееся личико своего маленького подопечного, россыпь серебряных диагностических точек на его висках и шее, прислушиваясь к спокойному ровному дыханию. Вояка сунула зайца под мышку, наклонилась к мальчику, легонько пощекотала ему нежную щеку, нос, погладила мягкие вихры на темени и позвала по имени:

– Рейко, просни-и-ись. Проснись, пора вставать, Рейко-о-о. Это я, Джо.

Мальчик медленно открыл глаза, рассмотрел белый потолок над собой и непонимающе нахмурился.

Джози проговорила-пропела выученные ею заранее фразы на окраинном диалекте и вновь позвала Рейко по имени.

Маленький пациент перевел на нее взгляд и чуть слышно выдохнул:

– Жо-се-фин, – узнал.

Заметив торчащего у Джо из подмышки зайца, он воспрял духом, улыбнулся и протянул к нему руку...

* * *

Джозефинн вышла из реанимационного блока, дернула

застежки на высоком вороте и в изнеможении прислонилась плечом к стене в тщетной попытке отдышаться и успокоиться.

Стена отсканировала прижавшуюся к ней человеческую особь, задумалась ненадолго и пшикнула на суровую вояку облачком нашатыря.

Джоз закашлялась, отпрянула и направилась дальше по коридору.

Проигнорировав переход в зеленый сектор, Орингер решительно свернула в сторону, пролетела через просторный круглый холл со множеством боковых выходов, хлопнула одной дверью, другой, и ворвалась в кабинет, заполненный стопками инфостекол, книг и непонятого назначения контейнеров с кудрявыми спецсимволами на матовых боках. Под потолком висели голографические изображения колотых ран, разноцветных опухолей и переломов – весьма натуралистичного вида.

Хозяин помещения, доктор Рафаэль Лихарт, высунулся из-под массивного стола, увидел вошедшую без стука Джоз и юркнул обратно, продолжив собирать в контейнер раскатившиеся по полу шарики.

Оскорбленная таким невниманием Джозефинн топнула ногой, дернулась с места, нырнула туда же, под стол, и, несдержанно рыча, инициировала беседу:

– Я его заберу, понял, ты?! Рейко! И чтоб никаких дамочек из этих идиотских детоприемников возле него не крути-

лось!

– Руки убрала!

– Это мой мальчик! Мой! Мой!

– Хватит орать! Опомнилась! Борх и Рита только что подписали документы об опеке над Рейко. Усыновление тебе?! Ага, разбежалась! Мамашка нашлась, гляньте! Мудрая, понимающая, с бога-а-атым жизненным опытом, героическим прошлым и славным уютным домиком в бандитском Доке.

– Я не... я...

– И не смей рыдать мне тут, возьми себя в руки! Заканчивай истерику! У ребенка впереди три недели реабилитации, плюс восстановительный спецкурс. Затем контрольные обследования каждые полгода. Завтра с утра его переводят в обычную палату. Да не реви ты! Если хочешь, я определю тебя в прикрепленную гостевую комнату – присматривай за Рейко, помогай ему, занимайся, учи, выводи на прогулки, показывай город, людей... ну не реви, а!

Джозефинн выползла из-под стола на четвереньках, встала, опираясь о стену, вновь получила в лицо облачко нашатыря, надсадно раскашлялась и закрыла лицо руками, вздрагивая – маленький снеговик скособочился и совсем поплыл.

Раф поднялся на ноги, пристроил контейнер с шариками на этажерку, обернулся к Джо, наскоро придумав утешительное: «Подбери сопли, платки вон там...» – но сказать ей ничего не успел.

Орингер вытерла нос рукавом, обожгла Рафи черным

взглядом, аккуратно подсекла медика под колени, ловко уронила в его же рабочее кресло и тут же навалилась сверху. Перегруженное кресло пискнуло, крякнуло и одним плавным движением отклонилось назад, еще плотнее зажимая господина Лихарта между спинкой и напавшей на него воякой.

Ошалевший от такой бесцеремонности Рафи беспомощно болтнул ногами в попытке освободиться из хитрого захвата, не смог и молча, но свирепо уставился на Джозефинн.

Орингер помедлила немного и для начала, приподняв подбородок, продемонстрировала Рафи свои губы, похвалив его за труды и старание:

– Все затянулось, видишь? Ни одного шрамика. У-у-умница ты мой! И новых ранок нет – я теперь вместо них ногти грызу. Тш-ш-ш...

Чуть ослабив хват, Джо зажала Лихарту рот маленькой сильной рукой, чтобы не перебивал, и хрипловато познакомила его со своими дальнейшими планами:

– Да, все правильно. Сначала лечение. Потом мальчик какое-то время побудет у папы с мамой, освоится в стане, окрепнет, а потом, если черноглазик захочет, я заберу его к себе. И *тебя* я тоже заберу, золотце, если захочешь. Насо-всем. В жопу всех этих бюрократов с их бумажками. В гробу я их видала, бесят. Пусть попробуют у меня в Доке покомандовать, пусть рискнут. И гавкальник-то не успеют раскрыть. А ты... ты будешь командовать, да! Еще как. Доков-

планеты вывезен потенциально опасный для цивилизованного общества субъект – это они про Снежин, угу. Да-а-а, рядовые сотруднички Конторы как всегда пышут служебным рвением и дебилизмом... кстати, сомневаюсь, что они хоть раз бывали на Фере. Этические нормы на Фере – бред! Пока-а-а они во всем разберутся, пока-а-а отменят дурацкие постановления, утечет мно-о-ого времени... улавливаешь направление моих мыслей? Сэм прихватил свою ненаглядную Уилму и уже усвистел на Серую, ему все эти разбирательства тоже до одного места, а вот ты-ы-ы, морковкин, чую, получишь по полной. Не надоело?

Разоблаченный Раф поиграл желваками и кое-как выдал всезнайке Орингер:

– Это мое дело и мои проблемы. Слезай.

Джо повозилась немного, уселась на медике поудобнее и предприняла еще одну попытку:

– Знаешь, эти инъекционные датчики слежения, которые ты мне поставил – «маковые зернышки» – оказывается, совершенно гениальная штука! Я не стала их из себя вынимать или портить. Пусть будут, раз тебе так спокойнее. Но сейчас не об этом. Зевс и банды обманут тебя, а то и на куски порежут, лапушка. Ты – профи, мой дорогой, ты должен лечить, а не по лесам-болотам скакать, для этого есть специально обученные люди. Хм, у меня на Фере, к примеру, несколько таких юрких человечков имеется, и парочка наемников. Сейчас они общаются с местными, рыскают по секторам и по-

мечают «зернышками» всех нуждающихся в медпомощи людей, это же так просто – ну кольнуло, укусил комарик за плечо, обычное дело. Забирать твоих будущих пациентов будут уже другие мои люди, тоже скрытно, на особых транспортных. И никакой купли-продажи. Ни в коем случае. Исключительно «спасение утопающих», остро нуждающихся в лечении больнушечек, типа «Это наш гражданский долг!», и ты такой посреди этой канители, весь в белом. Серая планета намного ближе Полиса. Даже самые слабые доходяги с Феры выдержат перелет. Мой Док огромный, а будет еще больше. Это теперь промышленный город, а не какая-то грязная сточная канава! Мы выплавляем лучший в Содружестве металл, льем самую крутую броню и ремонтники у нас не хуже, чем в Полисе. Даже хапуга Эбигейл признала это и уже по-тихому строит ангары у меня в пригороде, пока никто из конкурентов не прочухал. Рафичка, ну не упрямясь, дорогой, подумай. Не знаю, сколько на это понадобится времени, но я буду ждать ответа. Поду-у-умай, прошу тебя...

Раф подумал, сделал кое-какие свои умозаключения и с подозрением уставился на притихшую Джоз: «Она назвала меня Рафичкой? Что это с ней? Смурная какая-то. Зайцев шьет, плачет, скачет вокруг мальчишки, потом снова плачет или верещит. И Борх недавно жаловался – швырнула в нерадивых подчиненных настольной лампой, орала на весь Док, а потом полдня цветущие кусты рядом с домом нюхала. Хм... Сколько прошло с той нашей ночи? Рановато, хотя... четы-

ре? Пять недель? Так-так-та-а-ак».

Рафаэль обхватил Джо за талию, прижал к себе, поднялся с кресла, осторожно пересадил вояку с себя на стол и вынул из нагрудного кармана короткий черный стек с округлыми кончиками – экспресс-тест на беременность.

Увидев хитрое устройство, Джозефинн поморщилась, нервно почесала шею и проскрипела:

– Вряд ли. Хотя... я сама еще не... не проверяла. Мало ли, может, просто... – не договорив, она протянула медику руку, тут же ощутив легкое покалывание на пальцах.

Раф сжал в ладони размеренно щелкающий тест, выждал положенное время, встряхнул, посмотрел сам и молча показал Джози – короткий стек сделался похожим на упитанную зеленую гусеничку. Матовую, гладкую, нежно мерцающую. Положительную.

Джо сглотнула и еще более нервно почесала шею. Рафаэль аккуратно уложил гусеничку обратно к себе в нагрудный, за бока стащил маленькую вояку со стола, обнял и поцеловал ее так, что Джозефинн забыла про скособоченного снеговика и про «мы слишком разные», зато вспомнила, как ей было хорошо с ним тогда. И как она пела ему в ванной, и негромко мурлыкала после на кухне, пока он варил ей на молоке какой-то сложносочиненный чай, и снова пела для него, вернувшись в постель... и как отчаянно фальшивила, задыхаясь, не в силах вспомнить окончание куплета, выстаннывая взамен его имя. И какой глупостью показалась та ссора, едва

она, взбешенная, выскочила из его дома, не желая слушать, отталкивая... а нужно было остаться. Остаться с ним, сделать, сказать, признаться, пусть и ослабив себя этим, и возможно даже растеряв себя вместе с надеждой на такое правильное «мы».

И сейчас ей нужно было оторваться от него и сказать, наконец. Победить. Или проиграть, отпрянуть, сливаясь с белыми нашатырными стенами, заболеть, истончиться, отказаться от дальнейших попыток после его возможной фразы: «Хм, надо подумать...» – в ответ. Ей нужно было набраться смелости. Не трусить. Смочь. Сказать.

Джо прижалась щекой к его щеке, ослабила объятия, чтобы сразу отпустить, если потребуется, и прошептала Рафи на ухо:

– Я тебя люблю.

Рафаэль вздрогнул, уставился на нее во все глаза и торопливо ответил:

– Очень давно! – тут же понял, что не сказал вслух самого главного, лишь подумал об этом, и еще сильнее заторопился. – Я очень давно тебя люблю! Давно. Очень. Люблю тебя. Я полечу с тобой в Док. Только... Джо, я... я зануда! И у меня работа. Все время работа. Иногда я буду мотаться в Полис, задерживаться, упахиваться, психовать... и командовать этими твоими доковчанами тоже буду. Орать и требовать, чтоб как в операционной – чистота, порядок, дисциплина и музыка приятная, фоном. Мы с тобой сегодня по-

женимся, да... нет, сейчас! Прямо сейчас! Пошли!

Джо попыталась хоть как-то образумить горящего энтузиазмом медика:

– Раф! Подожди, куда?! Я же в спецробе!

– И что? Нормально! Она ведь белая и вполне себе...

– Нет! Нужно платье и цветы. Я хочу цветы, понимаешь?

– Хорошо, хорошо! Ох, голова кругом, о чем это я?..

Вспомнил! Жениться, срочно! Пойдем, птичка, давай, шевели своей красивой попкой. Пти-и-ичка моя... как ты там говорила? «Где тут у тебя крова-а-ать... я дальше гостиной еще не *за-ле-та-ла!*!» Нашла кровать? Залете... ну не обижайся, Джозик! Хм, значит цветы. Кстати, а какие ты любишь? Пионы? Ромашки? Ирисы? Фиалки? Астры? Хризантемы? Давай, я записываю... так, взять полкуста цветущей жимолости... неплохо, добавить молодые побеги можжевельника... найдем, не вопрос, белые тюльпаны с маленькими плотными бутонами... а может, зеленого лучку еще, а? Для аромата? Все, все, не фырчи, записываю дальше, диктуй...

* * *

В густой, спокойной, уютной темноте опять кто-то затопал.

Сэми открыл глаза, послушал немного: «Толстый бродит по коридору. Инспектирует территорию», – и тяжело вздох-

нул.

Уснуть так и не получилось. Даже здесь – в любимом, спокойном, теплом родительском доме. Мысли и воспоминания метались в голове упругими шариками, не давая покоя...

Удушающее чувство собственной беспомощности, страх потерять, пропасть волнений, белые коридоры медцентра, гладкие матовые стены, стеклянная перегородка, синяя медкапсула, погруженная в беспмятство Уилма – тонкая, хрупкая, будто полупрозрачная шелковая лента, мгновения, часы, дни, месяцы... победа, выписка, рекомендации медиков: «Прохладный климат, без резких перепадов температур, прогулки, положительные эмоции...», бесшумные лифты, тяжелое предгрозовое небо над огромным пестрым Полисом, подрагивающий в предвкушении полета Штурм, Уил в соседнем кресле – отрешенная, очень задумчивая – все та же полупрозрачная шелковая лента, но живая, спасенная.

Сэммиэлль рывком сел на кровати и схватился за голову.

Лента, лента, лента... улыбка, смешливые искорки в ее темно-карих глазах, взлохмативший волосы теплый ветер, золотой фест, хлопки фейерверков, оборванная на середине фраза, в мгновение остекленевший взгляд, озарившееся золотыми цветами небо, неожиданно тяжелое тело на руках, белое лицо, едва заметное биение тонкой жилки, расте-

рянная Джо в переливающимся радугой коротком платье, острый нос прибывшего на вызов белого транспортника, медцентр, инфопластины с результатами диагностики, словно окаменевший Рафи... лента, лента, лента.

Сэм прошипел себе под нос парочку изощренных ругательств, вскочил на ноги, одернул майку, сунул руки в карманы просторных штанов и прошелся по комнате туда-сюда, поглядывая в высокое окно.

Семейство, утомленное долгим, насыщенным событиями днем уже давно разбрелось по комнатам и угомонилось.

Черное беззвездное небо захватило седоватые пустоши, утопив горизонт в чернильной темноте. Где-то неподалеку, в зарослях терновника, запела одинокая цикада... в коридоре снова раздались топот, пофыркивание, а потом и тонкое поскрипывание петель.

Сэмиэль прислушался, раздраженно чертыхнулся: «Толстый, чтоб его! Полез все-таки!» – и выглянул в коридор.

Дверь в спальню Уилмы была приоткрыта – пол и стену напротив рассекла тонкая полоска желтого света.

Сэм нахмурился: «За хвост выволоку!» – приблизился к желтой полосе и заглянул в комнату.

Толстого внутри не оказалось.

Небольшой торшер наполнял комнату теплым светом, многократно отражаясь в оконных стеклах. Белоснежное одеяло громоздилось на кровати покинутой грустной куч-

кой. Устроившаяся в кресле Уилма отвлеклась от книги, улыбнулась Сэму, неловко пригладила подол своего простого домашнего платья, заправила за ухо выбившуюся из пучка прядку...

Сэми вздохнул: «Засада...» – но все же подошел к ней, присел на подлокотник кресла и забормотал:

– Извини, что без стука. Думал, Толстый опять к тебе жметя, мешает и слюнявится. И днем... мои совсем затискали тебя при встрече, исцеловали всю – они очень переживали за тебя, прости, если... хм, тебе не спится?..

Уил отложила книгу, глянула на Сэма загадочно и ответила ему:

– Да. Не спится. Очень не хватает тебя. Вернее твоего голоса рядом. Привыкла... там, в капсуле.

Ночная цикада прибавила громкости. Ветер зашуршал по оврагам и кустам, стукнул оконными створками, приподнял тонкую занавеску.

Сэм напряженно уставился на Уилму.. Она не отвела взгляда. Сэмиэльль нахмурился, сипловато отмечая:

– Ты была без сознания. Я думал... думал, что ты не слышишь меня и...

– Думал, что не слышу? – усмехнулась Уилма, вытянула ноги, зачем-то рассмотрела свои полосатые носки и снова перевела взгляд на Орингера. – А зачем же тогда говорил со мной? Постоянно. Я ведь всего лишь твоя секретарша, или нет? Хм, видимо, нет. Ты постоянно мне что-то рассказывал,

читал, нашептывал, просил, звал, не отпускал... признавался в любви.

– Вилли... – Сэми смешался под ее неподвижным взглядом.

– Даже стихи! – удивленно приподняла брови Уилма, вспоминая. – Стихи! Я и предположить не могла! Мой угрюмый шеф и стихи! Стихи и занудный, вечно бухтящий что-то себе под нос гений от архитектуры.

– Уил... – Сэми тяжело вздохнул. – Я понимаю, как это все сейчас выглядит. Все эти сплетни о нас, что мусолят на Лисьей, здесь и в Полисе... ты ничего не должна мне и ничем не обязана, ты...

– По четыре века проходит за день, – почти шепотом процитировала Уилма, снова рассматривая носки. – И черно, как в гулкой печной трубе...

– Уил... Вилли...

– Ходишь, как слепой, не считая ссадин. И не знаешь, как... позвонить тебе⁴.

– Уил, ты ничем не обязана. Мне было нужно, чтоб ты жила. *Мне* было нужно.

Уилма кивнула, встала с места – Сэм тут же вскочил, придерживая ее под локоть – и направилась к окну. Щелкнув задвижками, она открыла створки шире, вдохнула прохладного, будто сладкого ночного воздуха, повернулась к взволнованному Сэмиэллю и продолжила:

– Ужасно, ужасно. Работать с тобой было ужасно. Я пришла к тебе на собеседование и осталась, а потом очень долго обижалась на себя – зачем? Почему осталась? Первые полгода я места не находила, а потом так привыкла ходить подранком. Подбирала за тобой изрисованные какими-то необыкновенными орнаментами листочки, картонки с сине-белыми схемами мостов и переходов, инфостекла с заметками, смотрела тебе в спину, все думала – ну надо же! Бывают же... *такие*. Такой. Нельзя таким быть, Сэм! Талантливым, красивым, цельным, нельзя! И семейство у тебя, как назло, оказалось совсем не заносчивым, как некоторые высокородные господа, а очень теплым и приветливым. Ужасно. Поэтому я не позволяла себе вольностей. Была просто коллегой. Профи. Потому что, ты... как битва, понимаешь? Ты, как сражение, как война. И я думала, я была уверена, что живой мне не выбраться. После, когда тебе наскучит незамысловатая интрижка – «чрезвычайно породистый шеф и его хлипкая неказистая секретарша», потом... Я даже не думала о том, что этого *потом* вообще может не быть, что я могу вдруг оказаться в вязкой черноте, не чувствуя тела, рук и ног. Идиотка. Там ничего не было, ни-че-го. Только чернота и твой голос. Вот тебе и... сражение.

Последние слова дались Уилме с трудом – Сэм подошел совсем близко, околдовывая ее взглядом, будто заслоняя плечистым силуэтом всю комнату, запирая Уил между собой и черными ночными пустошами, уже не придерживая ее за

локоть, а привлекая к себе, сильно обнимая, так, что ей стало спокойно и тревожно одновременно, тепло, почти жарко и очень голодно. До мгновений, часов, дней, месяцев жизни рядом с ним. До его запаха, мягких прикосновений и осторожных, но совершенно умопомрачительных поцелуев, обжигающих шею, чувствительную кожу за ухом, висок, скулу, щеку, губы...

Орингер осмотрел прильнувшую к нему, разнежившуюся Уилму, довел ее до кровать, уложил, примостился рядом, соорудив вокруг них уютное одеяльное гнездо и пробурчал:

– Я сегодня тут буду. И вообще. Все время. Всегда буду с тобой.

– Всегда? – приснула Уилма, заранее уточняя. – Меня повысили? С сохранением прежнего оклада, господин архитектор, или я могу рассчитывать еще и на премиальные время от времени?

– Шали-и-ишь... – замурлыкал Сэм и еще теснее прижался к Уилме, легко поглаживая ее под одеялом. – Премиальные будут, чуть позже. Натурой, если вы не станете возражать, многоуважаемая профи.

Многоуважаемая профи не стала возражать – уже в полудреме сняла заколку, распуская волосы, и закрыла глаза. Темнота больше не была вязкой, не пугала ее. Темнота была тихой, теплой и упоительно пахла любимым человеком.

Сэм тихо щелкнул пальцами – погасил торшер и замер, беспокойно прислушиваясь к ровному дыханию Уил.

В коридоре опять заскреблось и затопало. Дверь дрогнула, впуская в комнату носатый серебристый шарик с хвостом – Толстый закончил патрулирование и вернулся к гостю, остро нуждающемуся в его присмотре и обогреве.

Сэми раздраженно зашикал на него, покосился на уснувшую Уилму, беззвучно проартикулировал наглому лису: «Пшелвон!» – но в ответ получил лишь тихое презрительное пофыркивание.

Толстый удивительно плавным для такой комплекции движением перетек с пола на кровать, распластался в ногах у Уилмы, положил голову ей на колено и умиротворенно засопел.

Орингер сдался, оставив его в покое, подумал: «Уснуть, наверно, все равно не получится...» – и отключился.

* * *

Норманн дернулся, вскочил и тут же зашипел от боли – уснуть в кресле было не самой удачной затеей. Левые рука и плечо онемели, шея была будто в колючем ошейнике. Вокруг громоздились ровные ряды контейнеров и пара куч бардака, собственноручно сооруженного молодым агротехником накануне.

Ночная мгла уже поредела. Белые коробки и мешки казались серо-голубыми в неясном предутреннем свете. Ужасно хотелось пить, есть, умыться, еще поспать и... но в боко-

вом окне мигнуло что-то ярко-синее. Норманн пригляделся, резко вздохнул, метнулся в сторону, схватив со стола короткий темный прут, толкнул дверь и стремительно выбежал на улицу.

Укутанная в светлый плед Снежин стояла посреди сизоватых, чуть туманных пустошей. Прямо перед ней висел крупный черный зонд, поблескивая синими огнями.

Норманн на бегу отметил: «Боевой! Опасный! Чей?!» – перемахнул через низкую изгородь – темный прут выпустил изогнутое матово-белое, будто костяное лезвие – добежал, заслонил Снежку собой и с рычанием взмахнул своим оружием.

Зонд с трудом увернулся от умелого свистящего выпада. Снежа ойкнула, залопотав что-то на диалекте. Норманн крутанул прут вокруг запястья, приготовился ко второму заходу, но зонд опустился ниже, защелкал, включая динамик, узнаваемо хмыкнул и насмешливо протянул задорным молодым голосом:

– Ка-а-ак тебя корячит, Орингер, просто жесьть! Хвост трубой, прям офигеть. Даже я впечатлился, а уж твоя очарова-а-ательная девушка еще больше. Прошу прощения, милая леди. Как вас звать-величать-то?

– Снежин, – приснула Снежа и придержала набычившегося Норманна за плечо. – Не надо так, Мэни, все хорошо, правда! Не волнуйся.

– Краса-а-авица, – подначил Орингера черный кругляш. –

Тихо, тихо, не кипишуй. Узнал меня, да?

– Рыжий патрульный! Маркус.

– Угу, – подтвердил зонд и попросил. – Слушай, дело есть. Элис еще спит, окно у нее закрыто. Можешь передать ей вот это?

Зонд опустился ниже и дрогнул, раскрываясь сияющим черно-синим соцветием.

Снежин восхищенно выдохнула, осторожно потрогала один из матовых лепестков, ойкнула от выскочившего ей навстречу тонкого усика, а потом засмеялась, поглаживая его округлый кончик. Норманн достал из теплого нутра курьера записку с размашистой надписью «Элис» и искусно свернутую из красной бумаги фигурку лисички – подарок.

Зонд с легким похрустыванием вновь свернулся в шарик, немного покрутился вокруг своей оси и негромко спросил:

– Передашь?

– На столике у кровати оставлю, – пробурчал Норманн, вспомнил кое-что и с хитрой улыбкой покосился на синие огоньки. – Ка-а-ак тебя корячит, жесь! Даже я впечатлился. Хвост трубо-о-ой...

Снежин звонко расхохоталась, обнимая Норманна со спины. Его прут щелкнул, заглатывая костяное лезвие. Зонд-Маркус мечтательно повздыхал, поугукал, отсалютовал снопом синих искр и рванулся вверх, почти мгновенно исчезая из вида.

Восходящее солнце подсвечивало пустоши золотом, мно-

гократно отражаясь в высоких окнах большого дома. Норманн покачал головой, с укоризной глянул на веселую Снежу и заворчал на нее:

– Зачем из дома одна вышла? Опять, что ли, депрессовала? Хотела уйти? Куда глаза глядят?

– Не-а, – смешливо наморщила нос белянка, обошла Орингера, кокетливо поглядывая на него и заявила. – Зря ты это все, Мэни! Зря! Я ведь теперь прилипну к тебе, ой-нэ-э-э... смертельно!

– Намертво, – со смешком поправил Норманн, взял ее за руку и потянул к родительскому дому. – Смотри, окна уже горят – мама всегда просыпается очень рано. Пойдем, попросим у нее чего-нибудь пожевать. Заодно Элис отнесем приветик от ее дрессированного рыжего пуделя. Папа, наверное, еще спит. Он на Эбигейл какого-то офигительного юриста хочет натравить, самого злого в Содружестве. Ему Фокс с Эрнестиной посоветовали. Мол, каждому кусту моих белых пионов будет присвоен какой-то там номер, типа идентификатор, отдельный документ на каждый цветочек, прикинь? А потом акт приемки-передачи... на четыре тысячи корней! По описи, все дела. Круть! А Эбигейл еще и черных столько же хочет. Возможно, у меня получится вывести такие соцветия. Хм, одна половина пустошей будет белоснежной, как снег, другая – чёрной, будто дегтем облили...

– Ай, Мэни, нельзя топливом! Нельзя!

– Тш-ш-ш, я про цветы, Беляшик, успокойся. Ты только

больше не депрессуй и не сматывайся, куда глаза глядят.

– Ох, Мэни... мои глаза теперь глядят только на тебя. Только на тебя.

– Беля-а-ашик, иди сюда. Сейчас я хорошенько тебе расцелую, а потом дальше пойдём. Сейчас, сейчас, ещё минутку. Ещё. И ещё чуть-чуть... и ещё... посмотри на меня. Все будет хорошо. Веришь?..